BSB Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum
Digitale Bibliothek

Russia mediaevalis

Bd.: 9,1.

München 1997
Z 73.2175-9,1

Copyright

Das Copyright für alle Webdokumente, insbesondere für Bilder, liegt bei der Bayerischen Staatsbibliothek. Eine Folgeverwertung von Webdokumenten ist nur mit Zustimmung der Bayerischen Staatsbibliothek bzw. des Autors möglich. Externe Links auf die Angebote sind ausdrücklich erwünscht. Eine unautorisierte Übernahme ganzer Seiten oder ganzer Beiträge oder Beitragsteile ist dagegen nicht zulässig. Für nicht-kommerzielle Ausbildungszwecke können einzelne Materialien kopiert werden, solange eindeutig die Urheberschaft der Autoren bzw. der Bayerischen Staatsbibliothek kenntlich gemacht wird.

Eine Verwertung von urheberrechtlich geschützten Beiträgen und Abbildungen der auf den Servern der Bayerischen Staatsbibliothek befindlichen Daten, insbesondere durch Vervielfältigung oder Verbreitung, ist ohne vorherige schriftliche Zustimmung der Bayerischen Staatsbibliothek unzulässig und strafbar, soweit sich aus dem Urheberrechtsgesetz nichts anderes ergibt. Insbesondere ist eine Einspeicherung oder Verarbeitung in Datensystemen ohne Zustimmung der Bayerischen Staatsbibliothek unzulässig.

The Bayerische Staatsbibliothek (BSB) owns the copyright for all web documents, in particular for all images. Any further use of the web documents is subject to the approval of the Bayerische Staatsbibliothek and/or the author. External links to the offer of the BSB are expressly welcome. However, it is illegal to copy whole pages or complete articles or parts of articles without prior authorisation. Some individual materials may be copied for non-commercial educational purposes, provided that the authorship of the author(s) or of the Bayerische Staatsbibliothek is indicated unambiguously.

Unless provided otherwise by the copyright law, it is illegal and may be prosecuted as a punishable offence to use copyrighted articles and representations of the data stored on the servers of the Bayerische Staatsbibliothek, in particular by copying or disseminating them, without the prior written approval of the Bayerische Staatsbibliothek. It is in particular illegal to store or process any data in data systems without the approval of the Bayerische Staatsbibliothek.

BSB

RUSSIA MEDIAEVALIS

TOMUS IX, 1

Ediderunt
John Fennel †, Edgar Hösch, Ludolf Müller, Andrzej Poppe

WILHELM FINK VERLAG
MÜNCHEN

BSB

For articles to be submitted to RUSSIA MEDIAEVALIS,
please, keep to the layout guidelines printed on the last page
and send manuscripts to one of the editors:

Edgar Hösch
Institut für Geschichte Osteuropas und Südosteuropas der Universität München,
Wagmüllerstraße 23, 80530 München, Deutschland

Ludolf Müller
Denzenbergstraße 38/1, 72074 Tübingen, Deutschland

Andrzej Poppe
Gdańska 2 m. 79, Warszawa 01–633, Polska

Redaktion und Satz: Hermann Beyer-Thoma

Alle Rechte, auch die des auszugsweisen Nachdrucks, der fotomechanischen Wiedergabe und der Übersetzung, vorbehalten. Dies betrifft auch die Vervielfältigung und Übertragung einzelner Textabschnitte, Zeichnungen oder Bilder durch alle Verfahren wie Speicherung und Übertragung auf Papier, Transparente, Filme, Bänder, Platten und andere Medien, soweit es nicht §§ 53 und 54 URG ausdrücklich gestatten.

ISSN 0721-9431
ISBN 3-7705-3220-1
©1997 Wilhelm Fink Verlag, München
Herstellung: Ferdinand Schöningh GmbH, Paderborn
Gedruckt mit Unterstützung der Deutschen Forschungsgemeinschaft
Gedruckt auf alterungsbeständigem Papier

BSB

Contents - Содержание

Articles - Статьи

Pierre Gonneau, Irène Sorlin, Vladimir Vodoff
Propositions pour une terminologie en langue française du passé des slaves orientaux 5

Leonid S. Chekin
Christian of Stavelot and the Conversion of Gog and Magog
A Study of the Ninth-Century Reference to Judaism Among the Khazars 13

Gottfried Schramm
Korosten' in der Frühgeschichte der Rus': Ein Ortsname als historische Quelle 35

И.С. Чичуров
Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве
(середина XI – начало XII в.) 43

Татьяна Панова
Христианская символика в городском погребальном обряде Руси
(XI–XVI вв.) 54

Hieronim Grala
К изучению русской государственной сфрагистики XVI в. (Литовские «колюмны» на Большой государственной печати Ивана IV Грозного) ... 78

Б.Н. Флоря
С. Немоевский о русском государстве и обществе XVI – начала XVII вв. 105

Publications – Публикации

Hieronim Grala
Киевские пожалования самозванцев 1604 и 1608 гг. 115

Discussion – Полемики

А.А. Горский
К вопросу о роли норманнов в складывании Киевской Руси 129
(*K. Heller* Die Normannen in Osteuropa. Berlin: Duncker & Humblot, 1993, 100 S.)

А.Л. Хорошкевич 136
(*С.М. Каштанов* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. Москва: Наука, 1996. 265 с.)

Edward L. Keenan 151
(*Иероним Граля* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. Москва: Радикс, 1994, 520 с.)

Marshall Poe 162
(*В.Б. Павлов-Сильванский* Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. Москва: Наука, 1991. 247 с.)

Reviews – Рецензии

Jan Kusber 170
(Reinterpreting Russian History : Readings 860-1860s / Compiled and Edited by Daniel H. Kaiser and Gary Marker. New York, Oxford: Oxford University Press, 1994. 445 p.)

Jukka Korpela 173
(*Т.Н. Джаксон* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. Москва: Ладомир, 1994. 255 с.)

Jonathan Shepard 179
(*Jana Malingoudi* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jahrhunderts aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki: Vanias, 1994. 118 S.)

Ludolf Müller 185
(*Jukka Korpela* Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach. Jyväskylä, 1995, 296 S.)

Claudia Zey 189
Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpine: Einführung, Text, Übersetzung, Kommentar / Diplomarbeit von *Johannes Gießauf*. Graz, 1995, 266 S.)

John Lind 193
(*Ludwig Steindorff* Memoria in Altrußland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart: Steiner, 1994. 294 S.).

Donald Ostrowski 197
(*Я.С. Лурье* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.

Inge Auerbach 202
(*Иероним Граля* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. Москва: Радикс, 1994, 520 с.)

Inge Auerbach 206
(*Ю.М. Эскин* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. Москва: Хронографический центр, 1994)

Obituaries – Некролги

John Lind
Iakov Solomonovich Lur'e in memoriam 207

Abbreviations – Сокращения 213

BSB

Articles
Статьи

Pierre Gonneau, Irène Sorlin, Vladimir Vodoff

Propositions pour une terminologie en langue française du passé des slaves orientaux

Les propositions (Vorschläge) pour unifier la terminologie allemande concernant l'histoire des Slaves orientaux[1] posent aux spécialistes de la Rus' ancienne appartenant à différentes aires linguistiques des questions très importantes. Nous essayerons ici d'aborder ce problème du point de vue français, en élargissant un peu le champ couvert par nos collègues allemands.

Il n'est pas besoin d'insister sur le fait que le français ne dispose pas des mêmes facilités que l'allemand pour la dérivation et pour la formation de termes composés et qu'il est beaucoup plus conservateur que l'anglais. Par exemple, comment rendre en français «Rus' nationalities» que M. Hruševs'kyj proposait comme équivalent de «East Slav nationalities»[2]? Il serait, d'autre part, totalement inopérant de vouloir ignorer certains termes traditionnellement utilisés en français, tel «slavon», quand ils présentent d'indéniables facilités.

Dans une perspective idéale, il faudrait adopter comme principe la fidélité totale aux sources, mais il peut être alors difficile de répondre à une exigence fondamentale

1 *L. Müller, G. Schramm, A. De Vincenz* Vorschläge für eine einheitliche Terminologie des alten Ostslaventums // Russia Mediaevalis, 7, 1, 1992, p. 5–8. (Plus loin: Vorschläge).

2 *M. Hruševs'kyj* The Traditional scheme of «Russian» history and the problem of a rational organization of the history of the Eastern Slavs // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S., 2, 1952, p. 360; réimpr. dans: From Kievan Rus' to the Modern Ukraine: Formation of the Ukrainian Nation. Cambridge (Mass.), 1984.

BSB

formulée dans les Vorschläge: «ne pas désigner deux réalités avec le même terme»[3]. Tel est le cas pour le terme Русь, l'adjectif русьскии, ou pour son équivalent savant – un emprunt au grec – Росия et les adjectifs россиискии, россскии, utilisés pour les différents rameaux des Slaves orientaux et les territoires qu'ils occupaient[4].

La distinction introduite au XIVe siècle, par les clercs byzantins, entre la Μεγαλὴ Ῥωσία et la Μικρὰ Ῥωσία[5] pourrait être commode si les équivalents russes, Великая и Малая Россия n'incluaient pas l'idée d'une infériorité, ou d'une subordination, de la seconde à la première[6]. D'un autre côté, l'utilisation des noms Ukraine et Biélorussie, inconnus des sources médiévales dans leur sens moderne, paraît difficile. On trouve également, pour désigner les Slaves orientaux vivant dans la grande-principauté de Lituanie ou, à partir de 1569, dans la *Res Publica* (*Rzeczpospolita*), le terme «Ruthènes»; il présente l'avantage d'être utilisé dans les sources occidentales des XVIe et XVIIe siècles, même s'il faut rappeler qu'au Moyen Age il avait un sens plus large[7] et si, à l'époque contemporaine, il peut être utilisé avec un sens beaucoup plus restreint pour «les Ukrainiens habitant la région des Carpates»[8].

Dans ces conditions, pour désigner la partie occidentale de l'ancien empire kiévien, soumise au pouvoir lituanien ou polonais, et pour pouvoir l'opposer à la partie orientale, dépendant de la Horde d'Or, nous nous sommes inspirés de l'usage qui s'est établi pour l'empire franc. Il est, en effet, admis, sauf dans l'historiographie officielle, que le royaume fondé par Clovis ne peut pas être identifié avec la France contemporaine et, pour le distinguer de celle-ci, on a tendance à utiliser le latin *Francia*, auquel on ajoute, après la division de l'Empire carolingien aux IXe – Xe siècles, les épithètes *occidentalis* et *orientalis*[9]. N'est-il pas possible, en nous inspirant des sources latino-germaniques[10] et du nom de la présente revue, d'imaginer une utilisation analogue du terme latin *Russia*? Employé seul, il s'appliquerait à l'entité politique qui regroupait les tribus slaves orientales autour de Kiev; suivi de l'épithète *orientalis*, il désignerait le territoire occupé plus tard par l'ethnie russe; suivi d'*occidentalis*, il s'appliquerait aux régions peuplées par les ancêtres des Biélorussiens et des Ukrainiens, ces deux adjectifs ayant ici une

---

3 Vorschläge, p. 5.

4 Cf. *A. Martel* La langue polonaise dans les pays ruthènes, Ukraine et Russie blanche, 1569–1667. Lille, 1938, p. 16. (Travaux et mémoires de l'Université de Lille, nouvelle série: Droit et lettres 20); *A.V. Soloviev* Le nom byzantin de la Russie // Musagetes, 3, 1957, p. 24–25; réimpr. dans le recueil de l'Auteur: Byzance et la formation de l'Etat russe. London, 1979, n° XI.

5 *A.V. Soloviev* Le nom byzantin, p. 20–21.

6 Cf. *A. Kappeler* Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992, p. 60.

7 Ainsi vers 1455, pour Enée Sylvius Piccolomini, Novgorod est encore située en pays «ruthène», cf. *A.V. Soloviev* Le nom byzantin, p. 27.

8 Cf. *J. Bérenger* Lexique de l'Europe danubienne. Paris, 1976, p. 216.

9 Cf. *K.F. Werner* Histoire de France. T. 1. Les origines. Paris, 1984, chapitre XV.

10 Cf. *A.V. Soloviev* «Reges» et «regnum Russiae» au Moyen Age // Byzantion, 36, 1966, p. 143–173; réimpr. dans le recueil de l'Auteur (Byzance et la formation de l'Etat russe), n° VIII.

BSB

valeur culturelle et géographique. En avançant cette proposition, nous rejoignons un chercheur petersbourgeois, M.M. Krom, qui a récemment proposé d'utiliser pour la seconde de ces deux entités Западная Русь[11]. Il importe toutefois de ne pas opposer cette Западная Русь à une Русь tout court.

Cette proposition ne résoud cependant pas toutes les difficultés, par exemple celle que soulève la traduction de l'adjectif русьскии ou de son doublet россиискии que, faute de mieux, nous rendons par «russe» (entre guillemets). Nous sommes par conséquent largement conscients des lacunes et des imperfections de ce que nous considérons, à l'instar de nos devanciers allemands, uniquement comme des propositions.

Pour l'essentiel, nous suivrons le plan des Vorschläge en y ajoutant seulement quelques paragraphes supplémentaires. Nous avons cru bon, pour faciliter le dialogue avec nos collègues de différents pays, de faire suivre, quand cela est possible, le terme ou l'expression française, par un équivalent en russe, la koinè de cette revue.

I. Langue vernaculaire

1. Langue parlée locale jusqu'en 1350 environ (appellation traditionnelle: *vieux russe* – древнерусский):

Slave commun oriental (древневосточнославянский)

L'expression «vieux slave oriental» peut amener en français une confusion avec le «vieux slave», cf. infra, II, 1.

2. Langue parlée de l'époque antérieure à l'introduction de l'écriture (si nécessaire) :

Slave commun oriental de la haute époque (Общий востокнославянский старшего периода)

3. Langues parlées entre 1350 et 1700 :

a) *Russe ancien* (старорусский)
b) *Ukrainien ancien* (староукраинский)
c) *Biélorussien ancien* (старобелорусский)

En utilisant ces termes, traduits littéralement du russe, on évite l'emploi de l'adjectif «moyen» qui devient impropre dès lors qu'on ne parle plus de «vieux russe», «vieil ukrainien», «vieux biélorussien».

---

11 *М.М. Кром* Меж Русью и Литвою: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. Москва, 1995, p. 26. On notera que cette expression se distingue de l'appellation officielle Западная ou Юго-Западная Россия utilisée dans l'historiographie russe impériale du XIXe siècle.

BSB

II. Langue savante

1. Langue utilisée dans les écrits à dominante religieuse (XIe – XIIIe siècles):

Slavon oriental de l'époque kiévienne (Восточный церковнославянский язык Киевской Руси)
Doit être distingué non seulement de la langue vernaculaire – malgré la présence de textes rédigés dans une langue mixte –, mais aussi du vieux slave (vieux bulgare), ainsi que des autres slavons, moyen bulgare, morave, croate, serbe.

2. Langue écrite, marquée par la réforme de l'Ecole de Tărnovo (XIVe – XVIe siècles):

Slavon oriental tardif (Поздний церковнославянский)

3. Langue écrite réformée par l'Ecole de Kiev (XVIIe – XVIIIe siècles):

Slavon ruthène (Церковнославянский Киевской редакции)
Normalisée conformément à la phonologie du russe, cette langue, le *slavon moderne* (церковнославянский), est en usage jusqu'à nos jours dans les Eglises orthodoxes slaves.

III. Langues de chancellerie

Le nombre de chartes conservées à partir du XIVe – XVe siècle et la relative stabilité de leur formulaire permettent de distinguer une langue de chancellerie, différente de la langue littéraire (le slavon) et des idiomes parlés[12].

1. Langue utilisée dans les chartes rédigées à l'intérieur des différentes entités politiques russes:

Russe ancien de chancellerie (Старорусский актовый язык)

---

12 Cf. la remarque de *R. L'Hermitte* La phrase nominale en russe. Paris, 1978, p. 208: «Il y a de grandes probabilités pour que [la langue de chancellerie] ne dise rien de la langue parlée à l'époque où ont été rédigés les documents …, mais au contraire qu'elle soit le reflet d'usages, de normes anciennes». Les spécifités syntaxiques de cette langue sont présentées par *В.И. Борковский* Синтаксис древнерусских грамот. 1. Простое предложение. Львов, 1949, 2. Сложное предложение. Москва, 1958.

BSB

2. Langue utilisée dans les chartes rédigées dans la grande-principauté de Lituanie (conservées pour la plupart dans les copies de la *Metrika Litovskaja*), présentant des traits linguistiques biélorussiens et/ou ukrainiens:

Langue ruthène de chancellerie

IV. Littératures

L'usage d'une langue savante plus ou moins commune aux trois peuples slaves orientaux, voire à l'ensemble de la Slavia Orthodoxa, rend difficile une classification fondée sur des critères linguistiques ou ethniques. On adoptera par conséquent des critères exclusivement géographiques et chronologiques, tout comme l'Histoire littéraire de la France inclut les œuvres en latin ou en vieux français, rédigées par des auteurs d'origines diverses.

1. Littérature produite à l'époque kiévienne (XIe – XIIIe siècles):

Littérature slave orientale (Восточнославянская литература)

2. Littérature (y compris les écrits épistolaires) produite dans le domaine russe (XIVe – XVIIe siècles), quelle que fût l'origine des auteurs:

Littérature russe ancienne (Старорусская литература)

3. Littérature produite dans le cadre politique lituanien ou polono-lituanien (XIVe – XVIIe siècles), rédigée en slavon, plus ou moins influencé par les langues vernaculaires slaves orientales, ou bien en polonais:

Littérature ruthène

A l'intérieur de celles-ci, on distinguera, chaque fois que cela est possible, une *littérature ukrainienne ancienne* (Староукраинская литература) et une *littérature biélorussienne ancienne* (Старобелорусская литература).

V. Entités ethniques et politiques du Xe au XIIIe siècle

Le terme français «Etat» ayant une valeur juridique plus marquée que l'allemand «Staat», il paraît difficile de l'employer pour des structures politiques en cours de développement.

BSB

1. Entités ethniques antérieures au Xe siècle:

Pays des Polianes (Полянская земля) (par exemple)
Il paraît plus proche de la réalité historique d'utiliser les noms des tribus, tels que les a conservés la Chronique des temps passés.

2. Entité politique regroupant plus ou moins l'ensemble des Slaves orientaux, de la fin du Xe au début du XIIIe siècle. Nous proposons deux solutions:

a) *Empire kievien* (Киевское государство)
Cette appellation peut être admise, par analogie avec des entités, à la fois multiethniques et peu structurées, comme l'empire khazar ou l'empire mongol. Il vaut mieux éviter «grande-principauté de Kiev» dont l'utilisation laisserait entendre que cette expression apparaît dans les sources.

b) *Russia* (Русь)
Le nom latin évite la confusion avec la Russie moderne et contemporaine telle qu'elle apparaît à partir du XIVe siècle (cf. VI, 1) et qui, dans les sources, est parfois appelée Росия mais beaucoup plus souvent Русь. Toutefois, quelle que soit la solution retenue, une difficulté subsiste pour l'adjectif: que l'on adopte Русь ou *Russia*, on dispose du seul adjectif «russe» que seuls les guillemets distinguent de son homonyme, appliqué, à partir du XIVe siècle, à la Russie.

3. Différentes entités territoriales apparues progressivement à partir du XIe siècle, au fur et à mesure de la désagrégation de l'Empire kiévien. On peut les distinguer de deux façons:

a) par le nom du pays s'il est attesté dans les sources et admis en français:
ex.: *Galicie* (Галичская земля)
Souzdalie (Суздальская земля)

b) par le nom de la ville principale, précédé de «pays» ou «principauté»:
ex.: *Pays (principauté) de Smolensk* (Смоленская земля, Смоленское княжество)
Pays (principauté) de Černigov (Черниговская земля, Черниговское княжество)
Pays de Novgorod (Новгородская земля)

A partir de la fin du XIIe siècle :
Grande-principauté de Kiev (Киевское великое княжество)
Grande-principauté de Vladimir (Владимирское великое княжество)

BSB

VI. Entités politiques du XIVe au XVIIe siècle

1. Domaine russe:

a) Ensemble soumis à l'autorité, au moins formelle, du grand-prince de Vladimir-Moscou:
Russia orientalis (Восточная Русь)

b) Différentes entités de l'époque du morcellement :
Grande-principauté (великое княжество):
de Vladimir (XIVe s.)
de Vladimir-Moscou (fin XIVe – mil. XVe s.)
de Moscou (mil. XVe – mil. XVIe s.)
de Tver' (fin XIVe – XVe s.)
etc.
Principautés (княжества):
de Serpuchov (fin XIVe – mil. XVe s.)
etc.
Dans le cas d'un удел, ou удельное княжество, il convient d'éviter «apanage»[13]; on peut proposer: *principauté territoriale*[14] ou *principauté cadette* si l'удел est opposé à une grande-principauté.
Républiques de Novgorod et de Pskov: on conserve le terme *pays* (земля).

c) à partir du XVIe siècle:
Grande-principauté de Moscou
Empire moscovite (Московское царство) (à partir de 1547)
Moscovie, Russie (Россия)

---

13 Dans le système russe, chaque héritier reçoit une part, удел, celle de l'aîné devenant progressivement la plus importante, alors que, en France, l'«apanage» était donné par le roi à ses fils ou frères puinés «pour leur subsistance» *(ad panem)*, en compensation de la couronne, réservée à l'aîné, cf. *R. Fédou* Lexique historique du Moyen-Age. Paris, 1980, p.15.

14 En faisant la part des différences dues à une autre culture juridique et à une autre échelle, on peut appliquer à l'удел des XIVe – XVe ss. la définition que donne Jan Dhondt: «une principauté territoriale est un véritable Etat dans lequel le prince exerce l'autorité précédemment dévolue au roi», *J. Dhondt* Etude sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe – Xe siècle). Gand, 1948, p. 254.

BSB

2. Le Domaine lituanien

a) Ensemble des pays slaves orientaux soumis à l'autorité du grand-prince de Lituanie et/ou du roi de Pologne:
Russia occidentalis (Западная Русь)
Ruthénie

b) Jusqu'en 1569:
Grande-principauté de Lituanie (Литовское великое княжество)
Pour adopter une traduction unique de velikoe knjažestvo, on évitera «grand-duché», traduction du latin magnus ducatus.
Royaume de Pologne

c) A partir de 1569:
La République (polono-lituanienne) (Речь Посполита – *Rzeczpospolita)*
Union polono-lituanienne (Польско-литовское государство)

VII. Habitants

1. Population de la *Russia* jusqu'en 1350:

Slaves orientaux (Восточные славяне)

2. Population de la *Russia* à partir de 1350:

a) population de la *Russia orientalis:*
Russes (Русские)
Moscovites[15] (à partir de la fin du XVe s.)

b) population slave et de rite grec dans la grande-principauté de Lituanie:
Ruthènes
Quand il est possible d'établir l'appartenance linguistique:
Biélorussiens (Белоруссы)
Ukrainiens (Украинцы)

Encore une fois, il s'agit de propositions et leurs auteurs remercient à l'avance ceux qui leur adresseront des remarques critiques et des suggestions.

---

15 Dans certaines sources, ce terme est toutefois réservé aux habitants de la ville de Moscou et de sa région.

Leonid S. Chekin

Christian of Stavelot and the Conversion of Gog and Magog
A Study of the Ninth-Century Reference to Judaism Among the Khazars*

What do we know for certain about the event which is now commonly known as the conversion of the Khazars to Judaism? We know definitely that in the empire identified by its "core" Turkic people as Khazaria, the supreme rulers and at least some members of the elite in the tenth century saw themselves as Judaic. This was shortly before the empire was destroyed and superseded by Kievan Rus'. We also know that, as did other Eurasian empires associated with nomadism, Khazaria offered favorable conditions for the competition of world religions, and that in 861 Constantine the Philosopher, the future St. Cyril, Apostle of the Slavs and creator of Slavic writing system, made Khazaria the object of his missionary effort.

Although meager, this evidence touches on themes that relate to the cornerstones of several modern national and religious identities. Throughout the centuries opinions multiplied as the controversy has grown more intense. Were the Khazars converts to Judaism or were they Jews who forgot their faith and then returned to it? Was it truly Judaism, and not Christianity or Islam (some vague testimonies to their Islamization also exist)? The unique and spectacular subject has occupied a crucial place in the construction of Russian, Jewish and other national histories. The present article will focus on the earliest source on the Khazar conversion, the *Commentary to Matthew* by Christian of Stavelot.

Sources on the Khazar Conversion

Arabic and Hebrew sources on the problem of Khazar conversion appeared beginning in the tenth century. The first writers to mention the Jewish faith of the Khazar ruler were Ibn al-Fakih and Ibn Rusta (both wrote early in the tenth century, but Ibn al-Fakih's work is preserved in an eleventh-century abridgment). During the tenth century more Arabic and Jewish references to the Khazar conversion appeared, but they rarely provided any chronological details. According to Ibn al-Fakih, the conversion took place not long before his own time, whereas al-Masudi (died c. 956–957) dated the conversion of the Khazar Khagan around the time of the Caliphate of ar-Rashid (786–809). A different estimate was provided by Jehudah Halevi (c. 1140), who wrote that

* Thanks are due to Anna-Dorothee von den Brincken for her criticism of an earlier version and to the Alexander von Humboldt Foundation which supported the research for this article.

BSB

the Khazars had been converted about four hundred years before his time. The sum of available evidence shows that by the early tenth century the conversion of the Khazars was an accomplished or rather widely recognized fact. But the exact date of this event has not been determined. The distance between event and testimony (not to mention the distance between testimony and the earliest manuscript), makes the acceptance of both Masudi's and Jehudah Halevi's chronology problematic. On the other hand, various Latin and Slavonic accounts describing the Khazar mission of Constantine the Philosopher, indicate that the conversion of the Khazars, or at least some of the Khazars, to Christianity occurred in 861. None of these documents present the Khazars as Judaic proselytes.

This discrepancy has been interpreted differently by scholars who usually opt to doubt one or the other group of sources. Joseph Marquart had more faith in the Vita of Constantine and dated the Judaization of the Khazars in the later part of the ninth century.[1] Since the time of Marquart's research scholars have achieved significant results in the interpretation of Hebrew sources on the conversion. These sources (the so called Khazar-Hebrew correspondence) appeared to support the testimony of Masudi and Halevi.[2] But most recently Marquart's idea was revived in a study that showed that the data of the Khazar-Hebrew correspondence is quite compatible with the conversion of the Khazars after 861.[3] One can only regret that the author did not exercise more cautious judgment in relation to the Slavonic Vita of Constantine, which he recognizes as a first-rate historical source, but which in reality calls for as careful an analysis of its Khazar data[4] as the Hebrew sources require.

This historiographic situation greatly enhances the importance of the data on the Khazar conversion in the Commentary to the Gospel according to Matthew. The book was written by a scholar named Christian. This person, whom some scribes of the Commentary called Christianus Grammaticus[5], and who in more recent literature is

---

1 *J. Marquart* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). 2nd ed. (1st ed. 1903). Hildesheim, 1961, p. 22–23.

2 See *D. M. Dunlop* The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954; *O. Pritsak* The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies, 2, 1978, p. 261–281.

3 *C. Zuckerman* On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus' Oleg and Igor: A Study of the Anonymous Khazar *Letter* from the Genizah of Cairo // Revue des études Byzantines, 53, 1995, p. 237–270. I am grateful to Rainer Stichel who recommended this important study to me.

4 Cf. *G. Ziffer* Konstantin und die Chazaren // Die Welt der Slawen, 34, 1989, p. 354–361; *F. Butler* The Representation of Oral Culture in the *Vita Constantini* // Slavic and East European Journal, 39, 1995, p. 367–384.

5 *J. Lebon* Notes sur Christian de Stavelot: Contribution à l'histoire des travaux scripturaires et des controverses eucharistiques du moyen âge // Revue d'histoire ecclésiastique, 9, 1908, p. 491–492.

BSB

known as Christian of Stavelot[6] dedicated his work to the monks of Stavelot and Malmedy, the two monasteries in the Ardennes[7] which were under the rule of a single abbot. The text grew out of seminars which Christian, a newcomer to the abbey, gave to younger monks. This brilliant piece of exegesis is the only known work written by Christian. In some manuscripts, the commentary to Matthew is followed by the much shorter and drier commentaries to the Gospels according to Luke and John, or rather preparatory materials for such commentaries, extracted from Bede and Augustine respectively. In his dedicatory letter, Christian revealed his intent to write the commentaries to John and perhaps to Luke if the Commentary to Matthew would be successful. Whether he actually authored these texts is doubtful.[8]

The surviving manuscripts of Christian's commentary appeared as early as the tenth century (the manuscripts of other works related to the Khazar Judaism appeared a century or more later.[9]) Nine manuscripts of the commentary are known to exist, dating from the tenth to the fifteenth centuries.[10] Medieval library catalogues indicate the existence of one manuscript in Stavelot and another in Liège. At some point two manuscripts, one which survived and another which was lost, appeared in libraries in France,[11] but most of the existing manuscripts are of German origin.[12]

---

6 In accordance with incorrect outdated identifications, he is also known as Druthmar of Aquitaine, Druthmar of Corvey, or Christian Druthmar. For general reference and bibliography see *Albert D'Haenens* Druthmar // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. Vol. 14. Supplément. Paris, 1960, p. 1519–1524; *F. J. Worstbrock* Christian von Stablo // Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon. Bd. 1. Berlin, New York, 1978, p. 1223–1225; *F. Rädle* Christian von Stablo // Lexikon des Mittelalters. Bd. 2. München, Zürich, 1983, col. 1912–1913; *R. Berndt* Christian von Stablo // Lexikon für Theologie und Kirche. Bd. 2. Freiburg i. Br., 1994, p. 1134.

7 Both are now situated in the province of Liège in modern Belgium.

8 *Lebon* Notes, p. 493–494.

9 With the exception of the so called Kievan Letter, which dates from about the tenth century: *N. Golb* and *O. Pritsak* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, London, 1982, p. 20.

10 *Fridericus Stegmüller* Repertorium Biblicum Medii Aevi. Vol. 2. Madrid, 1950, p. 238–239; Vol. 8. Madrid, 1976, p. 375–376; *Berndt* Christian von Stablo, p. 1134. According to its catalogue description, the ninth manuscript, of the early fourteenth century, contains only excerpts from the commentary (without Khazar data). See *H. Boese* Die Handschriften und Inkunabeln des Spitalarchivs zu Biberach. Wiesbaden, 1979, p. 17–19 (B 3531, Kat.-Nr. 5).

11 *Lebon* Notes, p. 491–492.

12 *G. Glauche* Die Pergamenthandschriften aus Benediktbeuern. Wiesbaden, 1994, p. 43. (Catalogus codicum manu scriptorum Bibliothecae Monacensis. Tomus 3. Series nova. Pars 1).

BSB

The two editions of the sixteenth century are evidently based on lost manuscripts.[13] There is no critical edition.[14] The most widely available edition in *Patrologia Latina*[15] is an indirect reprint of the *editio princeps* by Jakob Wimpheling. I had an opportunity to compare this edition with one of the oldest manuscripts of Christian's *Commentary*,[16] written in the monastery of St. Nazarius in Lorsch (diocese of Worms) c. mid-tenth century.[17] The text of the Khazar fragments in this manuscript differs slightly both from the *editio princeps* and the edition in *Patrologia Latina*. The most important differences are the spellings of the names and the reference to the number of Khazar tribes. The evidence of the Lorsch manuscript is almost identical to the data about the Khazars in the other three manuscripts which I consulted.[18]

Plain, clear and lucid, Christian's commentary is aimed at a broad clerical audience, but it is in no way dogmatic. Christian was a creative thinker, was open to controversies, and did not conceal facts or arguments that might have undermined his position. One typical passage, important for us since it reveals that Christian had a Greek informant, concerns the question of how to best organize the four gospels. Christian himself thinks that Matthew and John have to be placed at the beginning and the end respectively, not only because of the chronology of their writing, but because these two gospels, authored by the apostles, would in this way lend their authority to the others. He adds, however, that he saw a copy of the Gospels with Matthew and John at the beginning. Eufemius the Greek explained the order to Christian by citing as an example the "good farmer" who puts the strongest oxen at the front.[19]

---

13 Christiani Druthmari Grammatici Expositio in Matheum euangelistam / Hrsg. Jakob Wimpheling, Johannes Tritemius. Straßburg, 1514; Christiani Druthmari, Theologi vetustissimi, in Euangelium Matthaei expositio / ed. Menrad Molther. Hagenau, 1530.

14 Except the dedicatory letter to the monks of Stavelot and Malmedy, edited separately by *E. Dümmler* // MGH: Epistolae, Bd. 6, p. 177–178.

15 *Christianus Druthmarus Corbeiensis Monachus* Expositio in Matthaeum Evangelistam // MPL, vol. 106, col. 1259–1526.

16 ÖNB, 724 (Theol. 122), 186 (286) fols. (due to a pagination error, fol. 143 is followed by fol. 244). The second fragment on the Khazars was published in Codices manuscripti theologici Bibliothecae Palatinae Vindobonensis Latini / Hrsg. Michael Denis. Bd. 1.1. Wien, 1793, p. 297–303.

17 The dating according to *B. Bischoff* Lorsch im Spiegel seiner Handschriften. München, 1974, p. 77, n. 79. (Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance-Forschung, Beiheft); cf. *H. Hoffmann* Buchkunst und Königtum im ottonischen und frühsalischen Reich. Stuttgart, 1986, p. 217. (MGH. Schriften, 30.I), who sees the handwriting as being close to the manuscript of the last third of the tenth century; Biblioteca Apostolica Vaticana, Pal. lat. 57.

18 BSB, clm 14066, the first half of the eleventh century, probably Western Germany (*Bischoff* Lorsch, p. 77, n. 82); BSB, clm 4527, fourteenth or fifteenth century (*Glauche* Pergamenthandschriften, p. 42–43); Paris, Bibliothèque St^{e}-Geneviève, 71, twelfth century (*Ch. Kohler* Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque Sainte-Geneviève. Vol. 1. Paris, 1893, p. 50.

19 MPL, vol. 106, col. 1266A. I am correcting the spelling of the Greek's name according to ÖNB 724, fol. 4v.

The same quest for an exhaustive argument led him to the first mentioning of the Khazars. At this time Christian looked at the passage (Matthew 17:20) in which Jesus reproaches his disciples: "If you have faith as a grain of mustard seed, you will say unto this mountain, move hence to yonder place, and it will move." Citing references to the mountain in the Apocalypse, Christian proved that it signified not an actual mountain, but the devil. Others might have interpreted it as a real topographical mountain. Yet, following St. Jerome's line of thought, Christian argued that God had created all mountains in convenient places, so there would be no need to transfer them from place to place. Christian pointed out, however, that he read that Gregorius Nazianzenus had actually done this.[20] He also read, that Alexander of Macedon had prayed to God to confine the Hunnic people of Gog and Magog behind a mountain and that Alexander had constructed the iron gates to prevent this people from escaping. Christian added that Gog and Magog were renamed *Gazares.*[21]

As he defined it, Christian of Stavelot's priority was to reveal the historic (literal) meaning of the Gospel, which he believed to be the only way of disclosing its spiritual meaning. History, according to Christian, was the foundation of all knowledge[22]. That is why he again mentioned the Khazars in the following context. Commenting on Chapter 24, which deals with Jesus' discussion of the Last Judgment, Christian used evidence from the Apocalypse. Of verse 12 ("And because iniquity shall abound, the love of many shall grow cold") Christian noted, that this verse referred to the time of the Antichrist. In connection with verse 14 ("And this Gospel of the Kingdom shall be preached in all the world for a witness unto all nations; and then it shall be the end"), he recalled the helpers the peoples Gog and Magog. He added: "We are not aware of any nation under the sky that would not have Christians among them. For even in Gog and Magog, the Hunnic people who call themselves Gazari, those whom Alexander confined, there was a tribe more brave than the others. This tribe has already been

---

20 He retold the story about Gregorius Nazianzenus in more details in the commentary to Matthew 21:21 (the saint wished to build a church on a particular spot, and he prayed to God to make a nearby mountain recede). Christian's source was either Rabanus Maurus' commentary to the same passage (Beati Rabani Mauri Commentarii in Mattheum // B. Rabani Mauri Opera omnia, vol. 1, p. 1045A–B. (MPL, vol. 107)) or Bede's commentary to Mark 11:23 (Bedae Venerabilis In Marci Evangelium Expositio / ed. D. Hurst // Bedae Opera, vol. 2.3, p. 580–581. (CCL, vol. 120)). See *M. L. W. Laistner* A Ninth-Century Commentator on the Gospel According to Matthew (1927) // *M. L. W. Laistner* The Intellectual Heritage of the Early Middle Ages. New York, 1966, p. 220.

21 *Sed tamen sciendum quod Dominus omnipotens convenientibus locis montes omnes instituit; et non est necesse transferre a loco ad locum, licet legamus Gregorium Nazianzenum hoc fecisse, et de Alexandro rege legimus quod ad conclusionem gentium Gog et Magog, que Gazara nunc uocantur, gentes quondam Hunnorum cum non posset eos bello delere, ad Deum conversus petierit, et Deus ad conclusionem eorum montem adauxerit, et quod remansit ipse cum populo suo conclusit, et portas æreas subter ipsum montem posuerit.* MPL, vol. 106, col. 1405B–C. All manuscripts and editions cited in fn. 13, 16 and 18 agree in spelling *Gazares*.

22 MPL, vol. 106, col. 1262D.

BSB

circumcised, and they profess all dogmata of Judaism. However, the Bulgars, who are also from those seven tribes, are now becoming baptized."[23] The scribes of the early manuscripts considered this information important. Among annotated Gospel words and quotations in the margins, one also finds such keywords as *Gazares gentes* referring to the first passage about the Khazars, and *Gazari* and *Bulgarii*, referring to the second passage[24] (fig. 1).

Date of the Commentary

When was Christian's commentary written? Christian talks about "the times of Charlemagne" as part of the past.[25] The death of Charlemagne (814) is the only certain *terminus post quem* in the text of Christian. The existing speculation about a more exact date is based upon the reference to the Bulgars. Their official conversion was begun by Khan Boris, who was baptized about 864. For this reason most scholars have also dated Christian's commentary around or shortly after the same year. There is no reliable evidence about Christian except for his own work, but if we recall the time span after the Bulgarian conversion, we may be able to tentatively identify Christian with *Cristianus decanus,* who was a cosignatory of a document in Stavelot between August 880 and August 881.[26] At the end of 881 the Normans plundered and burnt both Stavelot and Malmedy.[27] As there is no record of this event either in the main text of the Commentary or in the Prologue, which praises the virtuous brothers of both monasteries, we have an argument *ex silentio* for dating the commentary not later than this year.[28]

Christian's work is often cited by historians of medieval Eastern Europe. Nevertheless, the value of the commentary as a historical source has rarely been discussed. Scholars who, like Joseph Marquart or Constantine Zuckerman, date the conversion of the Khazars to Judaism after the mission of Constantine the Philosopher, find the data of

---

23 *Nescimus jam gentem sub cælo in qua Christiani non habeantur. Nam et in Gog et in Magog, quæ sunt gentes Hunnorum, quæ ab eis Gazari uocantur, jam una gens quæ fortior erat ex his quas Alexander conduxerat, circumcisa est et omnem Judaismum observat. Bulgarii quoque, qui et ipsi ex ipsis gentibus sunt, quotidie baptizantur.* MPL, vol. 106, col. 1456A–B. *Molther* Christiani Druthmari and the manuscripts I consulted, all indicate the number of tribes: *ex ipsis VII gentibus.*

24 ÖNB, 724, fol. 104v, 142 (*Bulgari*); BSB, clm 14066, fol. 109, 148; Paris, Bibliothèque Ste-Geneviève, 71, fol. 109v, 131.

25 MPL, vol. 106, col. 1486A.

26 *E. Dümmler* Über Christian von Stavelot und seine Auslegung zum Matthäus // Sitzungsberichte der Königlichen Preußischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Juni-Dezember 1890, p. 937–938; *Jos. Halkin* and *C.-G. Roland* Recueil des chartes de l'abbaye de Stavelot-Malmédy. Vol. 1. Bruxelles, 1909, p. 102, N° 40. There are grounds to redate the document between August 877 and May 878, Ibid., p. xxxiii.

27 See source references in *E. Dümmler* Geschichte des Ostfränkischen Reiches. Band 3. Leipzig, 1888, p. 158–159; *F. Baix* Études sur l'abbaye et principauté de Stavelot-Malmédy. Bd. 1. Paris, Charleroi, 1924, p. 99–101.

28 Cf. *Baix*, Études, p. 173.

Christian to be a nice confirmation (*hübsche Bestätigung*) of the Slavonic Vita of Constantine. But the commentary does not help the majority of specialists in Khazar history, who prefer an earlier dating of the conversion. Therefore, Dieter Ludwig looked for arguments in favor of an earlier dating of Christian's commentary.[29]

One must note, however, that nothing in Christian's testimony, except for Marquart's enthusiastic interpretation, would contradict an earlier dating of the conversion. Christian spoke only about the conversion of the Bulgars as an ongoing process, while the Khazars had already been circumcised.[30] But of course had Christian's testimony been re-dated, this would have become definite proof that at least some Khazars were Jews in the time of Constantine's mission.

Ludwig suggests that since Christian did not speak about the conversion of the Khan of the Bulgars, he could have had in mind earlier missionary undertakings. True, such undertakings could have been possible in the ninth century especially during the reign of the more tolerant Presian, the father of Boris (836–852).[31] But one must stress that none of these hypothetical undertakings could equal the events of the 860s, when the Christianization of the Bulgars captured the attention of the West. This first happened c. 864, when Pope Nicholas I learned from Louis the German that the Bulgarian Khan would like to be converted and that many of his people had already become Christians.[32] In 866, Pope Nicholas I and Louis the German sent prelates to Pliska. During the struggles with Constantinople over the jurisdiction of the Bulgarian Church, Rome stressed the prelates' achievements in baptizing the Bulgarian people,[33] and the year 866 has often been indicated in the Latin chronicles as the date of the conversion of the Bulgars. The conversion of the Bulgars remained fresh news for at least several years after 866. In a letter to Pope Hadrian of February 868 Lothair II, the king of the land where Christian of Stavelot lived, rejoiced that the Church was growing and attracting

---

29 See *D. Ludwig* Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Diss., Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster, 1982, esp. p. 330–332. *Dunlop* History, p. 121–122, fn. 10, dated the commentary about A.D. 800, but he relied on an outdated historiographical tradition and disregarded the reference to the Bulgars.

30 Which was already indicated in: *Фр. Вестберг* К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал Министерства Народного Просвещения. Н.С., 14, March 1908, p. 36.

31 Cf. *Г. Г. Литаврин* Введение христианства в Болгарии: (IX – начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. Москва, 1988, p. 39–41. Even then most of the Christians in Bulgaria were Greeks and Slavs, who populated lands formerly belonging to the Byzantine Empire, *Литаврин* Введение, p. 40.

32 Латински извори за българската история // изд. Иван Дуйчев (a.o.). Том 2. София, 1960. (Извори за българската история = Fontes historiae Bulgaricae 7), p. 62. Cf. Nicolai I Papae Epistolae // ed. Ernst Perels / MGH. Epistolae, vol. 6, p. 293, N° 26.

33 Латински извори, p. 198. Cf. Anastasii Bibliothecarii Epistolae sive Praefationes / ed. E. Perels and G. Laehr // MGH. Epistolae, vol. 7, p. 412ff, N° 5.

"the savage Bulgars and other pagans" (Lothair here used present tense).[34] Within the general context of the Latin sources on Bulgaria, the date of Christian's testimony can be determined only approximately "in the second half of the ninth century, c. 870," the time given by Mikhail Voinov in the edition of these sources.[35]

Ludwig attempted to support an earlier date of Christian's work by focussing on the commentary to Matthew 16:26: "What sense did it make for the emperors *(quid profuit illis imperatoribus)* to have possessed this world for twenty years, when Octavian did it for fifty three years, and he has already been in hell for eight hundred years?" Christian describes the glorious triumphs of "those emperors" on the golden chariots, which, nevertheless, did not save them from the demons. He regrets even more that "many Christians, who should know the right way, go with these."[36]

Ludwig paid attention to the chronological references in this text. He did not connect the Commentary to the octocentennial anniversary of Octavian's death (that is, 814). But Ludwig did recognize contemporary reality in the description of emperors who ruled for twenty years. He applied these words to the two ninth-century emperors, Louis the Pious (crowned 813) and his son Lothair (co-emperor since 817). In Ludwig's opinion, Christian's words referred to Louis the Pious' struggle with Lothair and other sons. Christian condemned both ruling emperors, and used "twenty years" to indicate the 830s.

Was Ludwig right to see a direct political message in these words? Christian's criticism of the rulers of this world was not an isolated instance in the Commentary. In general, the vices which accompanied worldly wealth and power were Christian's favorite theme. Christian's generalizations were uncompromisingly clear: "No one is able to have power without committing many sins. Therefore, the one who wants to rule with Christ in the highest, does not care for power in this world."[37] He returned to this theme continually when describing historical figures as well. In the commentary to Matthew 23:12, he gave concrete examples of such tyrants as Nabuchodonosor, Sennacherib, and Valerian who had "exalted themselves" only to be humbled both in their earthly and afterlife. Christian added that the ancient Roman emperors had understood the perils of *superbia:* they instituted a tradition in imperial formal dress,

---

34 *Bulgares et alia paganorum feritas ad limina sanctorum apostolorum invitatur*. Латински извори, p. 127. Cf. Epistolae ad Divortium Lotharii II Pertinentes / ed. E. Dümmler // MGH. Epistolae, vol. 6, p. 239, N° 18.

35 Латински извори, p. 128.

36 MPL, vol. 106, col. 1400A. ÖNB 724, fol. 100–100v, offers basically the same text, except that the numbers are not spelled out. The number *LIII* seems to be a result of a paleographical substitution for *LVI*, the length of Octavian's rule according to most medieval historiographers. The edition by *Molther* Christiani Druthmari, fol. 197, offers obviously corrupted text of this passage.

37 MPL, vol. 106, col. 1384B. See *Dümmler* Über Christian von Stavelot, p. 944–946.

BSB

whereby a little bag of ashes was attached to the left hand to remind the emperor of his mortality.[38]

Christian was well versed in Roman imperial history. Among the Roman emperors in his commentary he mentioned Diocletian (284–305) and Maximian Herculius (286–305, 307–308), who celebrated a magnificent triumph by the end of their joint reign.[39] Christian recalled these two emperors to illustrate another of his favorite themes: to be a do-gooder was not enough, for virtues made sense only when they served the cause of Christ. Although the message is different, the pathos and wording remind us of the puzzling phrase about the emperors who ruled for twenty years. The pagans were able to demonstrate self-restraint and displayed other virtues, but this did not help them (*et tamen nihil eis profuit*). Christian began his examples with Titus, who used to complain that he had lost a day when in its course he had failed to perform any good deeds. Another example cited was the unprecedented voluntary retirement of Diocletian, who also forced his co-emperor, Maximian, to resign.[40] Christian's story in this particular place closely parallels that of Eutropius (writer in the times of Valens, 364–378) and the anonymous author of the late fourth – early fifth centuries who reworked the history of Victor.[41] The latter informed that Diocletian ruled for twenty-five years and Maximian, for twenty years. But later chronological compilations, such as *Chronica majora* by Isidore (615) or *De temporum ratione* by Bede (725) indicated, moreover, that the reign of both co-emperors lasted exactly twenty years.[42]

In short, the phrase about the emperors who ruled for twenty years fit well into the general historic-moralistic context of the *Commentary to Matthew*. This context deprives the passage selected by Ludwig of any value for dating the *Commentary*. There are no compelling reasons to see the struggle of Louis the Pious with Lothair or any other ninth-century reality in Christian's criticism of the imperial office. This would not, of course, exclude the possibility of additional political connotations in Christian's invectives against the powers that be. But such connotations might also refer to Louis II who was emperor at the time of the Bulgarian conversion,[43] or to any of the other kings and princes who rarely produced impeccable examples of virtue and Christian obedience.

---

38 MPL, vol. 106, col. 1448C.

39 Cf. references in *Dümmler* Über Christian von Stavelot, p. 942, fn. 2.

40 MPL, vol. 106, col. 1323D–24A.

41 Eutropi Breviarium ab urbe condita / ed. Fr. Rühl. Leipzig, 1897, p. 70 (9.27–28); Incerti Auctoris Epitome de Caesaribus // Sexti Avrelii Victoris Liber de Caesaribus / ed. Fr. Pichlmayr and R. Gründel. Leipzig, 1970, p. 163–165. Cf. *Laistner* Commentator, p. 222–223.

42 Isidori Iunioris Episcopi Hispalensis Chronica Maiora /ed. Th. Mommsen // MGH. Auctores Antiquissimi, vol. 11, p. 465; Bedae Venerabilis De temporum ratione / ed. Th. Mommsen and Ch. W. Jones // Bedae Opera, vol. 6.2, p. 507. (CCL, vol. 123B).

43 Emperor 850–875 (co-emperor with his father Lothair 850–855).

BSB

The Benevento Connection

Christian had some knowledge of Greek, and perhaps consulted the Greek original of Matthew.[44] He referred to his scholarly conversations with a Greek, Eufemius, and he concluded his *Commentary* with a story about the miracle performed by St. Eufemia, which allowed Orthodoxy to triumph at the Council of Chalcedon. The story is an additional indication of Christian's connection to Byzantine culture.[45]

Could he have learned about Khazar conversion from a Greek written source? The form *Gazari* used by Christian would not support such a suggestion. Byzantine sources use χ to transliterate the Turkic *q'* and *q* making the regular form of the name of the Khazars Χάζαροι.[46] Had he used Byzantine written accounts, he probably would have called the people *Chazari*, as Anastasius Bibliothecarius did in his translation of Byzantine historical works, *Chronographia tripertita* (874–875).[47]

Most of the Latin documents mentioning the Khazars are connected to Italy, including the texts which resulted from the mission of Constantine to Khazaria. The only non-Italian document of the early Middle Ages which suggests new and original information about the Khazars is the so-called Bavarian Geographer (*Geographus Bavaricus*), which in its only manuscript is entitled *Description of the Cities and the Lands North of the Danube* (*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii.*) The treatise was composed in Reichenau, the monastery on the island of Lake Constance, during the second half of the ninth century.[48] The form of the ethnonym in the *Bavarian Geographer* is *Caziri*.[49]

Let us return to the Italian sources. In the ninth century and later, the spellings *Gazari/Cazari* coexist with the spellings Chazari. The form *Gazari* proved more durable. It survived until the late Middle Ages when *Gazaria* served as a designation

---

44 *Laistner* Commentator, p. 229–232; *W. Berschin* Greek Letters and the Latin Middle Ages: From Jerome to Nicholas of Cusa / trans. Jerold C. Frakes. Washington, 1988, p. 130–132, 315. (Rev. and expanded; original German ed. 1980).

45 *H. Boese* Eine Lateinische Fassung des Miraculum Sanctae Eufemiae vom Konzil zu Chalcedon // Analecta Bollandiana, 97, 1979, p. 355–362; *F. Dolbeau* Christian de Stavelot et Ste Euphémie de Chalcédoine // Analecta Bollandiana, 98, 1980, p. 48.

46 *Gy. Moravcsik* Byzantinoturcica. 2nd ed. Vol. 2. Berlin, 1958, p. 335; *P. B. Golden* Khazar Studies. Budapest, 1980, p. 123–126. On the quality of the Greek sound, cf. *N. Trubetzkoy* Die Aussprache des griechischen χ im 9. Jahrhundert n. Chr. // Glotta, 25, 1936, p. 248–256.

47 Theophanis Chronographia / ed. C. de Boor. Vol. 1–2. Leipzig, 1883–1885, here vol. 2, p. 195–196, 237–239 etc. Cf. transliteration of the Greek χ: *Is chiras su*, ÖNB 724, fol. 269v (169v), MPL, vol. 106, col. 1492.

48 *А. В. Назаренко* Немецкие латиноязычные источники. Москва, 1993, p. 11; *А. В. Назаренко* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 год. Москва, 1994, p. 35–38.

49 *Назаренко* Немецкие, p. 41, compared the name to *Acatziri* of Jordanes and Ravenna Anonymous. The form of the name could be also connected to the eighth-century Greek list of bishoprics, which included the bishopric of the Χοτσήροι in the eastern part of the Crimea, *A. A. Vasiliev* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936, p. 97–98.

for the Crimea in Roman and Genoese documents. The sum of evidence suggests that the spelling *Gazari/Cazari* more often occurs in contexts which imply an oral transmission of the ethnonym, not reading it in a Greek source. Such are the texts on the transference of the relics of St. Clement, discovered by Constantine during his Khazar mission, and brought to Rome in 867.[50] Anastasius Bibliothecarius, who had heard of the Khazar mission from Constantine himself, but who was also well versed in Byzantine chronographic literature on the Khazars, used both forms *Gazara*, and *Chazarorum terra* ("the land of the Khazars") when he described Constantine's mission in his letter of 875 to Gauderich of Velletri.[51]

True, the difference in spelling is slight and the two terms could function side by side as variants (though not in Christian's Commentary).[52] The diversity of forms may be explained paleographically in individual cases. But the hypothesis about the Italian origins of Christian's *Gazari* receives additional support from the text of the Commentary, where Christian reveals his connections with Benevento, the semi-autonomous and ever rebellious duchy south of Rome. At one point (commenting on Matthew 19:12), Christian discusses a tradition in Benevento, according to which the parents castrate infants whom they eventually want to become priests.[53] In another passage he talks about the Langobards, which may also be related to Benevento (at that time the duchy still preserved its Langobard inheritance.)[54]

The Benevento connection is interesting to follow because it leads us to the court of Louis II, who often resided there (during all the episodes which I discuss below) and who was to some extent involved in Bulgarian matters. In 866 Louis heard about the embassy of the Bulgarian Khan Boris to Pope Nicholas I, and asked the Pope to send him the Khan's gifts including weapons, which Boris had used to destroy the anti-Christian mutiny in Bulgaria.[55] At one point Louis had to work even more closely with the ethnographic map of Eastern Europe. In 871 Louis exchanged letters with Emperor Basil I (867–886), his ally during the siege of Bari that same year. In a rather unfriendly manner, the emperors discussed the titles of different rulers. Their own imperial titles were, of course, the most important matter of contest in the letters. Louis' letter has been preserved in a single thirteenth-century manuscript as a part of the Chronicle of Salerno (from the second half of the tenth century.)

---

50 Magnae Moraviae Fontes Historici. Vol. 2. Brno, 1967, p. 123, 258–259.

51 Magnae Moraviae Fontes Historici. Vol. 3. Brno, 1969, p. 179. The letter is extant in a late twelfth or early thirteenth-century copy.

52 For the most complete list of occurrences of the names *Chazari* and *Gazari* in Latin literature before the fourteenth century, see Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa. Ser. A. Lateinische Namen bis 900. Vol. 3. Stuttgart, 1989), p. 74–89. Later forms are listed in *I. Hallberg* L'Extrême Orient dans la littérature et la cartographie des XIIIe, XIVe et XVe siècles. Göteborg,1906, p. 216.

53 MPL, vol. 106, col. 1414B.

54 MPL, vol. 106, col. 1362A.

55 Annales Bertiniani / ed. G. Waitz. Hannover, 1883, p. 86 (A.D. 866). (MGH. Scriptores, vol. 5).

BSB

In particular, Louis wrote that, according to his data, the title *Chagan* was applicable only to the leader of the Avars, and not to the Chazars (*Gazani*) or Normans (*Nortmanni*). He went on to note that the ruler of the Bulgars (*Vulgari*) was not a *princeps,* but *rex* or *dominus*. Switching to more personal matters, Louis reminded Basil that some Byzantine emperors originated from Hispanic, Hisaurian and Chazarian peoples (*Chazarorum gente*), which distinguished the Frankish origin of Louis as the noblest.[56]

We learn from Louis' letter that the Byzantines informed the Western Emperors of the existence of a "Norman" Khaganate in Eastern Europe. This was at least the second time since 839 when such information arrived from Constantinople.[57] The title of the Khagan signifies that the Byzantines recognized this Norman Khaganate (i.e. Rus') as a power of equal status with Khazaria.[58] The Latins showed little concern with the changing subtleties of titles in the land of Gog and Magog. However, the ethnonyms were recognized and translated, perhaps with the help of Anastasius Bibliothecarius.[59] Again we note the difference in the initial letters of the name of the Khazars. As in most other Italian references to the Khazars, this difference may be accidental, but it may also reflect different sources and usages: the diplomatic usage at the court of Louis, and the chronicle accounts about Byzantine dynastic ties. These speculations aside, Louis' letter allows us to conclude with more certainty that some information about the contemporaneous situation in Eastern Europe was available at the imperial court.

It is tempting to look for a concrete occasion for Christian or his informant to appear in Italy, like the misfortunate trip of Lothair II to Emperor Louis II and to Pope Hadrian in 869, which ended with Lothair's miserable and untimely death. Yet, given the significant time span that we allow for dating the Commentary, any suggestion of this kind remains very hypothetical. But in more general terms we may conclude that Christian's testimony can be traced to Southern Italy or Rome, where information about the Khazars was actually available during the 860s–870s.

Medieval Ethnicity

During the Middle Ages, the principal image of the world was an inheritance from the authorities of late antiquity, transmitted mainly through such texts as the *History Against*

---

56 Ludovici II. Imperatoris Epistola ad Basilium I. Imperatorem Constantinopolitanum missa / ed. W. Henze // MGH. Epistolae, vol. 7, p. 388; Chronicon Salernitanum / ed. U. Westberg. Stockholm, 1956, p. 111–112. (Studia Latina Stockholmensia 3).

57 Cf. *G. Schramm* Gentem suam Rhos vocari dicebant: Hintergründe der ältesten Erwähnung von Russen (a. 839) // Ostmitteleuropa: Berichte und Forschungen / ed. Ulrich Haustein (a. o.). Stuttgart, 1981, p. 1–10.

58 Cf. *А. П. Новосельцев* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР, 1982, N° 4, p. 150–159.

59 *P. E. Schramm* Die Titel der Karolinger (814–911): (Referat über eine Dissertation) // *P. E. Schramm* Kaiser, Könige und Päpste: Gesammelte Aufsätze zur Geschichte des Mittelalters. Vol. 2. Stuttgart, 1968, p. 81.

the Pagans by Paulus Orosius (*Historiae adversum paganos*, the early fifth century) or *Etymologiae* by Isidore of Seville (the early seventh century). This picture focussed on territory mainly within the borders of the Roman Empire. Therefore, it had to be supplemented when medieval geographers turned their attention to the territories outside the limits of ancient Roman geographic lore, in particular to the area we now call Eastern Europe and Scandinavia. The supply of new information remained scarce despite improvements in transcontinental contacts. To be intelligible, updated geographical and ethnographic knowledge had to fit into a concrete system of geographic ideas established in late antiquity. Throughout this process, the Western European image of the world would occasionally adopt elements of Byzantine geographical tradition which shared the same classical and Biblical basis.

The margins of the world suggested the idea of barbarity. Behind the Roman *limes* lived a rather indistinguishable mix of people whose qualities were transferable and predictable, although not necessarily bad. Both the "positive" idealization of the noble savage, and the negative stereotype of the fierce Barbarian coexisted in the Middle Ages as part of the same classical heritage. The main route of the barbaric attacks against the Mediterranean civilization led from the North and North-East. Scythia, the name of a loosely defined region on the northeastern margin of the world, became largely synonymous with the idea of barbarity. Thus, one of the earliest medieval maps, the Albi map of the second half of the eighth century,[60] defines the area between the Caspian and the Black seas as the land of the *Barbari* (fig. 2). This connotation appeared in other geographical markers which were thought to characterize the North and North-East: the Caspian Sea, the Meotian Marshes and the Caucasian Mountains. It was in this area that medieval geographers located the apocalyptic peoples Gog and Magog, who were supposed to appear with multitudes of troops before the end of the world. For some,[61] Gog and Magog were synonymous with the Scythians in general. Yet others, like Christian of Stavelot, believed that these representatives of quintessential Barbarity were confined to a closed part of Scythia (behind the Caspian Gate of the Caucasus, on the islands in the Ocean, etc.)[62]

---

60 Albi, Bibliothèque Municipale, 29, fol. 57v. The Albi map introduces a collection of geographical texts in a manuscript which was written in Spain or Septimania. For the description of the manuscript, see *E. A. Lowe* Codices Latini Antiquiores. Vol. 6. Oxford, 1953, p. 2, N° 705; *C. Jeudy* and *Y.-F. Riou* Les manuscrits classiques latins des bibliothèques publiques de France. Vol. 1. Paris. 1989, p. 10–13. Editions: *K. Miller* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. Bd. 3. Stuttgart, 1895, p. 57–59; *Fr. Glorie //* Itineraria et alia Geographica, p. 467–494. (CCL, vol. 175).

61 For example, for the Jews and "our Judaizers" to whom St. Jerome referred in his commentary to Ezekiel 38: *igitur Iudaei et nostri iudaizantes putant Gog gentes esse Scythicas immanes et innumerabiles quae trans Caucasum montem et Maeotim paludem et propter Caspium mare ad Indiam usque tendantur...* CCL, vol. 75, p. 525, cf. vol. 73, p. 399.

62 *A. R. Anderson* Alexander's Gate, Gog and Magog, and the Inclosed Nations. Cambridge, Mass., 1932.

BSB

Many factors motivated ninth-century geographers' interest in the lands and peoples outside the limits of ancient Roman geographic lore, including the advance towards the East by missionaries and tradesmen of the Carolingian Empire, the continuous migration of Altaic peoples, and the menace of Viking raids. Patrick Gautier Dalché showed how this interest manifested itself in the structural organization of old material in ninth-century geographical works.[63] But routes for the infiltration of geographical knowledge seem to have been few. Most of the meager data was provided by developing economic and political relations with the peoples behind the *limes*. Sometimes individual contributions can be identified. The study of the North was the life work of Ansgar (c. 801–865), who became the first archbishop of Hamburg (832). Several of Ansgar's journeys to Denmark and Sweden were recorded by his disciple and successor Rimbert. With regard to Eastern Europe, scholars are often prone to trace new information to the activities of Constantine the Philosopher (St. Cyril) and St. Methodius, whose missionary undertakings bridged several different worlds. They were patronized by Constantinople and Rome, and their missions extended to Khazaria, the Caliphate, and Great Moravia.

New ethnographic data that appeared in the works of the Carolingian period are often puzzling, and modern interpretations of these data are contradictory. This is in particular due to the fact that the ethnographic map of "Scythia" was to a large extent created by spontaneous outside observers, who structured the chaos of new data according to their own traditional models. The *ethnoi* on the frontier of civilization, including the Khazars and the Normans, had not yet learned how to adjust themselves to Roman ideas of territorial and linguistic ethnicity. Those who survived would learn later.

One result was a bewildering terminological dissonance in medieval sources, which in the age of nationalism a millennium later would lead to intense historiographical struggles. Why did medieval chronicles call Norwegians the Danes? A modern nationalist historian would see in this arbitrariness of ethnic naming a remnant of Denmark's former supremacy over other Scandinavian nations.[64] In fact, it could merely reflect the absence of certain social categories, including territorial ethnicity, among the Normans or the Nomads.

But for Carolingian observers, as well as for modern nationalist scholars, categories of territorial ethnicity were of primary importance, and therefore were superimposed on their object of study. Carolingian sources can be seen as a "laboratory" of nationalism (i.e., a view of the world as composed of *ethnoi*, peoples, or nations). Such a worldview is ultimately the product of early medieval scholarship, which inherited Roman ideas of imperial space. These ideas shaped the earliest European maps. The regions on the Albi map, including the region of the *Barbari*, are fixed within their borderlines. The problem of how much reality is reflected in such world views can be legitimately

---

63 *P. Gautier Dalché* Tradition et renouvellement dans la représentation de l'espace geographique au IXe siècle // Studi Medievali, 3 serie, 24, 1983, p. 121–165.

64 This idée fixe illuminated the ambitious erudite project of *H. Melberg* Origin of the Scandinavian Nations. 2 pts. Halden (Norway), 1949–1951.

addressed only after we understand the inner logic of the development of early medieval ethnographic and geographical texts. However, in most cases these texts are the *only* tangible reality behind Barbarian ethnicity.[65]

Christian did not name the tribe that had accepted Judaism. However, as Marquart indicated,[66] its description as the braver people (*una gens quæ fortior erat ex his*), suggested its dominant position among the Gog and Magog. As regards the term *Gazari*, Christian considered it a generic name synonymous with Gog and Magog.

The broader meaning of "Khazaria" and "Khazars" appeared in Byzantine literature as well, but only in highly theoretical discourse. In descriptions of the "Seven Climates" (preserved in two manuscripts of the thirteenth and fourteenth centuries), the Seventh climate – the northern extremity of the ecumene – was populated by the Franks (from the ninth-century on, this was the generic name for the people of the Latin West[67]) and the Khazars (evidently a similarly generic term for the North-East).[68] In the tenth- or eleventh-century Bulgarian (or "Slavic-Russian") translation of the Chronicle of Georgios Hamartolos, the term *kozary* is a gloss of Scythia ("Asia, and Europe, and Scythia, or the Khazars"),[69] a term echoed in the East-Slavic Primary Chronicle of the early twelfth century: "There came from among the Scythians, that is, from among the Khazars, a people called the Bulgars, and they settled on the Danube."[70] The testimony of the Primary Chronicle presents the closest parallel to Christian's Commentary, since both sources trace the Bulgars back to the "Khazarian" group of tribes.

According to Christian, there were seven tribes of Gog and Magog. The number has wide-ranging symbolic connotations in various traditions, including the Bible, where such references especially abound in the Apocalypse (which describes the seven angels

---

65 Cf. *W. Pohl* Tradition, Ethnogenese und literarische Gestaltung: eine Zwischenbilanz // Ethnogenese und Überlieferung: Angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung / ed. Karl Brunner and Brigitte Merta. Wien, München, 1994, p. 9–26; *J. Fried* Gens und regnum: Wahrnehmungs- und Deutungskategorien politischen Wandels im früheren Mittelalter: Bemerkungen zur doppelten Theoriebildung des Historikers // Sozialer Wandel im Mittelalter: Wahrnehmungsformen, Erklärungsmuster, Regelungsmechanismen / Hrsg. Jürgen Miethke and Klaus Schreiner. Sigmaringen, 1994, p. 73–104. I am grateful to Felicitas Schmieder for the latter reference. On early medieval borderlines, see *P. Gautier Dalché* De la liste à la carte: Limite et frontière dans la géographie et la cartographie de l'Occident médiéval // Castrum. Vol. 4. Frontière et peuplement dans le monde méditerranéen au Moyen Age. Casa de Velázquez: École Française de Rome, 1992, p. 19–31.

66 *Marquart* Streifzüge, 24.

67 *A. Ducellier* La notion d'Europe à Byzance dès origines au XIIIème siècle: Quelques réflexions // Byzantinoslavica, 15, 1994, p. 5–6.

68 *E. Honigmann* Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι: Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929, p. 225, 228.

69 и Асиею и Европею и Скуфиею, рекше Козары … *В. М. Истрин* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Том. 1. Петроград, 1920, p. 36, cf. p. 318.

70 придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре и сѣдоша по Дунаеви: ПСЛ. Том 1. Ленинград, 1926, p. 11.

of the seven churches, the beast with the seven heads, and the seven last plagues). Exegetes compared the seven evil spirits in Matthew 12:45 to the seven tribes which God destroyed in the Land of Canaan (Deut 7:1, cf. Acts 13:19).[71] One of these exegetes whose works Christian could have used, was Hrabanus Maurus (c. 780–856)[72]. But Christian did not refer to the seven tribes when he mentioned the seven evil spirits in his commentary[73].

Other cases in which seven designates a number of people in a specific union or on a specific territory have also been recorded.[74] The earliest mentioning of "seven" in relation to north-eastern ethnography is in the *History* by Herodotus (4: 24). Herodotus noted that traders in Scythia needed seven interpreters to communicate in seven languages. In this context "seven" means "many."[75] The number of tribes of Gog and Magog is usually quoted in medieval eschatology as twenty-two.[76] In relation to Gog and Magog, seven is not a large number, and one could expect this figure to reflect a concrete ethnographic tradition.

It would be tempting to investigate origins of the number seven in Christian's Commentary in the realm of nomadic ethnographic ideas. The Turkic "Khagan from the East" who wrote an epistle to Emperor Mauricius (582–602) evidently promoted the same idea among the Byzantines. Employing a concept from Greek classical geography to express his universal ambitions, this person called himself Master of the Seven Nations and Lord of the Seven Climates of the Ecumene.[77] Theophylact Simocatta, the Byzantine historiographer who quoted this letter (he wrote during the reign of Heraclius,

---

71 *H. Meyer* and *R. Suntrup* Lexikon der mittelalterlichen Zahlenbedeutungen. München,1987, p. 515–516, 540. (Münstersche Mittelalterschriften 56).

72 Expositiones in Leviticum // B. Rabani Mauri Opera omnia, vol. 2, p. 399B. (MPL, vol. 108); Enarratio super Deuteronomium // B. Rabani Mauri Opera omnia, vol. 2, p. 867A–B; In librum Josue // B. Rabani Mauri Opera omnia, vol. 2, p. 1061B.

73 MPL, vol. 106, col. 1370D, 1494C.

74 Cf. *A. Borst* Der Turmbau von Babel: Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. Bd. 4. Stuttgart, 1963, p. 2017; *Ив. Дуйчев* Обединението на славянските племена в Мизия през VII в.: Към въпроса за възникването на българската държава // Изследвания в чест на Марин С. Дринов = Studia in honorem M.S. Drinov. София, 1960, p. 417–428.

75 Cf. a modern Chinese report aimed at promoting the Mandarine-based standard language. According to this report, in Dutian county in Fujian province "a group of officials from the North on one occasion needed as many as seven interpreters to make a speech to the people." See *D. Crystal* The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge (etc.)., p. 365. *Дуйчев* Обединението, p. 424–425, discerns the same connotation in τὰς λεγομένας ἑπτὰ γενεάς or *septem generationes,* one of the Slavic tribal units which was subjugated by Asparuch when the Bulgars moved to the Lower Danube in the 660s–670s. Theophanis Chronographia, vol. 1, p. 359; vol. 2, p. 227.

76 *E. Sackur* Sibyllinische Texte und Forschungen: Pseudomethodius, Adso und die Tiburtinische Sibylle. Halle, 1898, p. 33–39; *Anderson* Alexander's Gate, p. 54–55.

77 ὁ Χαγάνος ὁ μέγας δεσπότης ἑπτὰ γενεῶν καὶ κύριος κλιμάτων τῆς οἰκουμένης ἑπτὰ. Theophilacti Simocattae Historiae / ed. Carolus de Boor and Peter Wirth. Stuttgart, 1972, p. 257 (7.7.8); the seven climates are discussed in *Honigmann* Die sieben Klimata, p. 108.

610–641), took the claim seriously, at least the part dealing with the seven nations, and substantiated this claim with his data on the history of the "Scythians." Both the accounts of Theophylact and Christian may have reflected some genuine Turkic tradition on the empire of the seven tribes, which had been differently interpreted and reworked in Constantinople and Rome.

With the generic meaning of the term "Khazars" in mind, one may legitimately ask, who were the people whom Constantine the Philosopher visited? Vladimir Ivanovich Lamanskii, who was analyzing the Vita of Constantine approximately at the same time as Joseph Marquart, connected the mission of Constantine with the so called "first baptism of Rus'." This event had been documented by Photius in a circular letter to the Oriental Patriarchs during the spring or summer of 867. Remembering the horrible attack by the Ros on Constantinople (in 860), Photius described how this once murderous and cruel people adopted Christianity. At the same time no Byzantine source could corroborate Constantine's mission to the Khazars. The Lamanskii hypothesis resulted in far-fetched conclusions about the early spread of Slavic literacy in the "Russian" realm, which have been rightly rejected by subsequent scholarship.[78] Lamanskii's more sober observations on the topography and ethnography of the Vita of Constantine are nevertheless worth remembering. In particular, he focussed on the generic meaning of the name "Khazaria" ("one should distinguish between the country and the people")[79]. He suggested that the whole realm of the empire could have been known under the name Khazaria, in the same way as later the name Rus' would spread over this territory. Lamanskii was not familiar with the testimony of Christian of Stavelot, and he supported his idea with a more questionable toponymic equation: he saw the corrupt *Khazaria* in the Scandinavian term *Garðariki*.[80] Unfortunately both the consonantism of *Garðariki* and the geographical meaning of the term resist Lamanskii's effort. The term *Garðariki* (or, before the eleventh century, *Garðar*[81]) was limited to the territory of Rus', and it was not indiscriminately applied to any realm of Khazar *pax*. For the latter purpose Old Norse had another generic form, *Svíþjóð in mikla,* which Scandinavian geographers routinely used to translate the Latin term *Scythia*.[82]

---

78 Cf. *Г. А. Хабугаев* Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. Москва, 1994 , p. 120–121. To be fair, Lamanskii did not consider the early Rus' to be Eastern Slavic, but made a quite legitimate assumption that the Scandinavian Rus' had become bilingual in the ninth century.

79 *В. И. Ламанский* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник // Журнал Министерства Народного Пресвещения, 347, May and June 1903, p. 358.

80 *Ламанский* Славянское житие, p. 150–152.

81 *Е. А. Мельникова* Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. Москва, 1986, p. 45–49.

82 In geographical descriptions of the twelfth-fourteenth centuries, *Svíþjóð in mikla* corresponds to Lower (European) Scythia (*Мельникова* Древнескандинавские географические сочинения, p. 62, 94), but sometimes also to the (Central) Asian Scythia (p. 142) or both (p. 178, and 179, note 4).

Did Constantine really make it as far as Itil on the Lower Volga, where, according to tenth-century reports, the Judaic Khazar rulers resided? Constantine and his companions sailed from Cherson to the Meotian Lake and the Caspian Gates of the Caucasian Mountains.[83] These are the topoi associated with the northern margin of the known world, the abode of Gog and Magog. The topographical data in the description of their return trip is also not very helpful. The members of Constantine's mission returned on foot. At one point they went through the desert. According to the Slavonic Vita of Constantine, the only water they could find was bitter as bile, but God made this water honey-sweet and cold.[84] One does not need to look far from the Crimea itself to locate this "desert." Constantine was not the first saint to look for water in the thirsty Crimea: St. Clement was glorified for a similar miracle (both saints were repeating the miracles of the Book of Exodus.)

Latin reports about the mission do not support any of the topographical data. They only say that Constantine was sent by Emperor Michael to preach to the Khazars, whose land neighbored Cherson. Nor do they mention Constantine's encounter with the hesitant Khagan. The generic meaning of the terms "Khazars", shared by Christian of Stavelot and later Slavic sources, implies that the "Khazars" of the Vita of Constantine could have lived anywhere in the northeastern realm of Gog and Magog, including the Crimean peninsula. Lamanskii's hypothesis, that Constantine's "Khazars" were Rus', still presents a viable alternative to traditional reading of the vita.

The Conversion of the Barbarians and the End of the World

Christian of Stavelot gives us a glimpse of the eschatological dimensions of the Bulgarian conversion. The baptism of the cannibalistic Gog and Magog, the fiercest enemies of civilization, signified the ultimate success of Christianity. This theme is used repeatedly to describe the northern Barbarians, including the Normans, the Western counterparts of the Khazars. In 851–852, when St. Ansgar was preparing a missionary trip to the North, he had a vision of the late Abbot Adalhard, who quoted prophesies by Isaiah of the islands and the extremities of the Earth (Isaiah 49:1–7). These prophesies, as we learn from the vita, apply directly to the land of the Swedes (*Sueonum*), which consisted of islands and where "the northern extremity of the world lies."[85] Medieval readers of the Vita of Ansgar had no difficulty finding parallels between the focus on the islands and northern extremities in the Book of Isaiah and Ezekiel's prophecies of Gog and Magog. One such reader of the Vita of Ansgar was Adam of Bremen, who wrote during

---

83 *П. А. Лавров* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Ленинград, 1930, p. 3 (cap. 9).

84 *Лавров* Материалы, p. 24 (cap. 12).

85 *finis mundi in aquilonis partibus in Sueonum coniacet regionibus.* Vita Anskarii / ed. G. Waitz. Hannover, 1883, p. 55, cap. 25. (MGH: Scriptores, vol. 55). On the insular and peninsular image of Scandinavia, see *L. S. Chekin* Mappae Mundi and Scandinavia // Scandinavian Studies, 65, 1993, p. 487–520.

the period from 1075 to 1081, and who derived the local ethnonym, *Götar (Gothorum populus*) from the Biblical Gog.[86]

Yet the people of Gog and Magog were destined to play their ominous role at the end of the world as the agents of the Antichrist, which meant that the success of the Christian mission among these people could not be complete. Moreover, one of the tribes of Gog and Magog, as Christian of Stavelot noted, had already been converted to Judaism. In the only monograph on this topic, Anderson gives several examples of the identification of Gog and Magog with the Ten Tribes of Israel in West European sources since the twelfth century.[87] One must note that the connection between Gog and Magog and the Ten Tribes of Israel was helped by rumors spread by the Khazars and their neighbors about Khazar origin. The Khazars associated themselves with the Ten Tribes,[88] in order to overcome the ideological and legal tensions implied in conversion to Judaism.[89] At the same time they were being stereotyped by their southern neighbors as Gog and Magog.[90]

Even without the Khazar conversion, the legends about the Ten Tribes and Gog and Magog were destined to merge due to their alleged northern[91] location and eschatological function.

The Khazars were not the only people to embody both eschatological visions. Thus, in Bagdad around 1185 Rabbi Petahiah met ambassadors from a northern people called Meshekh or Magog, who had converted to Judaism and wanted poor scholars to come and teach their children the Torah and Talmud.[92] The anticipation of the Ten Tribes soon proved to be disaster when they turned out to be Magog in his fiercest personification (the Mongols).[93]

---

86 *Adam von Bremen* Hamburgische Kirchengeschichte / Hrsg. Bernhard Schmeidler. Hannover, Leipzig, 1917 (3rd ed.), p. 32 (I:26). (MGH: Scriptores 2). Adam was aware of the ancient tradition identifying Gog and Magog with the Goths who captured Rome, but he preferred to apply the Biblical prophecy of Gog and Magog to the "Goths" in Sweden.

87 *Anderson* Alexander's Gate, p. 58–86.

88 *L. S. Chekin* The Role of Jews in Early Russian Civilization in the Light of a New Discovery and New Controversies // Russian History, 17, 1990, p. 386–389.

89 These are discussed by *Zuckerman* On the Date, p. 242.

90 In addition to Christian's commentary, early evidence can be found in the Georgian Life of St. Abo of Tiflis (d. 786). It described a northern country populated by the savage "sons of Magog, who were the Khazars." *Paulus Peters* Les Khazars dans la Passion de S. Abo de Tiflis // Analecta Bollandiana, 52, 1934, p. 25; *Vasiliev* The Goths, p. 96. The Gog and Magog label had been long applied to the Kazars' predecessors, the Huns and the Turks, see *Anderson* Alexander's Gate, p. 12–13.

91 In Latin *aquilo*. In the Middle Ages this term had an additional, more precise meaning "North-East."

92 *Dunlop* History, p. 220.

93 See Matthew Paris' story about the Jews who in 1241 attempted to smuggle barrels of arms to the Mongols: *В. И. Матузова* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. Москва, 1979, p. 120–122, 146–148; *Harry Bresslau* Juden und Mongolen 1241 // Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland, 1, 1887, p. 99–102; *Harry Bresslau* Juden und Mongolen: Ein Nachtrag // Zeitschrift für Geschichte

BSB

To summarize, the testimony of Christian suggests that the conversion of one people in Khazaria to Judaism occurred not later than the 870s. Christian's evidence goes back to Rome or Southern Italy, most possibly to Benevento, and his reference to the seven tribes of the *Gazari* can be interpreted as a trace of a Turkic ethnographic tradition. The generic connotation of the term *Gazari,* as applied to the barbaric people in the north-eastern realm of the known world, is not unique to Christian and must be taken into account when analyzing other early medieval sources. Finally, Christian of Stavelot reminds us that the question of the conversion of the Khazars and other frontier peoples is closely intertwined with Jewish, Christian and Muslim messianism and eschatological expectations.

---

der Juden in Deutschland, 2, 1888, p. 382–383.

BSB

Fig. 1. Munich, Bayerische Staatsbibliothek, clm 14066, fol. 148.

Et quia aut̄ re ipſe tribulationes uenient. offendatur eū poſt dñi aſcen
ſionem. dñi discipulos p̄dicatur finium. Et tunc ſcandala abundant
multa. ſine ſumente ſcandalū contra primos qui xp̄ianos fiunt. ſine
habentur rudes. cum uiderint omīs genes uxp̄m credere. quia tu
des ſcandalū eſt. dñm incarnatū audire. Et nouiſſe uidente. & odio
habebunt inuicē. pagani xp̄ianos. Cmulti pſeudo ꝓpheꝯ ſurgent. Pſeudo ꝓphe
Pſeudo grecum ē. dicitur ſalſus. ut theodas. & iudas galileus. qui eduxer
ppl̄m poſt ſe. dicentes ſe eſſe ꝓphetas ſed & ipſi perierunt. & quot
quot eis conſenſerunt. Cq̄m abundauit iniquitas. refrigeſcet cari
tas multorū. Ad antexp̄i tempora iſte uerſiculus pertinet. quando
refrigeſcet dilectio xp̄ianorum. & multi dimittent xp̄ianitatem.
& conuertentur ad ydola uoluntate. Qui aut̄ pſeuerauerit uſque
in finē. ſalu⁹ erit ſine dubitatione de dilectione dei. hic ſalus erit. Hic ꝓmon
ſtratur loco. Ille enim ſalus in alia uita erit. qui in fide ꝓmorie
tur. Et p̄dicabitur hoc euangeliū. in uniuerſo orbe. Ut ſit teſtimo
nium ſuper omnes gentes. & tunc erit finis. Cum omīs gentes audierint eu
angeliū regni. in teſtimonium omnibus gentibus. Nulla gens ē ſub ęlo
que non habeat audientes dñm facta. & qui ipſe dñs apparuit credulē
ſimon ꝓpheta uores. tm̄ pauce ſunt gentes. Ctunc erit conſummatio.
Nec enim tm̄ gentē ſub ęlo in qua xp̄ianus non habeatur. Nam & in
goc & in magoc. que ſ. gentes humorū. que ab eis gazari uocantur.
tm̄ una gens que forcior erit cunctis. quos alexander concluſerat.
circumciſa eſt. & omne iudaiſmū obſeruat. Bulgari quoq; qui de
ipſi ex ipſis ſepe gentibus ſ. corrupte baptizantur. Cum ergo uideritis
abominationē deſolationis. que dicta ē a daniele ꝓpheta. ſtantem
in loco ſco. Abominatio deſolationis idolū uocatur in daniele libro.
de qua ipſe ꝓphetauit. ſic & nunc dñs. cum ipſam audiſſent in templo.
cognoſcerent ꝓpe eſſe deſolationē templi & ſpurcitie. Que & decima

Tunc erit conſummatio

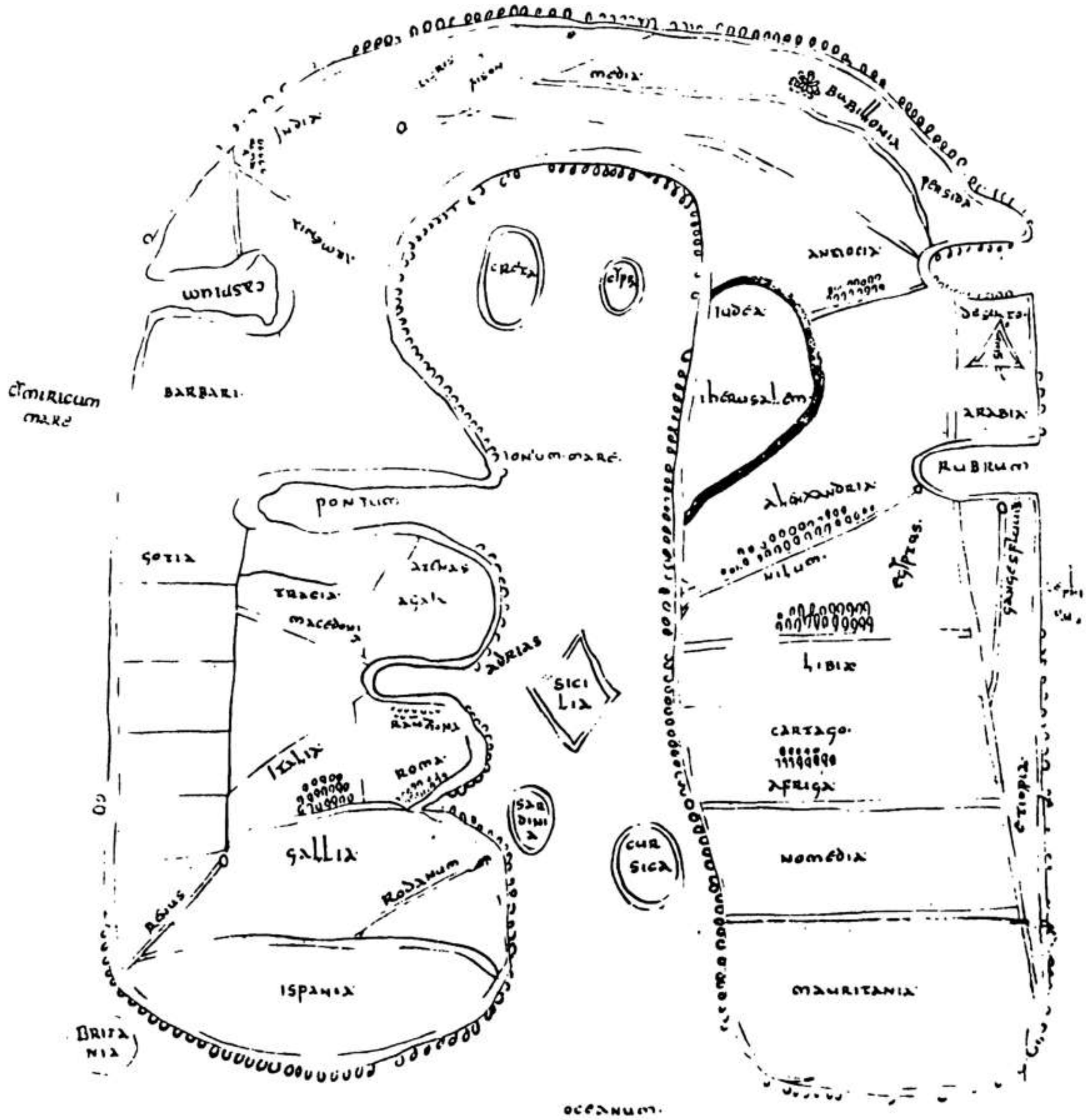
Gazari

Bulgari

Abominatio deſolationis

BSB

Fig. 2. Albi, Bibliothèque Municipale, 29, 57v. The size of the original is 290x230 mm. East is on the top. The body of water in the center is the Mediterranean with adjacent seas, including the Black Sea in the North (that is, on the left). The World Ocean, which surrounds the ecumene, has three major gulfs in addition to the Mediterranean. The gulf in the North-East is the Caspian Sea, west of which the *Barbari* and *Gotia* are located. Source of the reproduction: Catalogue Général des manuscrits des bibliothèques publiques des départements de France. Vol. 1. Paris, 1849, p. 487.

BSB

Gottfried Schramm

Korosten' in der Frühgeschichte der Rus': ein Ortsname als historische Quelle

In Wolhynien, 120 Kilometer nordwestlich von Kiew, liegt die Stadt Korosten'. Ihr Name wirft, sobald man ihn richtig etymologisiert, neues Licht auf frühe Auseinandersetzungen zwischen Ostslawen und Warägern und zwar in einem Raum, der von der Masse der – im Nordwesten der Rus' konzentrierten – archäologischen und onomastischen Spuren der Waräger weit abliegt.[1]

Wolhynien gehörte mit hoher Wahrscheinlichkeit bereits zum Siedlungsbereich der Urslawen, zur „Kernslavia". Und bis heute sind in der Toponymie dieser Landschaft Einsprengsel von nichtslawischer Herkunft sehr selten geblieben. Da drängt es sich geradezu auf, auch den Namen *Kórosten'* von einem Stammbaum aus gutslawischer Wurzel herzuleiten. Scheint es sich doch um einen Vettern des 80 Kilometer entfernten *Korostyšev* zu handeln: vom gleichen Grundwort mit einem anderen Formans gebildet[2]. Wieso aber lassen dann die beiden ältesten Belege, die beide in einer PVL-Notiz zum Jahre 946 begegnen, unseren Namen nicht mit *Kor-*, sondern mit *Iskor-* beginnen? Nun, dieser Stein des Anstoßes rollt – wenn man man sich an das etymologische Ortsnamenbuch hält, das uns 1985 ein ukrainisches Akademieinstitut an die Hand gegeben hat – aus dem Wege, sobald man jenen Satzkontext in Rechnung stellt, in dem der Name Einzug in die schriftliche Überlieferung hielt: *is grada Izkorostenja* verdoppele in einer für die altrussische Syntax typischen Redeweise das Herkunftpräfix *is*. Ein irrtümliches Verständnis dieser Wendung – so wenigstens verstehe ich die Auslegerin von 1985 – dürfte dann den Chronisten oder die Abschreibtradition veranlaßt haben, das zweite *is* mit dem ihm folgenden *Koro-* zu verleimen.[3] *Iskorosten'* stellt danach eine entgleiste

---

1 Im folgenden wird ausgeführt, was ich in meinem Vortrag „Der Beitrag der Namenphilologie zur Rekonstruktion des normannischen Stützpunktsystems in Rußland" S. 755 f. bereits angedeutet habe, siehe in: Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen: Phil.-Hist. Kl. 3. Folge Nr. 156. Göttingen, 1987, S. 745–757.

2 So zuletzt *Анатолий Членов* По следам Добрыни. Москва, 1986, с. 552: Die „Landeskundigen am Orte" leiteten den Namen von dem alten Worte *korsta* ab, das u. a. „Stein, Granit" bedeutet habe. Gemeint ist wohl aruss. *korosta* neben *kersta* „Sarg", nach *Max Vasmer* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1953, S. 552 ein Lehnwort aus dem Finnischen.

3 *А. К. Корепанова* in: Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Академія наук Української РСР. Інститут мовознавства им. О. О. Потебні. Київ, 1985, S. 70. Dort die Belege bis zum 17. Jahrhundert. Die Annahme einer slawischen Herkunft des Ortsnamens wird dem Leser ohne Präferenz vorgestellt: als dritte Erklärungsmöglichkeit hinter zwei Varianten einer Rückführung auf eine altschwedische Bildung.

BSB

Lautung dar, der gegenüber das heutige *Korosten'* die echte, regelgerechte und außerhalb der Schrifttradition niemals preisgegebene Fortsetzung der urslawischen Lautung darstellt. Indes, man braucht die erwähnte Lexikonpassage nur genauer durchzulesen, um auf die Haken der slawischen Herleitung zu stoßen. Die Notiz zu a. 946 enthält unseren Namen ja noch ein zweites Mal, und zwar diesmal in der Wortfolge *u Korostenja grada*, bei der man mit der Annahme, seine ersten beiden Buchstaben nähmen ein vorausgegangenes Präfix wieder auf, nicht mehr durchkommt. Und weiter: ein – offenbar die Benennung des Zentralorts der Gegend ungenau kopierender – Ortsname der Umgebung, *Iskorost'*, erhärtet den Eindruck, *is* sei einmal ein fester, ursprünglicher Bestandteil des Toponyms gewesen, das wir abklopfen. Wenn dieses *Is-* in der jüngeren, seit dem 15. Jahrhundert bezeugten Lautung *Korosten'* abgefallen erscheint, dann deshalb, weil die Wendung *iz grada Iskorostenja* in genau umgekehrter Richtung gewirkt hat, als es die Herleiter aus dem Slawischen unterstellen. *Is-* wurde nicht etwa mißverstehend vorgeschuht, sondern mißverstehend amputiert. Neben *Iskorostenja*, das jetzt zur Herkunftsangabe „aus Korosten"" umgedeutet wurde, traten *v Korosteni* „in Korosten"", *v Korosten'* „nach Korosten"" usw.

Noch ein zweites Mal legen sich die Erstbelege quer, wenn man den Namenausgang als gut-slawisches Erbe zu begreifen versucht. Nein, *-enja* (Gen.), wie es zu a. 946 zweimal heißt, kann nicht, wie es das heutige *-en'* nahelegt, jenes *-ěnь* fortsetzen, das uns als aus der slawischen Toponymie wohlvertraut ist. Wenn im weiten Abstand, im höchsten Norden der Rus', der Chronist von Cholmogory die PVL-Angaben zu a. 946 zu *iz grada is Korosnja* und – vom Namen einer Vogelart inspiriert – *u Korostelja grada* abwandelt, dann läßt er uns nachempfinden, wie sperrig der Name der Stadt am Už für ostslawische Ohren ursprünglich war. Nur hingetrimmt wollte er sich in gewohnte Normen einfügen. Kurz: wir landen gleich zweimal in Sackgassen, sobald wir versuchen, *Korosten'* auf eine slawische Bildung zurückzuführen. Glatt kommen wir dagegen mit dem Ansatz durch, eine unslawische Bildung sei in slawischem Munde schließlich so umgestaltet worden, daß sich ihr fremdartiger Klang verlor.

Sobolevskij bot als Alternative an, von einem skandinavischen Personennamen mit dem reichbezeugten Zweitglied **-stainaR* > *-stein* sei durch Anhängen von *-ъ* ein slawischer Ortsname abgeleitet worden[4]. Aber ein altnordisches Erstglied von Personennamen, das in aruss. *Iskoro-* fortleben könnte, gibt es nicht. Bestechender scheint deshalb der Ansatz von Sahlgren, der von einer altschwedischen Ortnamenkomposition *skarfsteinn* „Felsenstein" ausging[5]. Mir will am wahrscheinlichsten anmuten, die ins Ostslawische übernommene germanische Prägung habe *í Skarpstaini* gelautet und „auf dem scharfen Stein" oder „auf dem schroffen Felsen" bedeutet. Auch ein jüngerer

---

4 *А. С. Соболевский* Два личных имени // Русский филологический вестник, т. 64, 1910, S. 178–179, hier S. 179.

5 Mündlich zu *Max Vasmer*, siehe dessen Schriften zur slawischen Altertumskunde / Hg. Herbert Bräuer. Band 2. Berlin, 1971. (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin 38), S. 832.

BSB

Lautstánd mit *ei* oder *ē* in der zweitletzten Silbe könnte der slawischen Wiedergabe zugrundeliegen.

Diese Etymologie empfiehlt sich durch mehrere Vorteile:

– Sie stimmt Laut für Laut zu den Erstbelegen in der PVL.
– Sie rechnet mit einer Bildung, die – anders als Sahlgrens Vorschlag – in Skandinavien mit Sicherheit bezeugt ist[6].
– Sie paßt ausgezeichnet zu den geographischen Gegebenheiten[7]. Denn Korosten' entstand ja dort, wo ein Wasserlauf sich seinen Weg durch eine Schwelle von Urgestein gegraben hat und „zwei gigantische Hügel aus rotem Granit sich wie unzugängliche Bastionen zu beiden Seiten des Flusses Už erheben". Auf den Uferschwellen waren die bislang identifizierten frühen *gorodišča* angelegt: ein größeres auf dem linken, westlichen Ufer; drei kleinere auf der Ostseite des Flusses.[8]

Geht *Korosten'* wirklich auf den altschwedischen Lokativ *í Skarpstaini* zurück, dann führt uns unsere etymologische Vorarbeit zu wertvollen historischen Einblicken:

1. Hält man sich an die PVL, dann beginnen die warägischen Versuche, die Derevljanen, in deren Gebiet die Burg lag, botmäßig zu machen, a. 882/83–884/85, als Fürst Oleg diesen Stamm, ebenso wie anderen südlichen Untergruppierungen der Ostslaven, aus chazarischer Tributabhängigkeit löste und sie, ohne dauerhaften Erfolg, einem neuen Joch unterwarf. Der Lautung *Iskorostenь* können wir mit einiger Sicherheit ablesen, daß die Derevljanen nicht erst unter Oleg den Zugriff der Waräger zu spüren bekamen. Denn wenn die Gruppe *-skorost-* wirklich auf eine altschwedische Lautgruppe *skarpst-* zurückgeht, dann haben die Derevljanen den Namen noch vor dem ostslawischen Lautwandel von *-ar-* zu *-ara- (> -oro-)* entlehnt. Dies aber bedeutet nach einem Nachweis, den ich anderswo geführt habe, daß die Übernahme nicht erst in die Generation Olegs fällt. Sie muß vielmehr mindestens eine Generation früher erfolgt sein, als die Südliche, seit a. 838 faßbare Rus' noch nicht der Nördlichen Rus' einverleibt war,

---

6 Ein hervorragender schwedischer Namenforscher, Bengt Pamp in Lund, wies mich darauf hin, daß *skarp* in den Ortsnamen seines Landes „unfruchtbar" bedeute. Hätte das schon im 9. Jahrhundert gegolten, dann würde das meine Deutung von *Korosten'* unglaubhaft machen. Denn Waräger dürften einen Ort in Wolhynien kaum nach einer Eigenschaft benannt haben, die für ihre Festsetzung an diesem Platze vermutlich keinerlei Bedeutung besaß. Ein anderer schwedischer Sachkenner, Thorsten Andersson in Uppsala, dem ich den Fall vortrug, ermutigte mich brieflich, an meiner Deutung festzuhalten, weil es norwegisches Material (z. B. *Skarpsteinum*, a. 1588) gibt, das sich „eher auf scharfe Berge als auf unfruchtbaren Boden bezieht". Die ursprüngliche Bedeutung von *skarp* als „scharf", die sich in den anderen Teilen der Germania gehalten hat, würde danach zunächst auch in Skandinavien gegolten haben. Das in Norwegen mehrfach vertretene *Skarpstein* siehe *A. Kjaer* in: Norske gaardnavne / Hg. O. Rygh u.a. Band 12. Kristiania, 1919, S. 494. Die Ausgangsform der hier erwähnten Orte war wohl durchweg pluralisch, während für *Korosten'* mit einem Singular zu rechnen ist, der sich aus der Anlage auf einer einzelnen herausragenden Erhebung erklärt.

7 *Членов* По следам, S. 51.

8 *И. М. Самойловський* Стародавній Коростень // Археологія, 23, Київ, 1970, S. 190–200 mit Karte 1 auf S. 391.

BSB

über die Rjurik, zunächst zusammen mit zwei Brüdern, herrschte.[9] Damit werden wir auf jene – zuletzt von Askold und Dir geführte – Südliche Rus', verwiesen, die sich Oleg laut PVL a. 881/82 unterwarf[10].

Es war die Regel, daß sich die Waräger an Punkten festsetzten, an denen bereits Einheimische siedelten. Das wird auch für Korosten' gelten, wo schon früh – archäologisch bislang bis ins 8. Jahrhundert zurückverfolgbar – Slawen gesessen haben.[11] Wo die Normannen sich bereits bestehende Orte zunutze machten, pflegten sie deren alteingebürgerte Namen zu entlehnen. Wenn in unserem Fall gerade das Umgekehrte eintrat und die Waräger eine eigene Prägung bevorzugten, die dann wiederum in den Gebrauch der bodenständigen Slawen einging, läßt das auf Sonderumstände schließen. Die enthüllen sich uns, wenn wir das Faktum der Namenauswechslung und den Sinn der Neubenennung „auf dem schroffen Felsen" überdenken. Hätte hier ein altes Stammeszentrum der Derevljanen gelegen, so wäre sein altbodenständiger Name, wie in allen vergleichbaren Fällen, gewiß von den Warägern adoptiert worden[12]. Ebenso unwahrscheinlich mutet angesichts der Neubenennung an, daß ein Gewerbe- oder Verkehrszentrum die Normannen an diesen Ort zog, geschweige denn die bloße Anwesenheit von Altsiedlern. Vielmehr gab gewiß ein ganz anderes Positivum den Ausschlag. Die steilen Granithänge, die Menschenhand leicht durch Palisaden erhöhen konnte, begünstigten – wie das für keinen anderen Platze der näheren und weiteren Umgebung galt – die Anlage einer Burg. Man wird annehmen dürfen, daß dieser Vorzug nicht erst von den Warägern erkannt und für ihre Zwecke ausgeschlachtet wurde. Aber die Tatsache einer Umtaufe dürfte besagen, daß die Neuankömmlinge durch einen Ausbau des Vorgefundenen aus Korosten' ein Instrument schmiedeten, wie es vorher noch nicht bestanden hatte.

2. Ein Festungsausbau erklärt sich am einfachsten aus dem Bestreben der Südlichen Rus', die Derevljanen in Tributabhängigkeit zu zwingen, wobei hier nicht etwa – wie bei den Slawenstämmen östlich des Dnjeprs – ein von den Chazaren erhobener Anspruch auf Abgaben ausgeschaltet werden mußte. Es paßt gut zu dieser Vermutung, wenn Oleg

---

9 Siehe dazu meinen Aufsatz: Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie: Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: N.F., 28, 1980, S. 321–333 (S. 328). – Eine weitere Namenentlehnung ins Ostslawische, die aufgrund von *-oro-* < *-ar-* in der Zeit der Südlichen Rus' stattgefunden haben wird, ist *Tmutorokan'* an der Kuban'mündung; siehe meinen Beitrag: Altrußlands Anfänge und die Nordhäfen des Schwarzen Meeres: historische Aufschlüsse aus Ortsnamenentlehnung // Russia Mediaevalis, VI/1, 1987, S. 7–29.

10 Vgl. dazu meinen Aufsatz: Sechs warägische Probleme // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: N.F., 34, 1986, S. 364–373 (hier: 2. Kiev und die Südliche Rus', S. 365–367).

11 Rezension von *Eduard Mühle* in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: N.F., 36, 1988, S. 431.

12 Daß Iskorosten' im Zusammenhang mit einem Stammeszentrum entstand, erwägt *В. В. Седов* Начало городов на Руси // Труды 5 Международного конгресса Славянской археологии: Киев. 18–25 сентября 1985 г.). Т. 1. Вып. 1. Пленарные доклады. Москва, 1987, S. 12–31, hier 24.

BSB

laut der PVL seine Anstrengungen, jene Slawenstämme des Südens botmäßig zu machen, zu dem ihm die Eroberung Kiew den Zugang geöffnet hatte, gerade bei den Derevljanen begann, die ihm *po černě kun*, „in Schwarzmarderfellen", zinsen sollten.[13] Vermutlich versuchte er hier, eine Abhängigkeit vom Warägerzentrum Kiew zu erneuern, von dem sich die Derevljanen mittlerweile befreit hatten.

Unsere etymologische Überlegung hat uns instandgesetzt, historische Aussagen über eine Zeit zu wagen, die dem Einsetzen unserer Quellen vorausging. Wir konnten in die Diskussion eine Hypothese einführen, unter welchen Umständen eine Festung entstand, die offenbar mehr leistete als die regionsüblichen Wehr- und Fluchtburgen. Ja, sie vermag den Zweck der Neuanlage zu bestimmen. Es rundet das Bild ab, wenn wir uns im Ausblick vergewissern, was in der Folgezeit aus der Festung auf dem Granitfelsen werden sollte.

Eine normannische Herrschaft über Wolhynien hat die Niederlage von Askold vermutlich nicht überlebt. Fürs erste haben wir mit einem unabhängigen slawischen Derevljanenverband zu rechnen, der bemüht war, seine Unabhängigkeiten gegen Tributnehmer aus Kiew zu verteidigen und dabei die von der Südlichen Rus' angelegte Burg von Korosten' nutzen zu können. Nachdem Oleg die Nördliche und die Südliche Rus' durch die Eroberung Kiews zu einem Großgebilde mit der Dnjeprmetropole als Vorort vereinigt hatte, gelang es erst mit langer Verzögerung und nach Rückschlägen, die Derevljanen, so kurz der Weg von Kiew zu ihnen auch war, fest in das Riesenreich einzubinden[14]. Olegs Nachfolger Igor' besiegte den widerspenstigen Stamm und bürdete ihm einen höheren Tributsatz auf, als der Vorgänger gefordert hatte. Wenn er in der aus verschiedenen Ethnien zusammengesetzen Mannschaft, mit der er a. 944 gegen Konstantinopel zog, keine Derevljanen mitnahm und gleich nach der Rückkehr erneut Krieg gegen diesen Stamm führte, um den Tribut weiter hinaufzuschrauben, so zeigt sich, daß es westlich von Kiew stärkere, andauernde Widerstände zu überwinden gab als in der übrigen Ostslavia. Dazu hat vermutlich beigetragen, daß im Derevljanenlande keines jener protourbanen Zentren aufblühte, in denen sich unter normannischer Herrschaft eine gewerbliche Produktion sowie Nah- und Fernhandel, einander wechselseitig fördernd, entfalteten. Und erst von solchen regionalen Zentren aus, auf die sich die altschwedische Benennung von Rußland als *Garðar* „die Burgen und Burgstädte" bezieht, ließen sich ausgedehnte Umländer mit ihren bodenständischen Sozialhierarchien fest in das Reich einbinden. Die Alternative, sich auf bloße Zwingburgen wie Korosten' zu stützen, bot keinen Ersatz. Denn eine mittlerweile besser auf die warägische Kriegs- und Tributnahmetechnik eingestellte Bevölkerung konnte derartige Inseln in ihrem Gebiet bei günstiger Gelegenheit in die eigene Hand bringen und ihre Bestimmung gleichsam umdrehen. In Korosten' wurde, so stelle ich mir vor, ein Punkt, von

---

13 ПСРЛ. Т. 1 (Лавр. лет.). Ленинград, 1926, Sp. 24, Z. 7.

14 Siehe dazu u. a. *В. Т. Пашуто* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники, 1973: Посвящен памяти А. Н. Насонова. Сборник статей. Москва, 1974, S. 103–110, (hier S. 105).

BSB

dem aus derevljanische Tribute eingetrieben worden waren, zum Rückhalt derevljanischen Widerstandes. Die Verteidiger von Korosten' erschlugen Igor' bei seinem gleich nach der Rückkehr von Byzanz unternommenen Versuch, diese Festung zu erobern. Und Ol'ga und Svjatoslav gelang, nachdem sie alle anderen Burgen im Derevljanenlande bereits bezwungen hatten, die Einnahme des stärksten Widerstandsnestes erst nach langer Belagerung.[15]

Die Folgeereignisse, die uns der Chronist überliefert, lesen sich als ein durchdachter Versuch der Fürstin, mit Hilfe einander ergänzender Maßnahmen ein hartnäckiges Problem auf die Dauer zu lösen. Einen Teil der Besiegten befahl sie – als Rache für den erschlagenen Gemahl – zu töten. Einen anderen übereignete sie ihren Mannen als Sklaven. Einem weiteren Teil wiederum wurde ein hoher Tribut auferlegt, der zu zwei Dritteln nach Kiew, zu einem Drittel in Ol'gas Burg Vyšgorod gehen sollte. Vermutlich wurde hier ein Stammesterritorium nach den Bedürfnissen der Eroberer umorganisiert, und zwar von zwei normannischen Stützpunkten aus: von der Metropole Kiew und dem wohl erst jetzt in die Reihe der Fürstenstädte der Rus' eingereihten Vyšgorod, das Nebenresidenz der Fürstin wurde.[16] Um die Herrschaft der Rus' und einen regelmäßigen Tributeingang zu verankern, ergingen genaue Anweisungen (*ustavy i uroki*), welche Abgaben in Zukunft zu leisten seien. Außerdem wurde das Land mit einem engmaschigen Netz von kleineren Stützpunkten überspannt, die der Chronist als *stanovišča* „Absteigen, Stationen" und *lovišča* „Jagdplätze" kennzeichnet.

Wenn nach der Einnahme von Korosten' ein Teil der derevljanischen Führungsschicht (*starejšiny*) hingerichtet wurde, so liegt die Annahme nahe, die blutige Rache für den Tod Igor's habe vor allen anderen den Fürsten des unterworfenen Stammes, Mal, getroffen. Aber es muß nicht so gewesen sein. Denn sehr wohl könnte eine These Recht haben, die, schon 1864 aufgestellt, mittlerweile (von einem Laienhistoriker) erneut zur Diskussion gestellt wurde. Die Nestorchronik erwähnt für a. 970 einen Malko Ljubečaninъ, dessen Tochter Maluša der Fürstin Ol'ga als Beschließerin (*ključnica*) diente. Sehr wohl denkbar, daß *Malko*, „das Kleinchen", identisch ist mit *Malъ*, „dem Kleinen".[17] Denn in ihrer Lautung wie in ihrer Bedeutung stehen sich beide Namen ja

---

15 Zur byzantinischen Parallelüberlieferung zu Igor's Tod bei den Derevljanen siehe *Hans Ditten* Zu *Germanoi = Derevljane* in Leon Diakonos' Geschichtswerk VI 10 // Byzantinoslavica, 45, 1984, S. 183–189.

16 Eben weil Vyšgorod Nebenresidenz Ol'gas blieb und damit kaum das gleiche Prestige wie die ständigen Fürstensitze der Rus' gewinnen konnte, setzte sich hier das neue Gliederungsprinzip, nachdem Region als Umland führender Städte galten, vergleichsweise langsam durch. So heißt es zu a. 970, Svjatopolk habe Jaropolk in Kiew, Oleg dagegen „bei den Derevljanen" eingesetzt. Die Einordnung in das neue, gesamtrussische Muster ging später nicht von Vyšgorod, sondern von Volyn' aus, das erstmals unter dem 1018 in der Chronik erwähnt wird. Als Bezeichnung der umliegenden Landschaft hielt sich Volyn' auch, nachdem es seine Funktion als Zentralort verloren hatte.

17 Zu Maluša siehe *Andrzej Poppe* Vladimir als Christ: Versuch eines psychologischen Porträts des Kiewer Herrschers // Österreichische Osthefte, 35, 1993, S. 553–575, (hier S. 564). – Statt *Malko* kommt auch *-ьkъ* > russ. *-ok* in Frage, siehe *Valentin Kiparsky* Russische

sehr nahe. Maluša, die Unfreie, zeugte mit Fürst Svjatoslav einen Sohn Vladimir, der offenbar sogleich als einer der erbberechtigten Nachkommen galt, ja schließlich zum Haupt der Dynastie werden sollte[18]. Der soziale Aufstieg, der die Mutter weit über den Stand einer unfreien Beschließerin hinausgehoben haben wird, schloß auch ihre Verwandtschaft ein. Wir hören, daß ihr Bruder Dobrynja a. 970 im Palast von Nowgorod einzog, um dort im Namen des minderjährigen Vladimir, der ihn begleitete, die Herrschaft wahrzunehmen.

Gewiß, unsere spärlichen Nachrichten erlauben uns – wie in der frühen Geschichte Altrußlands nur allzu oft – nichts mehr als Spekulationen. Aber die sollte man in unserem Falle nicht scheuen. Es gäbe einen guten Sinn, wenn der besiegte Derevljanenfürst Mal(ko), nachdem er in Korosten' geschlagen worden war, in die Sklaverei abgeführt wurde, weil man sich von ihm, wenn er am Leben bliebe, noch nützliche Dienste erhoffte. Ja, daß man ihn gerade in Ljubeč unterbrachte, kann sehr wohl aus politischer Berechnung geschehen sein. Denn hier, 230 Kilometer dnjepraufwärts von Kiew, blieb er im festen Zugriff des Reichszentrums. Ja, Ljubeč bildete damals offenbar einen wichtigen Knoten im normannisch-russischen Verkehrs- und Herrschaftsnetz[19]. Hier, so mag man es sich ausmalen, war der Rebell sozusagen anlernbar. Hier ließ er sich in das Funktionieren und die Vorteile jener mittlerweile riesenhaft dimensionierten Rus' einweisen, die namentlich dank ihrer Handelseinnahmen immer mehr erstarkte und auf dem Wege war, die warägischen und slawischen Oberschichten zu verschmelzen. Aber zu dem – versuchsweise rekonstruierten – Kalkül mag auch gehört haben, daß Mal nicht in weite Entfernung von seinem Stammland abgeschoben, sondern an dessen Nordostrand verpflanzt wurde. Dann sollte seine Einbindung wohl für die Zähmung der Derevljanen nutzbar gemacht werden, deren höchste Autorität er darstellte. Und wenn Mals Tochter Maluša, wenn nicht auch ihr Bruder Dobrynja, an den Hof von Kiew gegeben wurde, dann läßt sich das Glück, das beiden später beschieden war, sehr wohl

---

historische Grammatik. Bd. 3: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, S. 249.

18 Siehe den von *A. Членов* auf mehrere Hefte verteilten, knapp gefaßten Aufsatz Деревлянське походження князя Володимира // Український історичний журнал, 1970, № 9, S. 102–104, № 10, S. 110–112, № 11, S. 108–113, dessen Ertrag in Členovs Buch По следам (1985) reichlich wort- und phantasievoll einer breiteren Leserschaft ans Herz gelegt wird. Die Zentralthese, Malok von Ljubeč sei mit dem Derevljanenfürsten Mal identisch gewesen, wurde erstmals 1864 von *Д. И. Прозорский* (О родстве св. Влаидмира по матери // Записки Императорской Академии Наук. Bd. 5. Кн. 1, Petersburg, 1864, S. 17–26) aufgestellt. Philologisch stellt *Mal* eine Suffixerweiterung zu *Malyj* „der Kleine" dar, für die es im russischen Adjektivwortschatz manche Bildeentsprechungen gibt, s. *Kiparsky* Russische historische Grammatik, Bd. 3, S. 213.

19 In dem Text der ПВЛ, der die Reihe der Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Altrußland und Byzanz eröffnet, beschließt S. 31, Z. 8 Ljubeč (an 6. Stelle) die Liste der namentlich genannten Städte, für die Bedingungen für den Handel in Konstantinopel festgelegt werden. Die übrigen russischen Städte sind nur pauschal, unter der Formel „und die übrigen" in den Vertrag einbezogen, der wohl ursprünglich nicht, wie die ПВЛ vorgibt, a. 907/08 abgeschlossen wurde, sondern eigentlich einen Teil der Vereinbarungen von a. 911/12 darstellt.

BSB

auf die Staatsräson von Siegern zurückführen, die einen slawischen Stamm auf eine dauerhafte, nicht nur mit Gewalttätigkeit arbeitenden Weise in ihr Reich einbinden wollten. Hatte Vladimirs unfreie Mutter wirklich einen Stammesfürsten zum Vater, dessen Unterwerfung erst im zweiten Anlauf gelungen war, so erstaunt es kaum noch, wenn Vladimir in seiner späteren Auseinandersetzung mit seinen Halbbrüdern, in der es um die Führung des Reiches ging, offenbar nicht unter dem Nachteil von Minderbürtigkeit zu leiden hatte. (Erst bei einer Brautwerbung in der nordwestlichen „Nebenrus'" von Polock, einem noch nicht in die Kiewer Rus' und die Entwicklung ihrer Usancen eingeschmolzenes Nachbarreich, sollte ihm das als Makel vorgehalten werden.) Auch für Dobrynjas Karriere fände sich hier ein einfacher Schlüssel.

Unser Korosten' läßt sich zwanglos in das skizzierte Bild einordnen. Wenn es a. 946 für lange Zeit aus der Überlieferung verschwindet, dann vermutlich, weil es, unter gewandelten Verhältnissen, in doppeltem Sinne ausgespielt hatte: zunächst als Zwingburg der Waräger im Derevljanenlande, aber – zu einem späteren Zeitpunkt – auch als Bastion im Widerstand der Derevljanen gegen Herrschaftsansprüche, die von Kiew aus geltend gemacht wurden.

BSB

И.С. Чичуров

Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (середина XI – начало XII в.)

На первый взгляд, антилатинская полемика греческих митрополитов в Киеве не сулит современному исследователю открытий, существенно изменяющих сложившиеся представления о месте Древней Руси в противостоянии Рим – Константинополь после 1054 г. Действительно, полемические сочинения «митрополитов России»[1] давно изданы[2] и с успехом используются в науке[3]. Новые шаги на пути к прояснению той роли, которую антилатинская полемика сыграла в истории России, делаются ныне в рамках уже более позднего хронологического периода: XIII – начала XV вв. (до Ферраро-Флорентийского собора)[4]. Да и общее отношение к схизме 1054 г., как к событию якобы не отразившемуся заметно на ходе истории во второй половине XI в.[5], едва ли стимулирует интерес к тому, какой была реак-

---

1 Я использую здесь и далее греческую титулатуру киевских митрополитов в силу ее официальности.

2 Библиографию изданий см.: *G. Podskalsky* Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237). München, 1982, c. 171, 173, 175, 177, 181. Конечно же, положение дел с изданием древнерусской антилатинской полемики нельзя признать удовлетворительным: старые труднодоступные публикации сплошь и рядом нуждаются в современном переиздании. Дискуссионным остается вопрос об авторе *Слова о вере крестьянской и о латинской*: Феодосий Печерский или Феодосий Грек (*Podskalsky* Christentum, с. 179–180). Непроясненным приходится признать соотношение двух редакций *Послания к князю Ярославу Святополковичу* Никифора I. (*Podskalsky* Christentum, с. 177–178).

3 Надежную сводку литературы см.: *Podskalsky* Christentum, с. 180–185, ср. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV вв. Ленинград, 1987, с. 104–105, 208, 279, 459; Древнерусские письменные источники X–XIII вв. / Под редакцией Я.Н. Щапова. Москва, 1991, с. 5, 25, 45.

4 *М.Ю. Неборский* Антилатинская полемика на Руси до Флорентийского собора (по материалам Кормчих книг). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1994. Там же (с. 26) список опубликованных автором в последние годы работ по теме.

5 См., например, точку зрения Г.-Г. Бека в Handbuch der Kirchengeschichte / Hrsg. von H. Jedin. Bd. 3. Die mittelalterliche Kirche. 1. Hbbd. Vom kirchlichen Frühmittelalter zur gregorianischen Reform / Von F. Kempf, H.G. Beck, E. Ewig, J.A. Jungmann. Freiburg, Basel, Wien, 1966, с. 475. Также оценивает события из древнерусской перспективы *Я.Н. Щапов* Государство и церковь Древней Руси X – XIII вв. Москва, 1989, с. 172. В новейшей литературе скептическое отношение к значению событий 1054 г. представлено позицией Ж. Дагрона: Die Geschichte des Christentums: Religion – Politik – Kultur / Hrsg. J.-M. Mayeur, Charles und Luce Pietri, A. Vauchez, M. Venard. Bd. 4. Bischöfe, Mönche und Kaiser / Hrsg. von Gilbert Dagron. Freiburg usw., 1994, S. 357–358.

ция митрополии в Киеве на разрыв церковного общения между Константинополем и Римом.

И все же, обращение к изданным и хорошо известным текстам ставит читателя перед вопросами, которые, насколько я могу судить, не только не получили еще ответа, но некоторые из них пока вообще не сформулированы. Так как литературное наследие митрополитов-греков (разумеется, не каждого из них) дошло до нас и в греческих оригиналах, и в древнерусских переводах, я имею в виду проблемы, возникающие при чтении обеих версий, а в ряде случаев – и при чтении возможных византийских источников для трактатов киевских митрополитов.

Одним из источников для антилатинских сочинений митрополитов Георгия (ок. 1065 – ок. 1076) и Никифора I (1104–1121), а также Феодосия Печерского (ок. 1030–1074) был, как принято считать с литературе[6], анонимный перечень «латинских заблуждений» под заглавием *О франках и прочих латинах*, ошибочно приписанный константинопольскому патриарху Фотию (858 – 867, 877 – 886)[7]. Без упоминания имени Фотия он вошел в сербскую кормчую[8], а оттуда – и в русскую кормчую (70е – 80е гг. XIII в.)[9]. Время создания памятника определяется приблизительно 1054–1112 гг.[10]. Неясны условия его возникновения[11], неизучена рукописная традиция. Впрочем, и сам текст в том виде, в каком он опубликован, по-прежнему требует пояснений.

Начну с сюжетов, заставляющих задуматься над тем, где могло возникнуть анонимное сочинение *О франках*? В ответе на этот вопрос может помочь обращение прежде всего к географическому аспекту в трактате. Неизвестный автор (§ 24 *О*

---

6 *Podskalsky* Christentum, S. 174, 178, 182.

7 Греческий текст этого трактата доступен современному исследователю в издании: *J. Hergenröther* Monumenta graeca ad Photium eiusque historiam pertinentia. Regensburg, 1869, c. 62–71; перепечатано без изменений с добавлением современной литературы Westmead: Gregg, 1969. От внимания Хергенрётера ускользнуло предпринятое за 30 лет до него издание текста *О франках* по нескольким (в отличие от него) рукописям: *E. Zachariä* Historiae juris Graeco-Romani delineatio // Heidelberger Jahrbücher der Literatur, 23, 1839, c. 359–368; 24, 1839, c. 369–371. На это давно уже обратил внимание *А.С. Павлов* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 42–44, 64. Однако, поправка Павлова не была усвоена последующей литературой (она не учтена, к примеру, в библиографии к переизданию книги Хергенрётера). Между тем, публикация Цахариэ существенна не только большим количеством привлеченных к изданию рукописей, указанием на другие (неиспользованные им) списки сочинения, но и вариантами заглавий трактата, в которых далеко не всегда фигурирует имя Фотия как автора.

8 Законоправило или Номоканон Светога Саве: Иловички препис 1262 година. Фототипија / Приредио и прилоге написао М.М. Петровић. Горњи Милановац, 1991, л. 262 об. – 265; *С.В. Троицки* Како треба издати Светосавску Крмчију (Номоканон са тумачењима) // Споменик / Српска Академија Наука, Одељење друштвених наука: Нова серија. Т. 4. Београд, 1952, с. 88.

9 *Неборский* Антилатинская полемика, с. 13 – 14, 19 – 20, 24.

10 *J. Darrouzès* Mémoire de Constantin Stilbès // REB, 21, 1963, p. 56.

11 *Darrouzès* Mémoire, c. 55–56.

франках) укоряет латинян, среди прочего, и за то, что длительность Великого поста в землях латинского обряда не унифицирована: в одних странах постятся девять недель, в других – восемь, в третьих больше, в четвертых – меньше[12]. Из стран и народов конкретно в этом параграфе упомянуты лишь два наименования. Одно из них – италийцы (οἱ Ἰταλοί) – не вызывает сомнений. Для византийца, вообще, и для анонимного автора, в частности, нет ничего удивительного в упоминании среди латинян италийцев. Трактат *О франках* открывается списком западных христиан, среди которых находим италийцев, лангобардов, франков, германцев, калабрийцев, аламанов[13]. Некоторая неисторичность списка (например, упоминание лангобардов во второй половине XI в.) не нарушает византийских традиций: архаизация этнонимики была присуща империи. Примечательно, однако, какое из двух наименований аноним приводит в первую очередь, говоря о продолжительности Великого поста: ἡ Λεχία (ср. русское *Ляхия*) постится девять недель. Очевидно, что в виду имеется Польша. Так, собственно, понял это латинский переводчик, передавший греческое Λεχία как *Polonia*[14], так толковал это место и Й. Хергенрётер, ссылаясь на такую же трактовку греческого Λεχία со времен Ж.Б. Котелье (1627–1686)[15].

Перед нами, таким образом, одно из ранних упоминаний Польши в Византии, если придерживаться существующей датировки трактата *О франках*, к тому же – в связи с церковной схизмой 1054 г.[16]. Возникает вопрос: Каким образом Польша в XI в. попадает в контекст конфессиональных разногласий между Константинополем и Римом? Польша не была для Византии даже отдаленной периферией: отсутствовало непосредственное соседство, которое в первую очередь могло бы столкнуть интересы двух стран друг с другом. Не существовало, насколько я могу судить, в это время и соперничества из-за Польши между империей и третьей стороной. Христианство было принято Польшей в 966 г., а самостоятельная архиепископия (Гнезненская) была образована еще позже – в 1000 г. Тем самым Польша, не входившая в состав константинопольской патриархии, едва ли была к середине XI в. для Византии заметной величиной и в церковном плане. Позиции

---

12 *Hergenröther* Monumenta, c. 69 (§ 24).

13 *Hergenröther* Monumenta, c. 62.

14 *Hergenröther* Monumenta, c. 69.

15 *J. Hergenröther* Photius: Patriarch von Konstantinopel. Bd. 3. Regensburg, 1869 (Nachdruck Darmstadt, 1966), c. 218 и прим. 228. Я не касаюсь здесь представлений Хергенрётера об упоминании «Лехии» в греческом тексте, как о датирующем признаке для трактата *О франках*: во всяком случае, не время Фотия, вероятнее всего – внесено компилятором XII–XIII в. (*Hergenröther* Photius, c. 218–219).

16 В издании греческого текста, видимо, по недосмотру Λεχία пропечатана со строчной буквы (в отличие от латинского перевода). Возможно, это обстоятельство сыграло свою роль в том, что одно из ранних упоминаний о Польше в византийских текстах ускользнуло от внимания даже проницательных исследователей. См., например: *O. Halecki* La Pologne et l'empire byzantin // Byz, 7, 1932, c. 41–67; *G. Prinzing* Byzantinische Aspekte der mittelalterlichen Geschichte Polens // Byz, 64, 1994, c. 459–484.

BSB

христианства, по всей видимости, еще не утвердились вполне, если судить по восстанию в Польше 1030 г., в ходе которого были перебиты, среди прочих, епископы и священники[17]. Короче говоря, появление Польши в контексте римско-константинопольского противоборства именно на византийской почве требует конкретных оснований, которых я, увы, пока не вижу.

Разумеется, легче всего предположить здесь какие-то неизвестные современной науке обстоятельства, связавшие Византию и Польшу в церковной сфере на столь раннем этапе. Еще проще, вслед за Хергенрётером, увидеть в упоминании Польши вставку позднейшего (XII – XIII вв.) компилятора, хотя пересечение церковных интересов Польши и Византии не представляется мне очевидным и для этого времени. Полагаю, имеет право на существование и другое объяснение: актуализированное (т.е., связанное с конкретной ситуацией схизмы 1054 г. и ложащееся в сравнительно узкий хронологический промежуток) упоминание Польши может указывать на место и условия возникновения, если не трактата *О франках*, то во всяком случае его источника для § 24 о продолжительности поста. Этим местом могла быть, как мне кажется, страна, связанная с Польшей прямыми, интенсивными и разносторонними контактами. Речь о ней пойдет впереди, а пока – о других, еще несформулированных и остающихся без ответа вопросах, возникающих при чтении полемических текстов.

В § 19 *О франках* латиняне осуждаются за запрет славить Бога на иных языках, кроме *еврейского, греческого и латинского*[18]. Подобная реакция Византии на ущемление национальных интересов других народов в сфере богослужения не представляется мне безусловной. Она нуждается, на мой взгляд, в специальном разъяснении, особенно применительно к XI столетию. Как известно, после смерти в 1037 г. болгарского архиепископа Иоанна (Давида) константинопольская патриархия проводит в Болгарии политику вытеснения болгарского клира не только в высшей иерархии, но и на уровне низшего духовенства, что, естественно, означало и вытеснение национального языка из богослужения[19]. С подозрением относились византийцы в XI в. и к использованию национального языка в литургии православными армянами и грузинами[20]. В непоощрявшей (по крайней мере, на своей территории) церковное употребление национальных языков Византии трудно предполагать заинтересованного критика латинян за языковые ограничения.

Позиция Константинополя в этом вопросе, я думаю, достаточно определенно отражается антилатинскими сочинениями двух болгарских архиепископов-греков: Льва Охридского (ок. 1037 – 1055/56) и Феофилакта Охридского (ок. 1088/92 –

---

17 ПСРЛ. Т. 1. 2. изд. Ленинград, 1926, стб. 149–150.

18 *Hergenröther* Monumenta, c. 68 (§ 19).

19 *Г.Г. Литаврин* Болгария и Византия в XI–XII вв. Москва, 1960, с. 367–369, 373; История на България. Том трети. Втора Българска държава. София, 1982, с. 94.

20 *G. Dagron* Contemporary Image and Influence of Byzantium // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996, c. 64.

1108). Послание Льва об опресноках и о субботнем посте, составленное, вероятно, весной 1053 г.[21], помимо уже названных сюжетов касается также и других проблем: употребления в пищу удавленины, пения Аллилуйи[22], но не языка богослужения. Равным образом, и написанный Феофилактом в конце XI – начале XII в. трактат о латинских заблуждениях упоминает традиционные обвинения в адрес Рима: опресноки, субботний пост, расхождения в длительности Великого поста, целибат клира и неупорядоченность браков светских лиц, бритье бороды, ношение архиереями перстней и разноцветных шелковых одежд, мясо в рационе монахов, удавленина, filioque[23]. В обстоятельной полемике Феофилакта с латинями также не нашлось места вопросу о языке богослужения. Не приходится удивлятся и тому, что в современной событиям 1054 г. переписке Михаила Кирулария и Петра Антиохийского проблема языка вообще не затрагивается. Она должна была бы возникнуть там, где богослужение в это время, действительно и по преимуществу, велось на местном, национальном языке.

В самом деле, если мы обратимся к посланию современика Феофилакта – киевского митрополита-грека, то именно у него среди прочих обвинений латинянам найдем и осуждение последних за ограничения в языке богослужения. Митрополит Никифор I в одной из редакций *Послания князю Ярославу Святополковичу* замечает: *И молвятъ бо тіи, яко не достоитъ иинѣмь языкомъ хвалити Бога, но токмо трими языки: жидовскимъ языкомъ, ти Елинскимъ и Римскимъ; блядуть бо въ томъ ... яко всякимъ языкомъ достоинѣ хвалити Господа ...*[24].

Послание Никифора I помогает дать, хотя бы предположительно, ответ и на уже поставленный выше вопрос о Польше в контексте схизмы 1054 г. Едва ли есть необходимость подробно говорить об интенсивности прямых русско-польских связей на протяжении XI в. Хорошо известны походы Болеслава I Храброго (992–1025) на Киев в 1013 и 1018 гг., его участие в распрях наследников Владимира Святого, поддержка Ярославом Мудрым Казимира I (1039 – 1058) в 1041 г., помощь Болеслава II (1058 – 1079) в 1069 г. Изяславу Ярославичу по возвращению ему киевского престола и поддержка в 1076 г. Святославом и Всеволодом Ярославичами самого Болеслава II в его борьбе с Вратиславом Богемским; на дочерях польских королей были женаты Святополк Окаянный и Изяслав Ярославич.

Однако, Польша фигурирует в это время на Руси и в более узком, специальном контексте схизмы 1054 г. Обе редакции *Послания* Никифора I Ярославу Святополковичу содержат мотивировку обращения митрополита к князю, связанную с Польшей: ... *понеже земля Лядская въ судѣхъ у тебе есть, живущій, еже на ней*

---

21 *A. Michel* Die vier Schriften des Niketas Stethatos über die Azymen // BZ, 35, 1935, c. 310–311.

22 Migne PG, 120, 1864, стб. 841 A-B.

23 *Théophylacte d'Achrida* Discours, traités, poésies / Introduction, texte, traduction et notes par P. Gautier. Thessalonique, 1980, c. 249. 8–18, 251. 10–13.

24 *Макарий* История русской церкви. Т. 2, СПб., 1889, с. 338. (Nachdruck The Hague, 1968). Никифор цитирует в своей аргументации Псалмы Давида.

BSB

суть, оплатки служащей, Латинское пріали есте ученіе, добрѣ рекоша, извѣщаю ти, каа ради вини святыя съборныа и Апостольскіа церкви отступиша.[25] Иными словами, поводом митрополиту рассказать князю об истории и содержании церковного раскола между Римом и Констатинополем послужило то обстоятельство, что во владениях этого князя находились и польские земли. Сказанное дает основание предполагать, что Польша в псевдо-Фотиевом трактате (равно как и осуждение триязычия) восходит к источнику, происхождение которого связано с Русью.

Антилатинская полемика на Руси, основанная, разумеется, на греческой традиции, имела и свои отличительные черты. Об этом можно судить по сочинениям митрополита Георгия, Феодосия Печерского, митрополита Никифора I. Георгий в *Стязаньи с латиною* обвиняет западную церковь в том, что при крещении крещаемым не дают имена святых, но крестят, как *мати наречеть*[26]. На это же указывает и Феодосий Печерский в *Слове о вере крестьянской и о латыньской*: крещаемый получает не имя святого, *но како прозовут родители*[27]. Наконец, Никифор I в уже упомянутом послании дает свой вариант того же самого осуждения: *А крестящимся не наречутъ именъ святыхъ, но звѣрина имена: левъ, пардусъ, и прочихъ звѣревъ ...*[28]. Мне неизвестны в греческой антилатинской полемике обвинения, касающиеся такой практики именования при крещении. А. Попов, специально занимавшийся выявлением источников для сочинений Георгия и Никифора I, к пунктам об именовании их также не находит[29]. Думаю, что их и не было в собственно византийской полемике постольку, поскольку для империи к середине XI в. практика христианского именования при крещении давно уже была обычной нормой. Теоретически возможные отступления от нее (как и от любого иного правила) едва ли были настолько распространены, чтобы вызывать к себе особый интерес церкви. Иное дело Древняя Русь, где двойное именование в княжеских семьях (христианским и языческим именем) сохранялось долгое время после официального принятия христианства. Неудивительно, что греческие иерархи на Руси обращали на это внимание.

Еще один признак древнерусского происхождения я вижу в употреблении греческими митрополитами в Киеве специфически славянского обозначения герман-

---

25 *Макарий* История, с. 336, ср. с. 341. О редакциях *Послания* см. : *Podskalsky* Christentum, с. 177–178.

26 Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / Труд В.Н. Бенешевича. Том второй / Подготовлен к изданию и снабжен дополнениями Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым и Я.Н. Щаповым. Под общим руководством Я.Н. Щапова. София, 1987, с. 279.

27 *И.П. Еремин* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ, 5, 1947, с. 171.

28 *Макарий* История, с. 338 ср. с. 344.

29 *А. Попов* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI – XV в.). Москва, 1875, с. 88, 114 ср. *Павлов* Критические опыты, с. 48, где также не приводятся источники для *Слова* Феодосия Печерского в пункте об именах.

цев. Традиционная для греческой полемики этнонимика (германцы, франки, аламаны) сменяется у Георгия на русское *немцы*[30], что у Никифора I получает еще и пояснение: ... *оуандилъ, иже и нарицаются нѣмци*[31]. Конечно, это не означает отсутствия этнонима *немцы* (именно в конкретном этнонимическом значении) на страницах византийских литературных памятников, причем, задолго до схизмы 1054 г. В 48-й главе трактата Константина Багрянородного *О церемониях* ... в перечне титулов иностранных государей о баварском короле читаем: ... *королю Баварии (а страна эта – так называемые немитции)* ...[32]. Впрочем, упоминание *немцев* Константином Багрянородным представляется мне отражением не столько литературной традиции, сколько реальной дипломатической практики. Греческая полемическая литература XI – начала XII в. такого обозначения не знает. К тому же, как бы ни трактовать понятие *немцы* у Константина Багрянородного, его славянское происхождение от этого не изменится.

Разумеется, сказанное о возможных древнерусских истоках греческой антилатинской полемики – всего лишь мое предположение. Не исключаю, что кто-нибудь сможет объяснить прослеженные отличия иначе. Однако, моя интерпретация получает неожиданную поддержку в одном из рукописных греческих канонических сборников. В составе греческого Ватиканского кодекса № 828, XIII в., лл. 362–363 мною было обнаружено сочинение, название которого в переводе на русский язык гласит: *Данное написание Ефрема, боголюбивейшего митрополита Росии на посрамление, свершаемое латинами вопреки* [правилам], *действующим в нашей святой, вселенской Божией церкви по евангельским и отеческим Преданиям.*[33]

Написание Ефрема могло бы обратить на себя внимание исследователей и раньше, стоило только внимательно ознакомиться с современным каталогом греческих рукописей Ватиканского собрания. Однако, отождествление *Написания* в каталоге с псевдо-Фотиевым трактатом *О франках*, давно уже изданным Хергенрётером[34], видимо, не располагало к специальному изучению текста, дошедшего под именем киевского митрополита. Между тем, для историка русской церкви само упоминание имени Ефрема как автора весьма ценно, поскольку сохранившиеся сведения о нем скудны. Из митрополичьей печати Ефрема следует, что он

---

30 Древнеславянская кормчая, с. 276.

31 *Макарий* История, с. 342, ср. с. 336 сл.

32 Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis aulae byzantinae / Ed. I. I. Reiske. Vol. 1. Bonnae, 1829, c. 689. 5–6.

33 Ватиканский кодекс № 828 был мне доступен в микрофильме из собрания микрофильмов греческих юридических текстов в Институте истории европейского права Общества Макса Планка, проект Гетингенской Академии наук по истории византийского права (Франкфурт на Майне). Не могу не поблагодарить руководителя проекта, доктора Людвига Бургманна, за очень важную для меня поддержку в работе над этой темой.

34 *R. Devreesse* Codices Vaticani graeci. Tomus 3. Bibliotheca Vatikana, 1950, c. 373: «Opusculum eadem fere praebet, quod sub nomine Photii vulgavit I. Hergenröther».

BSB

носил высокий титул протопроэдра (протосинкеллов – И.Ч.), в 1055 г. вел процесс против новгородского епископа Луки Жидяты и в ноябре неизвестного года освящал Софийский собор в Киеве; время правления Ефрема на киевской кафедре восстанавливается предположительно по отношению к годам правления его предшественника и преемника (1054/1055 – ок. 1065)[35]. Ватиканский кодекс № 828 дает основания связывать имя «митрополита Росии» с антилатинской полемикой на раннем этапе, т.е. в первое десятилетие после схизмы 1054 г. Вместе с тем, аттрибуция киевскому митрополиту сочинения весьма близкого по содержанию перечню латинских заблуждений *О франках* позволяет по-новому ставить вопрос о времени происхождения последнего. Но самое главное содержится, все же, в тексте *Написания*.

Текстуальная близость *Написания* и псевдо-Фотиева трактата не может вызывать сомнений[36]. Она настолько значительна, что позволяет формулировать вопрос об их соотношении предельно ясно: какое из двух сочинений является непосредственным источником для другого? Наряду с этим между текстами Ефрема и псевдо-Фотия существуют формальные и содержательные различия, которые не позволяют говорить об их абсолютном тождестве.

Сочинение Ефрема обозначено по-гречески как ἔγγραφον, т.е. «написание». Это понятие применительно к государственным и церковным актам (в том числе и соборным) хорошо известно и в светской[37], и в церковной дипломатике[38]. Тем самым не исключено, что перед нами какое-то соборное выступление митрополита (возможно, по его прибытии в Киев после константинопольского собора 1054 г., возможно – на том же соборе в Киеве, на котором могло рассматриваться дело Луки Жидяты). Возможная связь сочинения с собором отражается и в заключительном обращении Ефрема к своей аудитории: *божественное и священное* ...

---

35 *Podskalsky* Christentum, S. 285–286; *Щапов* Государство, с. 193–194. На вопрос о том, какой митрополит Ефрем (Киевский или Переяславский) освящал Св. Софию, в последнее время обращал внимание В.А. Кучкин, считающий идентификацию Ефрема Мстиславова Евангелия делом сложным и однозначно нерешаемым. См.: *В.А. Кучкин* «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ ...» // RM 8, № 1, 1995, с. 104. Впрочем, аргументов в пользу Ефрема Переяславского в статье не приводится.

36 Именно это обстоятельство заставило меня при подготовке к изданию текста Ефрема пересмотреть рукописную традицию псевдо-Фотиева трактата. Публикуемое в Fontes minores. Bd. 10 (Löwenklau Gesellschaft e.V., Frankfurt am Main) *Написание* сопровождается новым изданием сочинения *О франках*, учитывающим не только предшествующие публикации Цахариэ и Хергенрётера, но и рукописи, не использованные ими. Кроме того, там же издаются и другие, до сих пор непубликовавшиеся, тексты антилатинской полемики, аналогичные *Написанию* и каталогу вин *О франках*. Издание предваряется подробным описанием Ватиканского кодекса.

37 *F. Dölger, J. Karayannopulos* Byzantinische Urkundenlehre. 1. Abschnitt. Die Kaiserurkunden. München, 1968, c. 97–98. Ср.«написание» в договоре Руси с Византией 911 г.: ПСРЛ, том 1, 2. изд., стб. 37.

38 *J. Darrouzès* Recherchès sur les ὀφφίκια de l'église byzantine. Paris, 1970, c. 449.

собрание (θεῖα καὶ ἱερὰ … ὁμήγυρις). Последнее выражение традиционно для обозначения собрания архиереев.

На обращение Ефрема к аудитории слушателей указывает, как мне кажется, и другое обстоятельство: 13 параграфов *Написания* (из совокупных 28) подряд начинаются одними и теми же словами – *они же*, подразумевающими латинян. Для литературного произведения, ориентированного на читателя, такое нагромождение повторов слишком нарочито. Замечу, кстати, что в этих же параграфах трактата *О франках* фраза *они же* повторяется лишь однажды: § 14–15[39]. Такие массированные повторы представляются мне связанными с желанием автора максимально воздействовать на живую аудиторию (независимо от того, говорит он по-написанному или устно).

Иначе оформлен каталог латинских заблуждений *О франках*, прошедщий, я полагаю, литературную обработку. В отличие от *Написания*, он не открывается, как у Ефрема, непосредственным перечислением обвинений в адрес латинян, но предваряется экскурсом о западных христианах (православных и отошедших от православия) и римском папе. Для Византии, вовлеченной своими внешнеполитическими нуждами в противоречивые контакты с Римом, Германской империей, сицилийскими норманнами, такой экскурс был много актуальнее, нежели для Руси. Этнонимика экскурса литературна. Неизвестный редактор не прибегает к бесхитростным риторическим приемам, вроде многократного повтора одной и той же фразы.

Наибольший интерес, все же, представляют отклонения *Написания* от псевдо-Фотиева сочинения в содержании. Они важны не только тем, что дополняют существующие перечни обвинений, но и тем, что эти дополнения связаны по своему происхождению с Древней Русью и древнерусской традицией антилатинской полемики. Обычный для греческих полемистов пункт, осуждающий употребление опресноков со ссылкой на апостола Петра, получает у Ефрема разъяснение, которое отсутствует во всех известных (как греческих, так и древнерусских) антилатинских инвективах. С точки зрения Ефрема, распространение опресноков у римлян идет *от вандалов, называемых ныне немитции*, и по сей день *король, что захочет, то и приказывает им* [римлянам – И.Ч.], *и архиереи им* [т.е., королем – И.Ч.] *избираются*. Греческое ἐξ Οὐανδήλων … τῶν νῦν Νεμιτζίων καλουμένων у Ефрема напоминает *оуандил, иже и нарицаются немци* в *Послании* Никифора I[40]. Не исключено, что здесь имеет место зависимость Никифора I от Ефрема. Как бы то ни было, Ефрем, также как и его преемники на киевской митрополичьей кафедре Георгий[41] и Никифор I, употребляет привычный для древнерусской среды этникон.

---

39 *Hergenröther* Monumenta, c. 66–67.

40 См. выше прим. 31.

41 См. выше с. 48 и прим. 30.

BSB

Еще важнее, если иметь в виду аудиторию, к которой обращался Ефрем, явное порицание того, что король (светское лицо) поставляет архиереев. Это, естественно, заставляет вспомнить о том, что Ефрем прибыл в страну, где незадолго до этого князь Ярослав Мудрый сначала поставил епископом в Новгороде (в 1036 г.) Луку Жидяту, которого Ефрем, кстати, и судил, а затем (в 1051 г.) – митрополита Илариона. Как бы ни трактовать значение последнего поставления (в плане отношений Киева и Константинополя), непосредственное участие русского князя в этой процедуре остается фактом, на какой не мог не реагировать митрополит-грек. Существенно в этой связи и другое: вопрос о причастности светского лица к поставлению архиерея попадает, благодаря греческому «митрополиту России», в контекст православной полемики с Западом. Стоит задуматься над тем, как соотносятся случаи поставления иерархов на Руси князьями в XI – XII вв. со спором об инвеституре в Западной Европе XI в., что, разумеется, предполагает самостоятельное исследование.

Еще одна тема, затронутая Ефремом, отсутствует в греческой антилатинской полемике. В § 18 *Написания* читаем: *Они же не прилагают крещаемым имена святых, но* [имена – И.Ч.] *зверей – львов, медведей, леопардов, волков, лис и еще более того постыдных.* Выше уже говорилось о том, что для осуждения этой практики в сочинениях Георгия, Никифора I, Феодосия Печерского до сих пор не находилось источника[42]. *Написание* Ефрема могло быть таким источником. Отмечу опять-таки близость формулировок Ефрема и Никифора I (*а крестящимся не наречуть именъ святыхъ, но звѣрина имена: левъ, пардусъ и прочихъ звѣревъ*[43]. Если даже между сочинениями Ефрема, Георгия, Никифора I и Феодосия не существовало генетической связи, то бесспорной все же остается связь этих авторов с древнерусской действительностью, что не в последнюю очередь отразилось в осуждении ими якобы западной практики именования при крещении.

Написание Ефрема представляет в новом свете и хорошо известные по греческой полемике темы. Выше я уже говорил о том, насколько неестественно для византийской антилатинской литературы именно XI в. выглядит порицание латинян за запрет служить в церкви на иных языках, кроме трех священных[44]. Едва ли случайно эта тема отсутствует у Никиты Стифата, Льва Охридского, Михаила Кируларий, Петра Антиохийского, Феофилакта Охридского. Напротив, § 23 *Написания* посвящен именно этому сюжету, что естественно для «митрополита России», равно как естественно и повторение сюжета Никифором I[45].

Наконец, упоминание Ефремом Ляхии/Польши в том же самом контексте, что и у псевдо-Фотия (продолжительность Великого поста) обусловлено реалиями политической жизни Древней Руси и не требует специальных обоснований, в от-

---

42 См. выше с. 48.
43 *Макарий* История, с. 338, 344.
44 См. выше с. 46.
45 *Макарий* История, с. 338, 344.

личие от появления Польши на фоне римско-константинопольского раскола у византийских полемистов.

Итак, находка антилатинского сочинения «митрополита России» Ефрема позволяет уточнить существующие представления о месте Руси в противостоянии Рим – Константинополь после схизмы 1054 г. Я полагаю, теперь нет необходимости видеть в псевдо-Фотиевом трактате *О франках* источник для антилатинской полемики митрополитов Георгия и Никифора I, а также для Феодосия Печерского[46]. Им было, скорее всего, *Написание* Ефрема, которое позже подверглось литературной переработке уже на византийской почве и в ряде рукописей (далеко не во всех) ошибочно приписано патриарху Фотию. Мотивы, вошедшие через посредство псевдо-Фотиева сочинения в греческую антилатинскую полемику (осуждение триязычия, Ляхия), легко объясняются реалиями древнерусской жизни и их отражением в *Написании* Ефрема. Равным образом получают свое объяснение отсутствующие в византийской полемической литературе осуждения латинян Георгием, Феодосием Печерским, Никифором I за нехристианскую практику именования при крещении.

Написание Ефрема дает основания предполагать, что приезд на Русь нового митрополита (в 1054–1055 гг.) сопровождался церковным собором, на котором могло прозвучать обращение Ефрема к архиереям, касающееся церковного раскола 1054 г. по свежим следам событий, имевших место в Константинополе. *Написание* Ефрема и примыкающие к нему антилатинские сочинения митрополитов Георгия, Иоанна II, Никифора I, а также Феодосия Печерского образуют на протяжении второй половины XI – начала XII в. практически неперерывную традицию антилатинской полемики на Руси, которая, в свою очередь, свидетельствует о том значении, какое Константинопольская патриархия придавала сохранению Киевом конфессионального единства с Византией.

---

46 Отражение этой точки зрения в литературе см. *Podskalsky* Christentum, с. 174, 178, 182.

BSB

Татьяна Панова

Христианская символика в городском погребальном обряде Руси (XI–XVI вв.)

Тема данной публикации является одной из самых неразработанных в русской историографии. Это не вызывает особого удивления, поскольку городской погребальный обряд средневековья повсеместно изучен крайне слабо. В полной мере это относится и к истории христианского ритуала похорон в целом. Его развитие на протяжении более полутора тысяч лет, в разных регионах христианского мира, было сложным процессом, в котором влияние древних верований, предшествовавших христианству, особенно на начальном этапе, играло немаловажную роль.

Принятие новой религиозной системы на Руси не было единовременным и повсеместным актом. Точкой отсчета здесь является время обращения в христианскую веру в 988 г. жителей только одного города – Киева, совершенного при князе Владимире. Процесс христианизации, продолжительный и неоднозначный, затянулся на несколько столетий – свидетельством этому служат сегодня не только данные письменных источников, но и материалы археологических исследований.

Один из основных моментов в изменении погребального обряда на рубеже I–II тыс. н. э. на обширной территории западного и восточного славянства был отказ от кремации покойников. Произошло это почти повсеместно задолго до официального крещения языческого славянского населения, что отмечают в своих публикациях многие исследователи, обращая внимание при этом на сохранение древних языческих традиций в ритуале похорон вплоть до XII в.[1] Такое положение, а пережиточных черт язычества много даже в захоронениях представителей верхушки феодального общества, не дает возможности некоторым авторам связать новый обряд (трупоположение) с христианством[2]. Отдельные историки вообще отвергали идею смены обрядности (отказ от кремации покойников) под влиянием новой религиозной системы[3] и считали, что решить

---

1 *О. В. Иванова* Распространение христианства у славян в Византии (VII–X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. Москва, 1988, с. 22.

2 *L. Krumphanzlová* Počátky křest'anství v Čechách ve světle archeologických pramenů // Památky archeologické, 1971, № 2, с. 413, 436–438.

3 *А. В. Арциховский* Культурное единство славян в средние века // СЭ, 1946, № 1, с. 88; *В. В. Седов* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // СА, 1961, 2, с. 104.

вопрос о причинах изменения ритуала пока не представляется возможным. В одной из работ высказывалось предположение о том, что изменение погребального обряда было обусловлено глубоким проникновением в славянскую жизнь иранских мифологических представлений[4].

Современные исследователи считают, что христианская религия не была единственной причиной смены погребального обряда на рубеже I–II тыс. н. э. Несомненно, что на территориях Руси, население которых, в силу географической близости к ранее христианизированным регионам, столкнулось с новой религией задолго до ее официального утверждения на собственной земле, это могло сыграть определенную роль. Напомним, что в Киеве уже в середине X в. существовала христианская община и стоял храм св. Ильи. Здесь христиане вместе с язычниками участвуют в разработке русско-византийского договора 944 года. Поэтому появление христианских деталей в погребальном обряде населения таких центров или целых регионов неудивительно и задолго до введения новой религиозной системы на Руси (трупоположение, захоронение в подкурганной яме).

Подобные тесные контакты с христианским миром приводили к зарождению двоеверия, к проникновению новых черт обряда в старые ритуалы, к их сосуществованию, что у восточных славян наблюдается в отдельных деталях бытия даже в наши дни.

Следует также иметь в виду, что изменение обряда у восточных славян проходило в период возникновения древнерусского государства и разрушения первобытнообщинных отношений. Развитие феодальных отношений приводило к распаду кровнородственных связей и делало малую семью основой хозяйственной деятельности общества. Уходили в прошлое времена, когда все члены первобытной общины участвовали в сложном и требующем значительных материальных, физических и временных затрат погребальном обряде. Ритуал похорон становится заботой небольшого числа родственников, что также могло стать причиной его упрощения. Условия общественного развития славян в конце I тыс. н. э. несомненно сыграли свою роль в изменении и их мировоззрения[5]. Видимо, этим комплексом обстоятельств и объясняется смена обряда погребения (на трупоположение) у западных и восточных славян в конце I – начале II тыс. н. э., происшедшая до официального их крещения, что не помешало, впрочем, сохранению многих черт языческого ритуала похорон.

Изучение прежде всего археологических материалов выявляет крайне сложную картину развития христианского обряда погребения в средневековых русских городах, особенно в домонгольский период. Как же вписываются в нее

---

4 *В. В. Седов* Восточнославянское язычество накануне «крещения Руси» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы. Псков, 1988, с. 50.

5 *А. П. Моця* Население Среднего Приднепровья IX–XIII в. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987, с. 47.

городские курганные могильники древнерусского времени? Хорошо известно, что до принятия христианства и сельское и городское население совершало погребения под курганными насыпями в непосредственной близости от того или иного центра обитания. Археологические данные свидетельствуют, что с появлением в древнерусских городах в конце X – XI в. христианских храмов начинают формироваться кладбища возле них и некрополи внутри них. В тоже самое время значительная часть городского населения продолжала совершать захоронения под курганными насыпями. Городские курганные могильники первых веков христианства на Руси изучены далеко не во всех древнерусских центрах, так как, развиваясь, города, как правило, поглощали своей застройкой территории, занятые в древности курганными могильниками. Наиболее перспективны для изучения в этом отношении центры, сохранившиеся в границах древнерусского времени или прекратившие по тем или иным причинам свое существование достаточно рано, не уничтожив в своем развитии городские курганные кладбища. К таким городам относится, например, Переяслав-Хмельницкий (Украина). Курганный городской могильник XI–XII вв. был расположен за его валами и служил местом погребения, в основном, рядового населения города. Здесь под курганами обнаружены захоронения в глубоких ямах, в деревянных гробах, обитых гвоздями. В некоторых из них встречены дорогие украшения. Большинство могил были безинвентарными, но в отдельных погребениях найдены железные ножи, точильные бруски, костяные гребни, бронзовые кольца, перстни, пуговицы и др.[6]

На юго-восточной окраине г. Суздаля, на Михайловской стороне, исследован большой курганный могильник, где почти во всех курганах зафиксированы трупоположения, нередко со следами частичного сожжения. Для всех курганов характерен выжженый горизонт, что свидетельствует о совершении языческого обряда очищения огнем поверхности земли перед погребением. Могильник возник на рубеже X–XI в. и просуществовал до середины XII в. Он расположен менее чем в 1 км от Суздаля. Находки во многих захоронениях дорогих серебряных ювелирных изделий, привозных шелковых и златотканных одежд, говорит о том, что похороненные здесь люди относились к зажиточной части суздальского населения.[7]

Курганное кладбище Пскова древнерусского времени исследовано в восточной части междуречья Псковы и реки Великой. Его захоронения датируются X – первой половиной XI в. Это, в основном, были трупосожжения, хотя часть из погребений совершены уже по христианскому обряду.[8]

---

6 Переяслав-Хмельницкий и его исторические памятники. Киев, 1954, с. 17–18.

7 *М. А. Сабурова, М. В. Седова* Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. Москва, 1984, с. 91, 106, 109, 127–129.

8 *И. К. Лабутина* Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологическое изучение Пскова. Москва, 1983, с. 153.

BSB

При исследовании Чернигова также зафиксированы городские курганные захоронения в ямах, с остатками деревянных гробов, датированные XI–XII вв. Они одновременны городским могилам на кладбищах при храмах и усыпальницах в них.[9] Интересно отметить, что наличие курганных погребений в Полоцке подтверждают его планы, составленные в позднесредневековое время, в частности, в 1579 г. Часть из них можно наблюдать в окрестностях города и сегодня. Есть такие могильники древнерусского времени под Оршей, Заславлем, Борисовом. Датируются городские курганные погребения Полоцкой земли концом X – началом XII в.[10]

Обширный курганный могильник X–XI вв. (более 160 насыпей) изучен к востоку от Новогрудка. Сходство керамики и железных изделий с вещами из слоя X–XI вв. древнего Новогрудка, наличие серебряных женских украшений, близость могильника к городу, говорят о несомненной связи двух комплексов. Показательно, что городские христианские захоронения Новогрудка датируются временем не ранее первой половины XII столетия.[11]

Курганный могильник XI – первой половины XII в. исследован и на городище Старая Рязань. Его насыпи были уничтожены при сооружении вала в связи с ростом городской территории в XIII в.[12]

Все эти материалы свидетельствуют, что курганный обряд захоронения населения древнерусских городов продолжал бытовать еще долгое время после изменения официальной государственной религии. В основном, продолжают функционировать те курганные комплексы, которые возникли при городских центрах Древней Руси еще до принятия христианства. Но и после замены религиозной системы, уже в XI в., отмечено возникновение городских курганных могильников в окрестностях некоторых центров. Интересно, что в отдельных городах, как например в Новогрудке, комплексы курганных захоронений остаются основным местом погребения городских жителей вплоть до начала XII в., хотя в большинстве древнерусских центров они сосуществуют с кладбищами при городских церквах и некрополями в храмах.

Среди проблем городского погребального обряда русского средневековья, практически не нашедших отражения в научной литературе, самой интересной и самой неизученной является проблема использования христианской символики, как на погребальных сооружениях и намогильных памятниках, так и инвентаре захоронений. Следует отметить, что в письменных источниках мы практически не найдем никаких данных по интерисующей нас теме. Более

---

9 *Б. А. Рыбаков* Древности Чернигова // МИА, 1949, № 11, с. 15.

10 *Г. В. Штыхов* Города Полоцкой земли IX–XIII в. Минск, 1978. с. 132.

11 *Ф. Д. Гуревич* Погребальные памятники жителей Новогрудка // КСИА, 175, 1983, с. 51.

12 *В. П. Даркевич* Отчет о работе Рязанской археологической экспедиции за 1969 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 4001, с. 12; *А. Л. Монгайт* Отчет о работе Рязанской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 4109, с. 13.

BSB

информативны в этом отношении археологические материалы. Их изучение дает основание утверждать, что на Руси гробы (из разного материала) и надгробные памятники не украшали изображениями символов христианства. На это могут возразить, припомнив шиферные гробницы XI в. древнего Киева, украшенные рельефными равноконечными крестами на боковых стенках и на крышке (Рис. 1). Они известны по раскопкам Десятинной церкви[13] и Софийского собора в Киеве[14] и сделаны по образцу мраморного саркофага Ярослава Мудрого, стоящего и поныне в одном из приделов Софии Киевской (Рис. 2). Его происхождение из константинопольских мастерских первой трети XI века убедительно доказано А. Грабаром[15]. Но продолжения не последовало и в археологическом материале других центров подобных находок нет. На сегодня зафиксирован еще лишь один случай нанесения изображения креста на каменный саркофаг. Но и техника исполнения, и форма креста уже совсем иные. Речь идет о найденном в Белгородке под Киевом каменном саркофаге-монолите, датируемом XII в., в головной части которого на внутренней стенке вырезан восьмиконечный крест[16]. Форма креста древняя, с прямо положенными и широко расставленными двумя верхними перекладинами и нижней косой перекладиной, идущей справа налево (Рис. 3). Датировка этой находки XII столетием подтверждается не только стратиграфически, но и уникальной орнаментацией крышки известнякового саркофага, имевшей очень редкую для средневековых русских погребальных сооружений форму – сводчатую. Вся крышка украшена изображением килевидной черепицы (иногда этот рисунок называют чешуйчатым или лиственным) и имеет гребешок и насечки поверху. Саркофаги с аналогично орнаментированными крышками сводчатой формы (и христианской символикой на самом гробе) хорошо известны в I тыс. н. э. на юге континентальной Европы и в Италии. Эти находки были сделаны в Греции (II в.)[17], на территории Италии, в частности в Ломбардии (IV–VII в.)[18], во Франции (V–VII в.).[19] Единичность находки в археологическом материале средневеко-

---

13 *М. К. Каргер* Княжеское захоронение XI в. // КСИИМК. Вып. 4. Москва, Ленинград, 1940, с. 16.

14 *П. Г. Лебединцев* О святой Софии Киевской // Труды III Археологического Съезда в Киеве в 1874 г. Т. 1. Киев, 1878, с. 92.

15 *A. Grabar* Sculptures byzantines du Moyen Age. Vol. 2. Paris, 1976. с. 88.

16 *В. А. Рыбаков* Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 3832, с. 7–8.

17 *И. И. Саверкина* К характеристике стиля аттических саркофагов римского времени // Труды ГЭ. Вып. 8. Ленинград, 1972, с. 136. рис. 1.

18 *G. T. Rivoira* Lombardic architecture. Vol. 2. London, 1910, с. 101, рис. 148; *А. С. Уваров* Месяц в Равенне // Сборник мелких трудов. Т. 1. Москва, 1910, таб. V, 10; XXX, 51; X, 99.

19 *P. Lacrois* Les arts au Moyen Age et à l'époque de la Renaissance. Paris, 1877, с. 320, рис. 229; *D. Fossard* A propos des linteaux de Moissac et de Saint Sernin de Thezels // Sinthronon. Vol. 2. Paris. 1968, с. 223, рис. 24.

вой Руси и ее временная отдаленность от известных на сегодня аналогов не дают возможности говорить о прямом влиянии европейских образцов при создании этого интересного саркофага домонгольского времени в Киевской земле. Нам остается только ограничиться констатацией факта редкого для первых веков христианизации Руси изображения восьмиконечного креста на погребальном сооружении с уникальным внешним оформлением.

Только однажды был найден дубовый гроб, украшенный орнаментальной резьбой, в которой есть изображение четырехконечного креста. Это детское захоронение выявлено на большом городском могильнике X–XII вв. на Киевском Подоле.[20] Других примеров изображения креста – символа христианской религии на погребальных сооружениях XI–XVI вв. средневековой Руси до сих пор не зафиксировано.

На надгробных плитах городских кладбищ этого периода и намогильных памятниках в интерьерах храмов-усыпальниц древнерусских центров также нет изображений крестов в их классическом варианте – четырех-, шести- или восьмиконечных. Но среди намогильных плит средневековой Руси выделяется небольшая группа памятников, украшенная изображением креста в одной из его редких вариаций. Речь идет о трехконечном кресте или тау-кресте, часто именуемом в литературе крестом-посохом.

Плиты прямоугольной формы с таким символом на лицевой стороне были найдены, в основном, в Твери и Тверской земле в XIX в. Практически все сведения об этих находках сегодня мы можем почерпнуть только из литературы, так как сами памятники до нас не дошли. Несколько аналогичных плит в последние годы найдено в районе Белоозера, в Ферапонтове монастыре. Все надгробия этого вида относятся к XV–XVI вв. – чаще всего они несут на себе эпитафии, что упрощает датировку изделий. Всего на сегодня известно не более 15 таких плит. Анализ изображений тау-крестов на надгробиях позволяет выделить три их варианта (Рис. 4). Самый простой – это крест с прямым основанием, иногда доведенным до нижнего края плиты, иногда завершающемся не доходя до края. Второй вариант отличается от первого наличием яблока. И в третьем у креста имеется подставка в нижней части основания – иногда это простой полукруг, иногда треножник.

По поводу происхождения и символики трехконечных крестов на каменных плитах средневековой Руси высказывались разные мнения. Наиболее обоснованными представляются предположения о появлении в Твери намогильных плит с тау-крестами (и другими символами) под влиянием народного слоя культуры Балкан, а именно земель Боснии и Герцеговины, связанной с богомильством. Изображения трехконечных крестов, а также стилизованной виноградной лозы, птиц, полумесяцев на тверских надгробиях XIV–XVI вв. имеют аналогии в рисунках на намогильных памятниках названного выше региона.

---

20 *М. А. Сагайдак* Раскопки Киевского Подола // АО 1984. Москва, 1986, с. 303.

Для эпохи «второго южно-славянского влияния» вообще характерно проникновение южнославянских традиций в русское искусство (прикладное, иконопись и т.д.). Тверь, сепаратистские тенденции которой в это время были весьма сильны (как светской, так и церковной власти) стала, видимо, благодатной почвой для богомильской ереси, нашедшей отражение и в типичной для этого религиозного течения символике надгробных памятников. Предположения, основанные пока на небольшом числе находок, несомненно будут уточнены с ростом источниковедческой базы.

Эта незначительная по количеству изделий группа намогильных плит с таукрестами никак не влияет на выводы относительно характера надгробий из русских средневековых центров – такие памятники лишены изображений символов христианской религии.

Некоторые данные говорят о том, что крест в качестве памятного знака над местом захоронения человека, пусть и неповсеместно, использовался уже достаточно рано. Хорошо известны так называемые закладные кресты из камня, закрепленные снаружи в стенах храмов XIV–XV вв. (редко XVI–XVII вв.) такого крупного города как Новгород. Многие из них несомненно были первоначально могильными, о чем свидетельствует наличие ножки с шипом для закрепления креста в плите или валуне. Кстати, до наших дней в Новгороде сохранились и два валуна с прямоугольными углублениями, соответствующими шипам на ножках крестов – один возле церкви Параскевы Пятницы на Ярославом дворище и другой – у церкви Успения в Аркажах[21]. Это говорит о том, что в кладку церковных стен кресты могли попасть с близлежащих кладбищ.

Редкой формой памятного знака является сохранившийся до настоящего времени белокаменный резной крест, установленный на высоком постаменте под металлическим шатром снаружи у северо-западного угла Успенского собора Московского Кремля (Рис. 5). Письменные источники отмечали и наличие изображения святого Ионы под крестом (ныне не существует), что позволяет связывать памятный знак с захоронением главы русской церкви митрополита Ионы (умер в 1461 г.), расположенным в северо-западном углу в интерьере храма. Еще в начале XX в. подобный памятник находился и у юго-западного угла Успенского собора, отмечая место погребения в нем митрополитов Киприана (1406 г.) и Фотия (1431 г.), изображения которых упоминаются в старых описях собора.[22] Видимо, появление знаков такого рода нужно относить к периоду не ранее XIV–XV вв. Это один из первых случаев применения каменного креста в виде памятного знака на месте погребения в городских

---

21 *Г. И. Матюшкина* Каменные кресты в архитектуре Новгорода. Диплом. МГУ, Истор. фак., каф. археологии. Москва, 1963, с. 4.

22 Главная описная книга Большого Успенского собора // Архив ГИКМЗМК, ф. 4, № 98, с. 3.

некрополях, положивший начало широко распространившейся позже традиции установки крестов на могилах.

Рассмотрев вопрос об использовании изображений основного символа христианской веры при оформлении погребальных сооружений, намогильных плит надгробных памятников русского средневековья, обратимся к данным об инвентаре городских захоронений интерисующего нас периода. Анализ этих материалов позволяет выяснить, насколько оправдана та уверенность, с которой многие исследователи утверждают, что христианина всегда хоронили с нательным крестом.

Вывод, полученный в результате изучения обширного археологического материала и других источников, оказывается очень неожиданным – случаи захоронения горожан с нательным крестом в XI–XVI вв. крайне редки.

Отдельные находки крестиков в могилах городских грунтовых кладбищ некоторых древнерусских центров были сделаны еще в конце XIX – начале XX в. Но эти данные, как правило, не имеют четких датировок, что не позволяет с уверенностью включать их в один ряд с материалами современных квалифицированных исследований. Обратимся к находкам из захоронений, определяемых как погребения светских лиц.

Киев был первым городом, подвергшимся христианизации, и его археологические материалы, весьма многочисленные, представляют большой интерес. Прежде всего отметим деревянный крест, обнаруженный в XIX в. в одном из четырех аркосольных погребений XII столетия Кирилловской церкви[23]. В конце этого же века в раскопках Хойновского, проведенных в Киеве, среди почти трех десятков захоронений домонгольского времени только однажды был зафиксирован обломок креста из зеленого мрамора[24]. При исследовании в начале XX в. одной из братских могил жертв монголо-татарского нашествия (XIII в.) в этом городе, между останками, был найден только один большой запрестольный крест из железа, отделанный серебром. По определению Кондакова он датирован X в.[25] В 1985 г. в Киеве были раскопаны девять захоронений большого кладбища XII–XIII вв., но только в одном на кисти руки обнаружили крестик из розового шифера[26]. Среди более чем пятидесяти погребений X–XII вв., исследованных на Подоле Киева, ни одно не содержало нательных крестов[27].

И в других городских центрах Киевской земли находки крестов в могилах крайне редки. Так при изучении 36 захоронений XI–XIII в. в Юрьеве (район

---

23 Археологическая хроника // ИАК. Прибавление к вып. 33. СПб., 1909, с. 177.

24 *И. А. Хойновский* Раскопки великокняжеского двора древнего Киева, произведенные весною 1892 г. Киев, 1893, с. 36.

25 Археологическая хроника // ИАК. Прибавление к вып. 26. СПб., 1908, с. 29.

26 *Я. Е. Боровский* О работе Киевской экспедиции // АО 1985. Москва, 1987, с. 309.

27 *М. А. Сагайдак* Раскопки Киевского Подола // АО 1984. Москва, 1986, с. 303.

Белой Церкви) лишь в одном был зафиксирован железный нательный крестик[28]. В общей сложности на городище Замчище (Ивано-Франковская область) в храме-ротонце и возле него исследовали 75 погребений второй половины XII – первой половины XIII в. В храме лишь в одном захоронении был инвентарь и в его состав входил золотой крестик (найден на груди). Возле храма в погребении № 1 у черепа обнаружили каменный и бронзовый кресты.[29]

Если мы обратимся к археологическим материалам других древнерусских земель, то и здесь захоронения с крестами очень редки. Так в конце XIX столетия при реставрационных работах в Успенском соборе г. Владимира были обнаружены и вскрыты древние погребения в аркосолиях. Из всех погребений князей и епископов XII–XIII вв. лишь в могиле князя Изяслава (умер в 1165 г.) зафиксировали «распавшийся деревянный крест».[30] В Серенске, где обнаружены погребения людей, погибших в 1238 г., из нескольких десятков могил только одна содержала костяк с каменным нательным крестиком[31]. В двух кладбищах Ярополча-Залесского из 116 погребений XI – начала XIII в. лишь в одном был найден крестик из шифера[32]. Среди четырех дестятков захоронений начала XIII в. на одном из городищ Рязанской земли только при одном костяке обнаружили обломок каменного креста-тельника[33]. В Новгороде и его округе также очень мало светских погребений, содержавших кресты-тельники. Два случая отмечены в некрополе Георгиевского собора Юрьева монастыря. Янтарный крестик здесь был найден в парном захоронении сыновей князя Ярослава (умерли в 1198 г.), а обломок креста из яшмы обнаружили в могиле новгородского посадника Дмитра Мирошкинича, умершего в 1209 г.[34]

Крайне редки находки крестов в погребениях второй половины XIII – XV вв. Правда, следует иметь в виду, что кладбищ и некрополей в храмах этого периода мы знаем меньше, чем для домонгольского времени. Одно захоронение (детское) XIII–XIV вв., в г. Гродно, содержало восьмиконечный крест-тельник из серого мрамора (лежал на груди), но это единственное погребение с крестом на десяток могил, найденных в развалинах Нижней церкви[35]. При исследовании княжеских захоронений у южной стены в Спасо-Преображен-

---

28 *Л. И. Иванченко, Р. С. Орлов* О локализации летописного Юрьева // Археология, 53, 1986, с. 9.

29 *Б. П. Томенчук* Звит про охоронни розкопки на городище Замчище в с. Олешків Снятинського району в 1982 р. // Архив ИА АН УССР, 1982/123, с. 17, 19.

30 *А. Виноградов* История кафедрального Успенского собора в г. Владимире. Владимир, 1891, с. 98.

31 *Т. Н. Никольская* Новые данные к истории Серенска // КСИА, 187, 1985, с. 50.

32 *М. Б. Седова* Ярополч-Залесский. Москва, 1978. с. 69.

33 *В. А. Мальм, М. В. Фехнер* Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. Москва, 1974, с. 209.

34 *М. К. Каргер* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгорде // СА, 8, 1946, с. 202, 207.

35 *Н. Н. Воронин* Древнее Гродно // МИА, № 41, 1954, с. 181.

ском соборе Переславля-Залесского рядом с ними зафиксировали крест, грубо вырезанный из толстого листа меди. Эти могилы принадлежали князям Дмитрию (сыну Александра Невского, умершему в 1294 г.) и Ивану Дмитриевичу (1302 г.) Переславльским. Как показали исследования, могилы потревожили во время реставрационных работ в храме в конце XIX столетия и из одной из них мог происходить описанный выше крест.[36]

Анализ археологических данных говорит о том, что в последующий период – в XVI столетии и позднее – захоронений с крестиками в погребальном инвентаре становится больше. Здесь мы вынуждены значительно расширить хронологические рамки статьи, поскольку для освещения интерисующего нас вопроса будут привлечены материалы кладбищ, функционировавших в XVI – начале XX в. Изучение материалов погребальных комплексов этого периода показало, что только пятая часть, иногда четверть или треть покойников захоронены с символом христианской религии – остальные без крестов. Так из 108 погребений XVI–XVII вв. кладбища при церкви Скорбящей Божьей матери в Суздале только из 23 могилах были найдены медные кресты[37]. В Пскове из 111 захоронений скудельницы рубежа XVI–XVII в. при церкви Иоанна Милостивого только в 28 случаях в гробах зафиксированы медные кресты[38]. Ни в одном из почти 70 погребений некрополя Вознесенского собора Московского Кремля, содержавшем останки русских великих княгинь и цариц XV–XVIII вв., нательные кресты найдены не были (наблюдения автора).

Предположение некоторых исследователей о том, что нательные кресты были деревянными и не сохранились, вряд ли правомочны – остатки таких крестов (хотя бы в виде трухи) несомненно были бы зафиксированы при раскопках. Примеры хорошей сохранности деревянных изделий в погребениях есть и в данной публикации.

Рассмотрим материалы, полученные при изучении захоронений духовенства. Обращает на себя внимание особый характер использования христианской символики этой категорей городского населения средневековой Руси – кресты входили в состав священнического облачения и носились на одежде. Прежде всего отметим находки из Киева. В конце XIX в. в одном из захоронений с остатками парчового с золотыми протканными звездочками одеяния был обнаружен на груди костяка крест-энколпион[39]. Комплекс могил датировался домонгольским временем, а судя по богатой одежде, погребение принадлежало церковному иерарху высокого ранга. Однако при изучении других захоронений

---

36 *Н. Н. Воронин* Раскопки в Переславле-Залесском // МИА, 11, 1949, с. 199–200.

37 *М. В. Седова* Отчет о раскопках Суздальской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 6327, с. 6–11.

38 *В. В. Седов* Отчет о раскопках в Пскове в 1986 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 11299, с. 16–31.

39 Археологическая хроника // ИАК. Прибавление к вып. 33. СПб., 1909, с. 32.

BSB

аналогичной принадлежности кресты не зафиксированы. Это подтверждают раскопки в алтарной части Апостольского придела Софийского собора в Киеве, где погребали митрополитов XII–XIII вв. (последний из них похоронен здесь в 1280 г.). Кроме остатков культовой одежды XII в., в частности, епитрахили и других, украшенных вышивкой золотом, никаких вещей в них не было.[40] Интересна находка захоронения XII в., отнесенного к епископским, в Белгородке под Киевом. Однако здесь на костяке кроме остатков одежды с золочеными украшениями, не было других вещей[41]. В Успенском соборе г. Владимира при вскрытии епископских погребений XII–XIII вв. кроме остатков одежды и ритуальных сосудов (в саркофаге епископа Симона, умершего в 1226 г., обнаружили двусторонний деревянный гребень) в них ничего не было[42].

Не вносят ясность в этот вопрос и материалы раскопок в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде, где были погребены епископы и архиепископы XII–XV столетий – почти все эти захоронения претерпели такие изменения, что первоначальный их характер представить трудно. Одно из немногих сохранившихся in situ архиепископских захоронений первой половины XV в. кроме облачений (фелонь-полиставрий, белый клобук, омофор, палица и т. д.) предметов культа не содержало.[43]

В последние годы были иследованы два больших некрополя, материалы которых позволяют проследить развитие погребального обряда высших церковных иерархов вплоть до начала XX в. Один из комплексов раскопан в Архангельском соборе Рязани и содержит 18 могил епископов, архиепископов и митрополитов Рязани XVI – начала XX в. Однако только в четырех могилах были зафиксированы костяки в сопровождении крестов – в одной XVIII столетия, в двух XIX в. и в погребении 1900 г. В последнем обнаружены сразу четыре креста – один осеняльный (в руках) и три наперсных.[44]

Второй комплекс захоронений церковных иерархов исследован в Софийском соборе Вологды, где были похоронены восемь епископов и архиепископов XVI–XVIII вв. В двух могилах XVIII в. зафиксированы медные наперсные кресты, а в третьей янтарный крестик входил в состав четок.[45] Интересно прослеживается по археологическим данным характер поздних священничес-

---

40 *М. О. Новицкая* Древнерусские вышивки золотом с фигурными изображениями // Археология, 24, 1970, с. 99.

41 *Б. А. Рыбаков* Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище в 1968 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 3832, с. 7.

42 *А. Виноградов* История кафедрального Успенского собора в г. Владимире. Владимир, 1891, с. 97, 99.

43 *В. Л. Янин* Некрополь Новгородского Софийского собора. Москва, 1988, с. 61–62.

44 *Е. Л. Хвостина* Отчет об археологических исследованиях на территории Архангельского собора Рязанского Кремля // Архив ИА РАН, Р–1, 7654, с. 8–9, 30, 34.

45 *Н. В. Гуслистов* Отчет о работе Вологодской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 8623, с. 25-27.

ких погребений, где фиксировались, как правило, несколько крестов при погребенном. Так в Вязьме изучено погребение епископа рубежа XIX–XX в., где кроме нательного креста найден и наперсный, а слева на груди – остатки евангелия[46].

В могилах, относимых исследователями к захоронениям монахов, характер погребального инвентаря отличается от описанных выше групп погребений – светских лиц и духовенства разных рангов, и прежде всего составом атрибутов и материалом, из которого они сделаны. Среди находок в могилах монашествующей братии в первую очередь выделяются кресты, искусно плетеные из тонких полосок кожи. От их верхнего и нижнего концов отходят также плетеные из кожаных полосок шнуры для ношения креста на шее или соединяющие два и даже иногда по четыре креста между собой. К сожалению, многие находки, сделанные в конце XIX – начале XX в., плохо датированы. Так в археологическом собрании музея Киево-Печерской лавры хранится не один десяток кожаных крестов и других деталей облачения монахов, найденных в подземных захоронениях этого комплекса, но, как правило, они имеют очень широкую дату – от XI до XV в. (Рис. 6.).

В книге А. Д. Эртеля, посвященной другому киевскому пещерному монастырю на Зверинце, также упоминаются находки монашеских крестов и приводятся их изображения[47], но датировки вещей полностью отсутствуют. Однако существуют и хорошо датированные монашеские захоронения, исследованные в некоторых древнерусских городах. Так в Минске при изучении кладбища XII в. были обнаружены два погребения с кожаными плетеными крестами на груди костяков[48]. Аналогичный крест был найден в захоронении при раскопках одного из домонгольских храмов Старой Рязани[49]. Несколько кожаных крестов открыты в погребениях такого интересного некрополя как Георгиевский собор Юрьева монастыря под Новгородом. Здесь из девяти могил в трех были зафиксированы монашеские атрибуты. Две могилы, судя по материалам, принадлежали монахам XII в., причем в погребении одного плетеный из кожи крест был один, на груди, а у другого найдены два креста, соединенных между собою – один на груди, второй под позвонками, на спине. Кресты отличаются сложным рисунком.[50] Аналогичный крест обнаружен в саркофаге, содержавшем останки жены князя Ярослава Феодосии (умерла в 1244 г.), принявшей постриг под именем Евфросинии[51]. К сожалению, все эти материалы были утрачены во

---

46 *Т. В. Сергина* Отчет о раскопках в г. Вязьма в 1988 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 12707, с.11.

47 *А. Д. Эртель* Древние пещеры на Зверинце в Киеве. Киев, 1913, ил. 9.

48 *В. Р. Тарасенко* Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957, с. 232.

49 *А. Селиванов* Отчет о раскопках в Старой Рязани // ТРУАК. Т. 3. Рязань, 1888, с. 160.

50 *Каргер* Раскопки и реставрационные работы, с. 208–210, рис. 41.

51 *Каргер* Раскопки и реставрационные работы, с. 206.

BSB

время Отечественной войны. При исследовании захоронений Аркажского монастыря под Новгородом фрагменты плетеных крестов зафиксировали в могилах XIII и XIV–XV вв.[52] К XII–XIII вв. относится захоронение с кожаным плетеным крестом, обнаруженным на Соборной горе в Смоленске[53].

Следует отметить наличие в монашеских захоронениях и других атрибутов из кожи. Так довольно часто плетеные кресты встречаются в наборе с узким кожаным поясом, украшенным тиснеными изображениями двунадесятых праздников, иногда крестиков (Рис. 7). Зафиксированы и погребения интересующего нас периода только с кожаным поясом или только с набором из пояса и параманда, несущих на себе тисненые изображения двунадесятых праздников, без плетеных крестов.

Сегодня трудно сказать, с чем связаны изменения в облачении монахов, происшедшие скорее всего во второй половине XVI в. – материалов для этого пока явно недостаточно. Но кожаные плетеные кресты и тисненые пояса в более поздних погребениях монашествующих не встречаются. Так в исследованном в Вязьме возле Троицкого собора захоронении монаха рубежа XVIII–XIX в. обнаружен деревянный нагрудный крест, деревянная иконка в области груди и простой широкий кожаный ремень.

Следует кратко отметить, что в настоящее время случаев обнаружения иконок в городских погребениях средневековой Руси известно немного. Находки эти были сделаны еще в XIX столетии и лишь упомянуты при публикации. Так в Киеве яшмовая иконка с барельефным изображением Христа зафиксирована в одном из довольно большой группы захоронений, которые можно отнести к домонгольскому времени[54]. К XII–XIV вв. относится погребение с литым металлическим образком (с изображением Михаила архангела), обнаруженное при раскопках храма в Старой Рязани еще в 1836 г.[55] Характер публикаций не позволяет точно определить принадлежность захоронений и их точную дату.

Таковы данные об использовании символа христианской религии в погребениях городского населения средневековой Руси. Упомянем, что в курганных комплексах сельского населения вплоть до XIV в., сохранившего, в основном, языческий ритуал похорон, находки предметов культа (нательных крестиков, иконок и пр.) весьма редки. Это позволяет утверждать, что устойчивой тради-

---

52 *С. Н. Орлов* Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом летом 1962 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 2440, с. 40, 49.

53 *Д. А. Авдусин, Н. И. Асташова, Т. А. Пушкина* Отчет о раскопках в Смоленске и Гнездове Смоленской археологической экдспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН, Р–1, 5318, с. 28.

54 *Т. А. Хойновский* Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г. Киев, 1893, с. 34.

55 *А Черепнин* Кулаковский могильник и городище Старая Рязань // ТРУАК. Т. 18. № 1. Рязань, 1903, с. 132.

ции погребения с нательным крестом в первые столетия после принятия христианства на Руси не было.

Но как же вообще трактуется эта деталь обряда христианского погребения? В современной исторической литературе сложно найти обобщающие работы о ритуале похорон населения других регионов христианского мира. Большой объем материала и сложность проблем истории развития обряда пока остаются малопривлекательными для исследователей. Это положение крайне затрудняет проведение сравнительного анализа развития интересующей нас в данной публикации детали обряда захоронения, во времени и пространстве. Однако изучение, например, материалов раскопок такого региона как Балканы, христианизация которого относится в основном к IX в., позволило выявить картину, во многом аналогичную ситуации на территории средневековой Руси. И в Болгарии захоронения с нательными крестиками встречаются очень редко (христианство здесь было принято в середине IX в.). Так в одном из некрополей IX–X вв. в Шуменском крае (114 могил) лишь однажды был найден крест[56]. Крест-энколпион обнаружен только в одном захоронении X в. кладбища у северных ворот г. Преслава[57]. Среди группы из 21 погребения, изученного в районе г. Хасково, в одном на костях рук был зафиксирован медный равноконечный крест[58]. Глиняные и каменные крестики найдены в нескольких захоронениях XII в. (из 45) некрополя церкви Иоанна Продрома в г. Кырджали[59]. Аналогичная картина прослеживается и на территории современной Югославии, где кресты в погребениях также большая редкость. Как правило, они отмечены по одному на кладбищах из 2–3 десятков могил. Чаще всего это кресты-энколпионы XI–XIII вв.[60]

В археологическом материале Балкан практически нет находок кожаных атрибутов монашества в средневековых погребениях IX–XIV в. Только в одном захоронении X в., найденном в храме г. Плиска (древняя столица Болгарии), были обнаружены остатки узкого кожаного пояса с оттиснутыми круглыми

---

56 *Т. Тотев* Старобългарски некропол в чашата на язовир «Виница» // Известия на народния музей-Шумен, 1967, кн. 4, с. 37.

57 *Т. Тотев* Проучвания в гробницата на Преслав през 1963 и 1964 г. // Известия на народния музей-Шумен, 1970, кн. 4. с. 43.

58 *Д. Аладжов* Спасителни разкопки на средневековен некропол край Хасково // МПК. София, 1984, № 2, с. 12.

59 *Н. Овчаров* Църквата «святой Иоан Продром» в Кърджали // МПК. София, 1986, № 4, с. 21.

60 *С. Ерцеговић-Павловић* Равна: Средњовековно насеље и некропола // Старинар: Нова серија. Књ. 33/34–1982/83. Београд, 1984, с. 254; *Г. Марјановић-Вујовић* Чезава: Средњовековна некропола // Старинар: Нова серија. Књ. 33/34–1982/83. Београд, 1984, с. 124.

медальонами с изображениями каких-то святых с нимбами. Исследователи отнесли это погребение к числу захоронений духовных лиц высокого ранга.[61]

Таким образом, анализ археологических материалов и письменных источников позволяет сделать однозначный вывод о том, что символ христианской религии – крест – практически не использовался в погребальной культуре средневековой Руси (XI–XVI вв.).

В первую очередь необходимо отметить отсутствие изображений креста на погребальных сооружениях – гробах из камня, дерева, кирпичных гробницах, в аркосольных нишах и т. д. Известные на сегодня единичные находки (4–5) шиферных и белокаменных саркофагов с резьбой, элементом которой был крест, сосредоточены в одном лишь центре – Киеве (и его окрестностях). Их появление в узкий временной отрезок, в основном, в XI в., объясняется наличем византийских образцов (в этот период известны и другие примеры украшения резьбой интерьеров киевских храмов). Но в дальнейшем и в Киеве наносить изображение креста на погребальные сооружения перестали.

Нет их и на намогильных памятниках-плитах, нашедших с XIV в. широкое распространение на грунтовых кладбищах Москвы, а с XV в. и некоторых других русских городских центров. Исключение составляет только небольшая группа плит, украшенных изображением редкой разновидности его – трехконечного или тау-креста. Время использования этой символики в погребальной практике (XV–XVI вв.) и ареал таких памятников (Тверская земля, Белоозеро) очень ограничены.

Анализ инвентаря светских захоронений представителей разных слоев русского средневекового общества говорит о том, что традиции обязательного погребения христианина с нательным крестиком на Руси в исследуемый период не было. И утверждать это можно вполне определенно, так как в противном случае нужно признать, что процесс христианизации Древней Руси не имел никакого успеха, а это уже не соответствовало бы исторической действительности. Исследования показали, что в светских городских захоронениях XI–XV вв. нательные крестики встречаются крайне редко, далеко не на каждом кладбище. Лишь на некоторых из них отмечены единичные могилы с крестиками на десятки, а иногда и сотни захоронений.

Картина несколько меняется в погребальных комплексах второй половины XVI – начала XVII в., где число могил с нательными крестами в инвентаре достигает иногда трети от общего количества захоронений. Интересно, что это соотношение сохраняется и в более позднее время, хотя данных для подобного утверждения пока явно недостаточно из-за слабой изученности кладбищ XVIII–XIX вв.

---

61 *С. Михайлов* Разкопки в Плиска през 1959–1961 г. // Известия на археологическия институт. Т. 26. София, 1963, с. 28.

Анализ материалов из погребений духовенства и монахов показал, что история ритуала похорон этой части городского населения средневековой Руси крайне сложна и требует специального изучения. Это касается и интересующей нас детали обряда захоронения. Данные исследованных на сегодня могил священнослужителей свидетельствуют, что кресты использовались при их погребении примерно по той же смехе, которая выявлена по материалам захоронений светских лиц. Крестов почти нет в могилах духовенства XI–XV вв., в более позднее время они зафиксированы только в части захоронений. Наиболее устойчива, как показывают исследования, традиция погребения с крестом монашествующей братии. Однако и в обряде похорон этой категории людей выявлены различия, объяснение которым следует искать в сложной структуре организации монашества, претерпевшей со временем сильные изменения.

Изучение данных о погребальном обряде населения некоторых других регионов славянского мира, в частности, Балкан, также свидетельствует о том, что традиции захоронения христиан с нательным крестом в период IX–XIV вв. здесь не было.

Мы не знаем, как изначально трактовалась эта деталь погребального ритуала – использование нательного креста в инвентаре – от момента зарождения христианства и в процессе становления и развития этого религиозного течения. Обощающих исследований о погребальной практике, ее сложении и изменении на протяжении всей истории христианства сегодня нет. Судя по материалам Балканского полуострова, население которого было христианизировано раньше, чем на Руси, усточивой традиции погребения с нательным крестом в христианской религии не было изначально. Особенности развития отдельных деталей ритуала захоронения, в том числе и рассмотренной в настоящей статье, представляют значительный интерес и позволят со временем восстановить историю обряда погребения городского населения средневекововой Руси в целом.

Резюме

В русской историографии нет исследований об использовании христианской символики в городском погребальном обряде Руси (XI–XVI вв.). Принятие новой религиозной системы на Руси не было единовременным и повсеместным актом. Затянувшийся на несколько веков процесс христианизации проявился и в сохранении городскими жителями курганного обряда захоронения, и в использовании многих деталей языческого ритуала похорон в могилах на церковных кладбищах и в усыпальницах. Археологические материалы со всей очевидностью доказывают, что христианская символика не использовалась при оформлении погребальных сооружений (единичные случаи изображения крестов зафиксированы для XI–XII вв. только в Киеве) и каменных намогильных плит (известны лишь полтора десятка надгробий с редкой разновидностью

BSB

креста – трехконечного – на них в Тверской земле в XV–XVI вв.). Анализ инвентаря захоронений XI–XVI вв. позволяет сделать во многом неожиданный вывод о том, что случаи погребения с нательным крестом в этот период встречаются крайне редко. Только в конце XVI – XVII в. уже до трети могил содержат останки в сопровождении нательного креста. Это относится не только к захоронениям светских лиц, но и к погребениям духовенства и монахов. В ходе исследования выявился особый характер монашеской атрибутики XI–XVI столетий, среди которой выделяются кресты, плетеные из тонких полосок кожи, и другие кожаные детали облачения.

Анализ разного рода источников позволяет сделать однозначный вывод о том, что символ христианской религии – крест – практически не использовался в погребальной практике средневековой Руси в XI–XVI вв.

BSB

Рис. 1: Саркофаг Ярослава Мудрого (умер в 1054 г.). Киев, Софийский собор. Мрамор, резьба.

Рис. 2: Каменный саркофаг из Десятинной церкви. Киев XI в. Шифер, резьба.

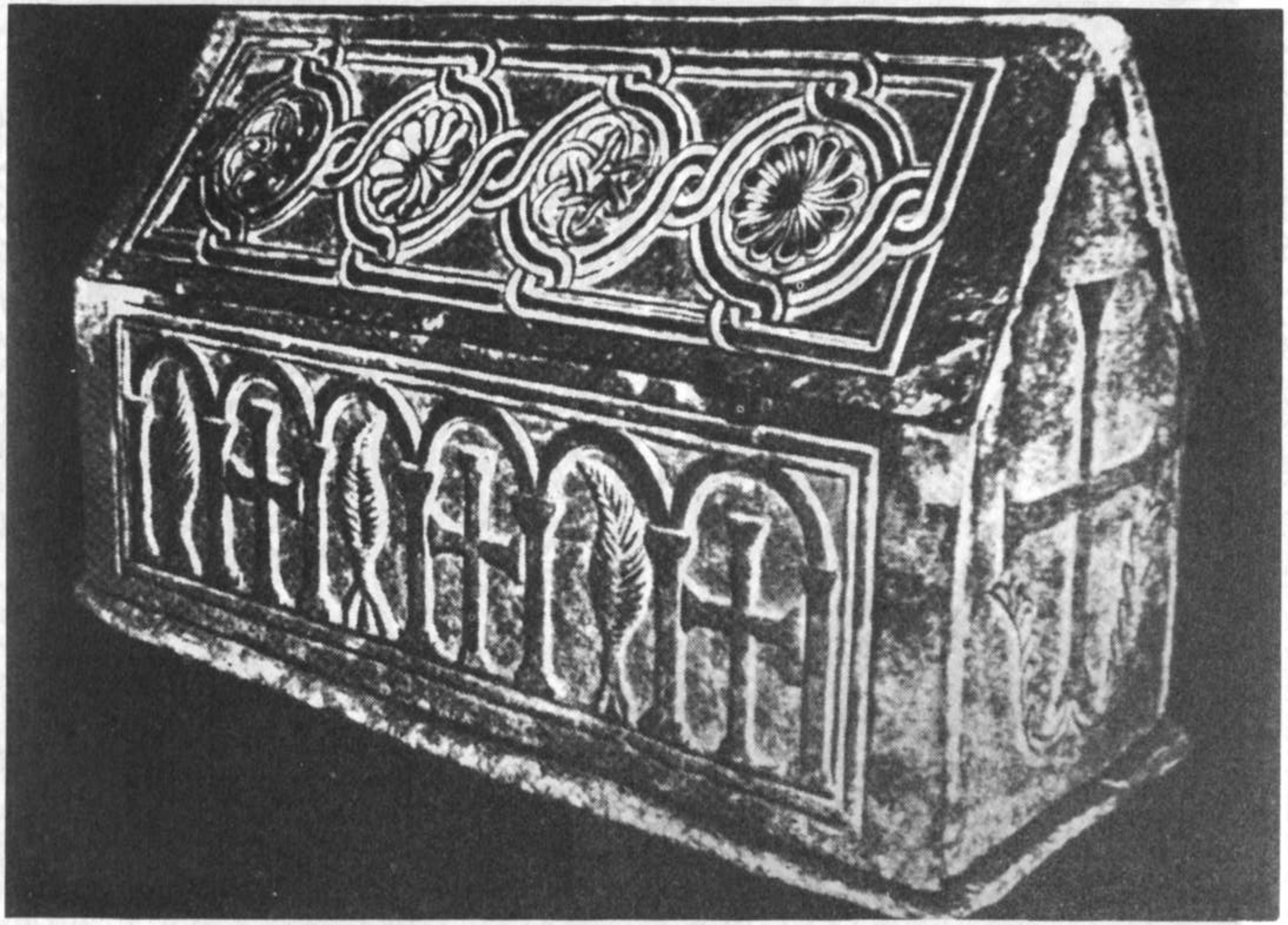
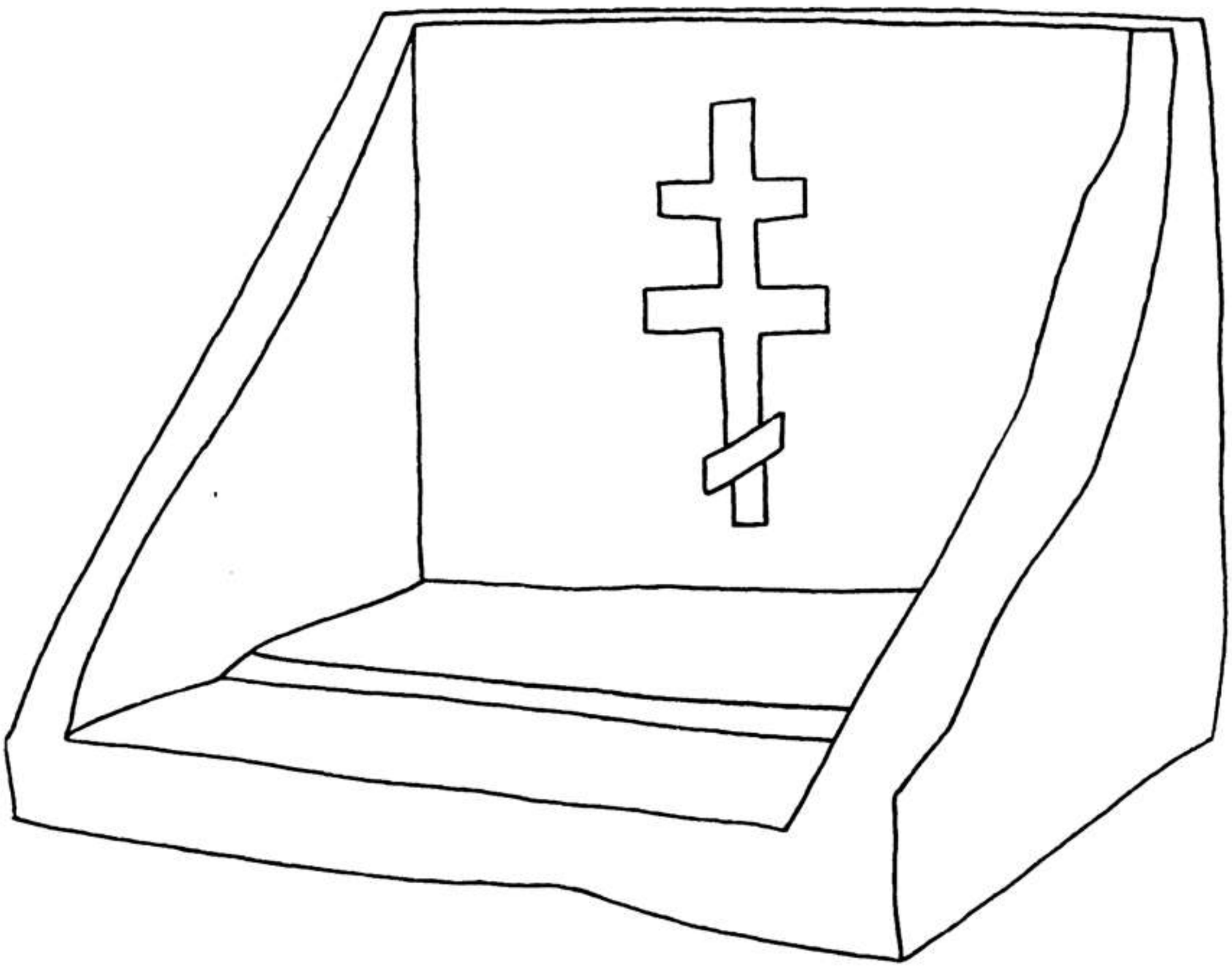

Рис. 3: Крест в изголовье каменного саркофага. Белгородок XII в. Белый камень, резьба.

BSB

Рис. 4: Каменные намогильные плиты с изображениями тау-крестов. Тверь (1–6), Ферапонтов монастырь (7), XV–XVI вв.

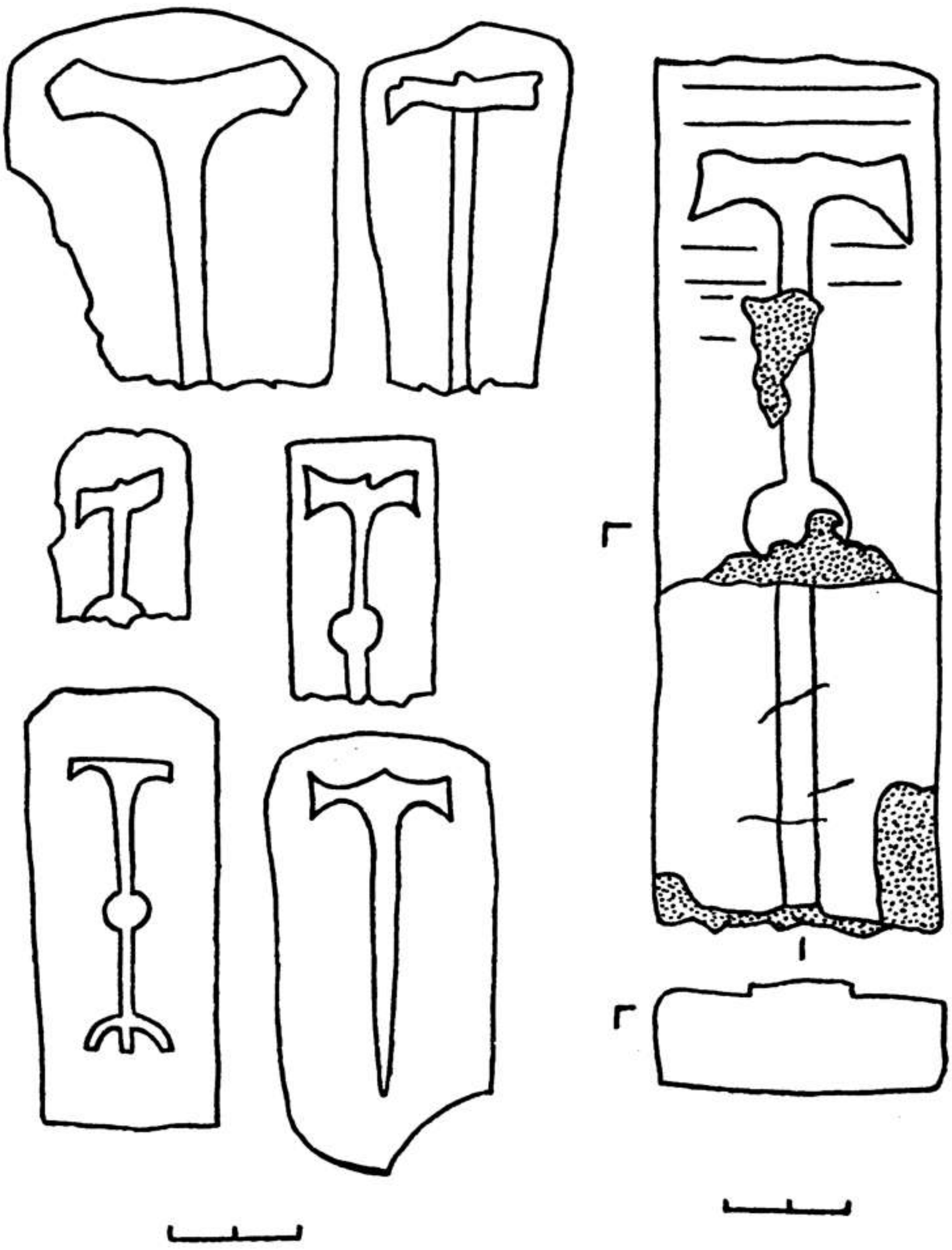

Рис. 5: Каменный крест на постаменте возле северо-западного угла Успенского собора. Москва, Кремль, Первая половина XV в.

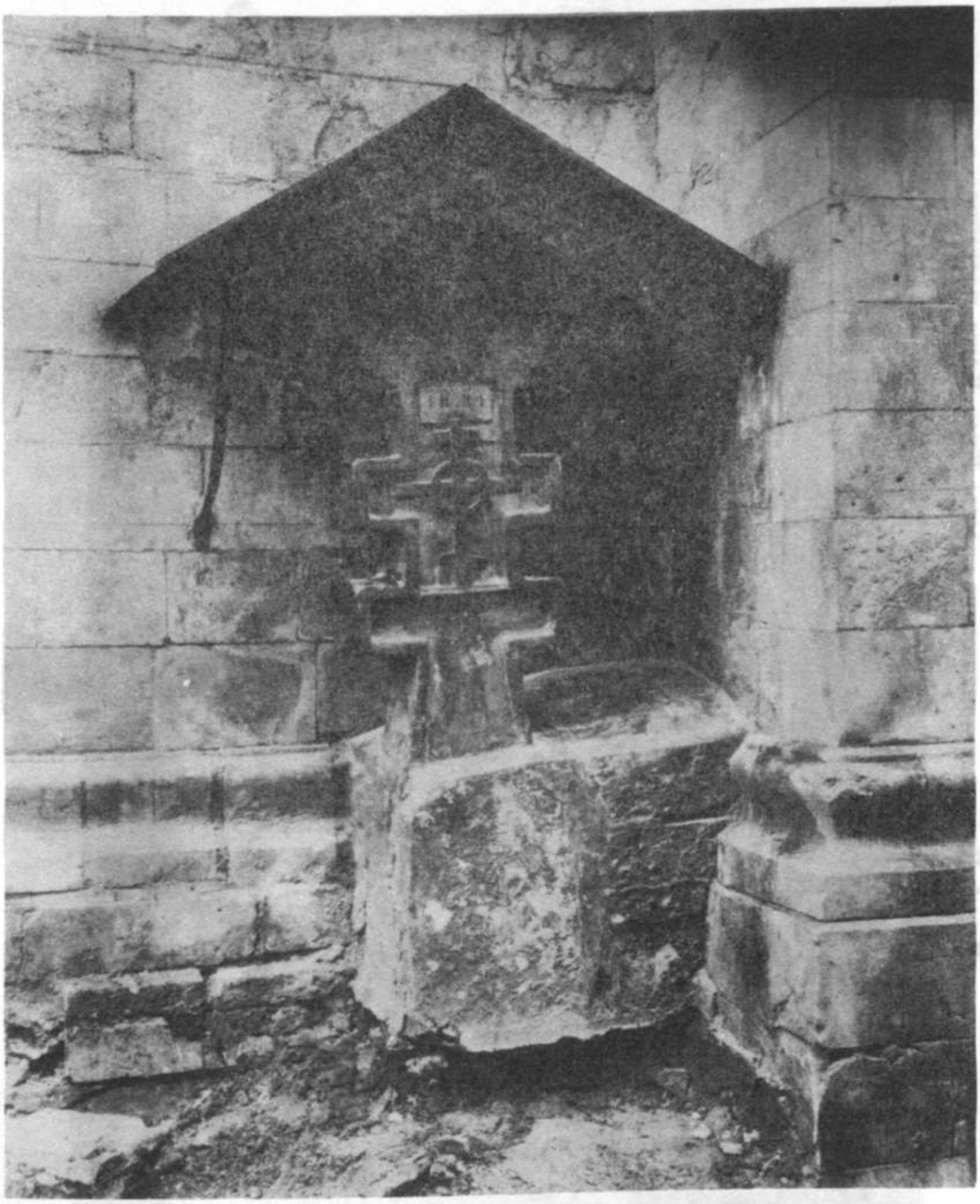

Рис. 6: Кожаные монашеские кресты. Киев. Кожа, плетение.

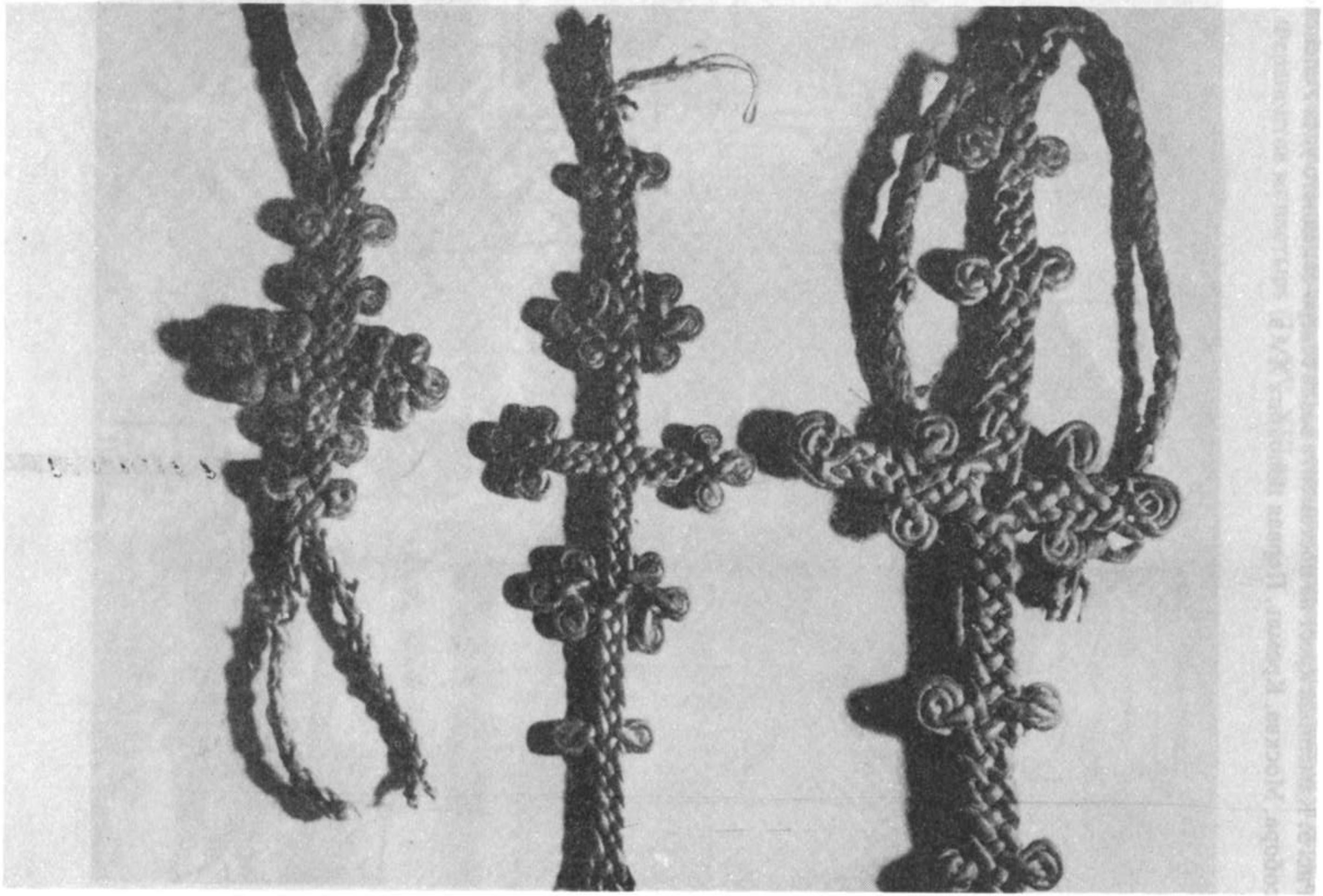
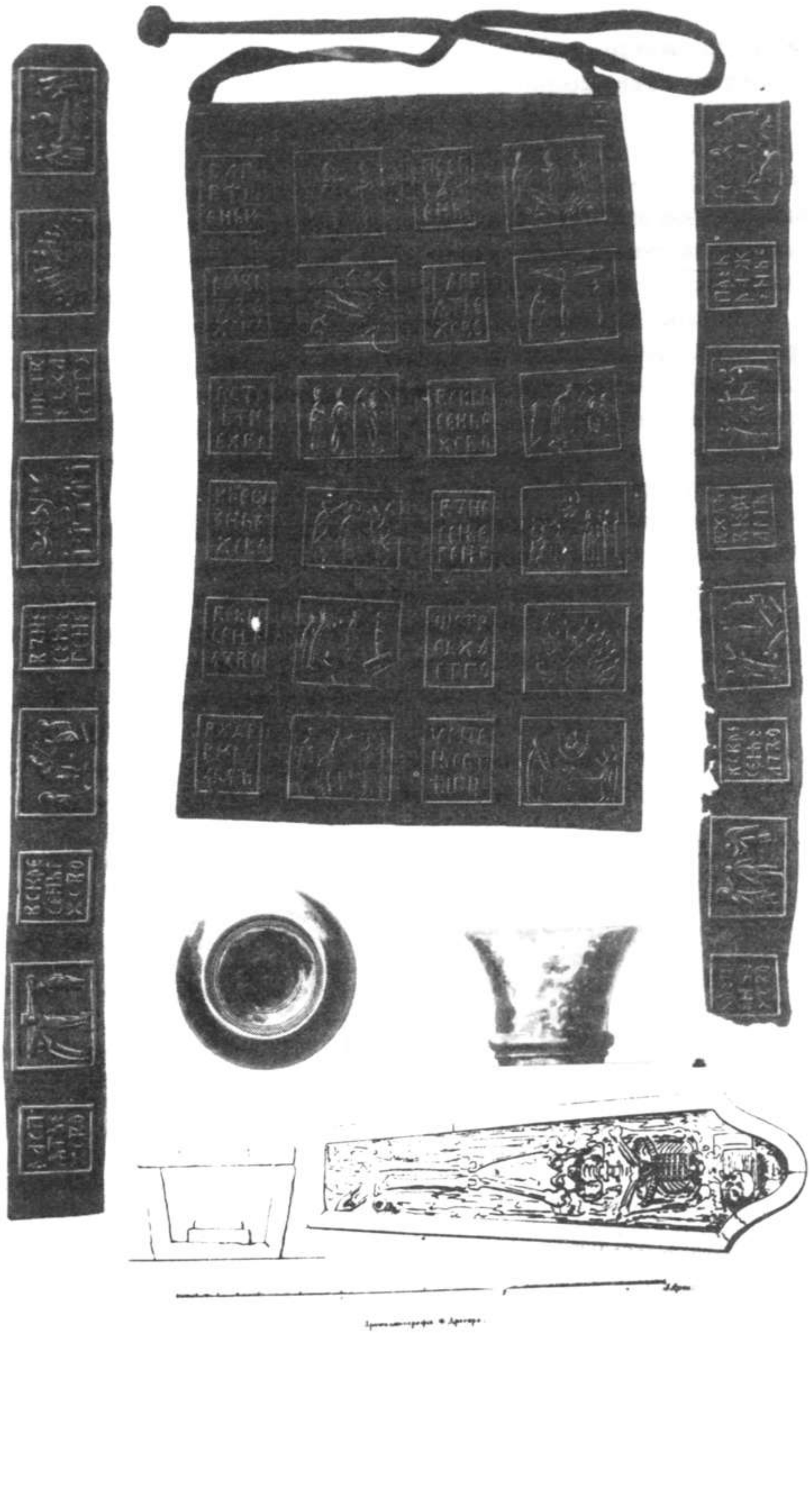

Рис. 7: Кожаные атрибуты монашества (параман, пояс) из захоронения церкви Спаса на Бору. Москва, Кремль, XIV в. Кожа, тиснение.

BSB

Hieronim Grala

К изучению русской государственной сфрагистики XVI в. (Литовские «колюмны» на Большой государственной печати Ивана IV Грозного)*

В опубликованной два десятилетия тому назад статье, анализирующей состояние исследований по российской сфрагистике XV–XVIII вв. Н.А. Соболева весьма скептически охарактеризовала достижения современной историографии по вопросу русских государственных печатей. Пессимизм этого вывода лучше всего подтверждает следующее заключение: «В настоящее время есть довольно смутное представление о том, какие печати существовали для утверждения документов разных категорий, издававшихся от царского имени, в отдельные периоды существования русского государства»[1]. Несмотря на то, что последующие годы принесли значительное расширение исследований по российской сфрагистике – особые заслуги в этой области автора выше приведенных слов хорошо известны[2] – данная оценка не утратила своей актуальности. Симптоматично, что в вопросе царской сфрагистики, относящейся к раннему новому времени, непревзойденным образцом остается труд Н.П. Лихачева, в котором проблема печатей не являлась специальным предметом исследования[3].

Подтвержденное источниками одновременное существование на Руси в XVI веке по крайней мере нескольких государственных печатей различного вида (большая, малая, воротная, кормленая, золотая царская булла) вызывает необходимость точного определения принципов их применения. Проблема взаимозави-

---

* Работа выполнена в рамках исследовательской программы KBN № P 108 045 05.

1 См. *Н.А. Соболева* О методике изучения сфрагистического материала XV–XVIII вв. (Историографические заметки) // ВИД, 8, 1976, с. 147. Эту точку зрения поддержал *С.О. Шмидт* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. Москва, 1984, с. 154.

2 См. *Н.А. Соболева* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. Москва, 1981; *Н.А. Соболева* Русские печати. Москва, 1991; ср. *Н.А. Соболева, В.А. Артамонов* Символы России. Москва, 1993. Из работ на стыке сфрагистики и геральдики особого внимания заслуживают: *А.Л. Хорошкевич* Символы русской государственности. Москва, 1993; *А.Л. Хорошкевич* Единорог большой государственной печати Ивана Грозного // Чтения памяти В.Б. Кобрина: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Москва, 1992, с. 188–192.

3 *Н.П. Лихачев* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии имп. Академии Наук, вып. 11, 1903, с. 243–270.

симости между отдельными типами государственной печати представляется недостаточно изученной, что неизбежно приводит к терминологической путанице.[4]

Эпоха Ивана IV Грозного, которая сыграла не последнюю роль в формировании российской государственности (особенно в области развития самодержавия и образования зачатков имперской доктрины), оставила после себя сравнительно богатый сфрагистический материал. Правление этого монарха оказало огромное влияние на организационные формы царской канцелярии и дипломатической службы. Значение государственной печати в пропаганде идейных основ царской власти и главных принципов государственной доктрины поднялось до уровня, ранее не встречавшегося в монархии Рюриковичей. Лучше всего отражает такое состояние дел заключение Г. Штёкля, что большая царская печать содержит гораздо больше сведений о тогдашней концепции государства и власти монарха, нежели знаменитая полемика Ивана IV с князем Андреем Курбским[5].

Фундаментальная реформа царской канцелярии и подведомственной ей дипломатической службы в рассматриваемую эпоху неразрывно связана с личностью Ивана Михайловича Висковатого. Заслуги этого сановника, сначала как главы Посольского приказа, которым он руководил лично в 1549–1561 гг., а затем как царского канцлера (печатника) в 1561–1570 гг., в деле реорганизации главных институтов московской центральной бюрократии трудно переоценить[6].

Висковатый выполнял функции хранителя царской печати, по-видимому, уже с 1554 года в связи с затянувшейся опалой официального её хранителя – Никиты Афанасьевича Фуникова-Курцева, хотя должность печатника получил только 6 лет спустя, когда влияние при царском дворе получили его давние покровители Захарьины. Победившая камарилья щедро наградила своих верных сторонников

---

4 Об особенностях всех вышеназванных типов царской печати см.: *А.Б. Лакиер* Русская геральдика. Спб., 1855, с. 218; по мнению авторов современного учебного пособия печать *кормленая* идентична малой печати, см. *Е.И. Каменцева, Н.В. Устюгов* Русская сфрагистика и геральдика. Москва, 1963, с. 114–119. Знаток европейской сфрагистики Н.П. Лихачев установил в практике московской канцелярии второй половины XVI в. наличие печати средней (ее функции выполняла ставшая неактуальной большая печать). См. *Лихачев* Дело, с. 247, 268–269. Отсутствие соответствующего аппарата понятий сказалось на точности описания отдельных памятников и в главном издании материалов по печатям, см. Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц / Изд. Ф. Бюлер. Москва, 1880; ср. *Н. Коробков, Б. Иванов* Русские печати // Архивное дело, 1939, № 3 (51), с. 39. О попытке предварительной систематизации терминологии см. *Соболева* О методике, с. 147–148.

5 *G. Stökl* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972 , S. 69. (Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften 48).

6 См. *И. Граля* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России в XVI в. Москва, 1994, с. 235–240, 275–285. *H. Grala* Upadek «moskiewskiego kanclerza»: Iwan Wiskowaty i Iwan IV Groźny w 1570 r. // Kwartalnik Historyczny, 101, 1994. № 1, с. 50–51 (там же библиография вопроса); ср. *Шмидт* Российское государство, с. 154–161.

BSB

– восстановленный в милости Фуников получил чин казначея, а Иван Висковатый в начале февраля 1561 года вступил в должность печатника.[7]

Вступление Висковатого в должность совпало с заменой малой государственной печати. Дотоле использовалась печать, оставшаяся от Василия III. По официальному свидетельству летописи 3 февраля ее сменила новая двусторонняя печать. На ее лицевой стороне был изображен двуглавый орел, на груди которого размещался щит с изображением всадника, а на оборотной стороне также двуглавый орел с подобием единорога на аналогичном щите[8]. Этот акт, по-видимому, был связан с реформой самого ведомства печатника. Согласно хорошо аргументированному тезису П. Садикова, в это время произошло разделение компетенций печатника – хранителя большой печати, и компетенции чиновника, ведавшего меньшей печатью (так называемой кормленой). Висковатый получил тогда большую печать, а второе ведомство перешло к пользовавшемуся на протяжении многих лет доверием царя дьяку Угриму Львову – в недалеком будущем печатнику опричниною[9].

Передача посольскому дьяку большой печати повлекла за собой существенное расширение его прежних прерогатив, а личный авторитет Висковатого способствовал тому, что ведомство печатника, до сих пор остававшееся при московском дворе в тени казначея, выросло вскоре до ранга канцлерской должности[10]. Висковатый сосредоточил в своих руках контроль над всей дипломатической службой, надзор над большой государственной печатью и управление царским архивом[11]. Большая печать не была впрочем единственной находящейся в его

---

7 См. *Граля* Иван Михайлов Висковатый, с. 238–239; ср. *Шмидт* Российское государство, с. 155.

8 См. ПСРЛ. Т. 13 (Патриаршая или Никоновская летопись). СПб., 1904, с. 331: *Того же года февраля в 3 день царь и великий князь печать старую меньшую, что была при отце его великом князе Василие Ивановиче переменил, а учинил печать новую складную: орёл двоеглавной, а середи его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а середи его инорог.* О смене печати см. *Лихачев* Дело, с. 251; ср. *Соболева* Русские печати, с. 210.

9 См. *П.А. Садиков* Очерки по истории опричнины. Москва, Ленинград, 1950, с. 285–286, 310–311; ср. *Шмидт* Российское государство, с. 155–156. О назначении кормленой печати см.: *Каменцева, Устюгов* Русская сфрагистика и геральдика, с. 116; ср. *Соболева* О методике, с. 147–148; О различиях между большой и малой печатью в московской канцелярии см. *Лихачев* Дело, с. 244–251.

10 Ср. *Шмидт* Российское государство, с. 152–156; об истории канцлерского ведомства на Руси см. *U. Halbach* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Rus'. Stuttgart, 1985 , S. 241–250. (Quellen und Studien zur Geschichte der östlichen Europa 23); *U. Halbach* Kanzlei und Kanzleramt in Rußland vor dem 16. Jahrhundert // JGO, 33, 1985, с. 23–46. О ведомстве печатника см. также *В.И. Савва* О посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков, 1917, с. 384–388.

11 Ср. *Шмидт* Российское государство, с. 154–161. К числу наиболее важных обязанностей Висковатого относилось и управление царской казной, ранее остававшееся под исключительной опекой казначеев. Это обстоятельство находит подтверждение в той

распоряжении монаршей печатью. Не подлежит сомнению, что одним из основных атрибутов его новой должности была особая печать, предназначенная для скрепления менее важных государственных документов: например, указов местным властям или отдельным лицам. Относящееся к середине следующего столетия свидетельство подьячего Григория Котошихина позволяет установить, что для подобных целей служила специальная печать, которую думный посольский дьяк носил на шее (так называемая воротная печать). Сановник этот хранил ее по должности как начальник особого Печатного приказа. При современном состоянии исследований вопрос о времени появления названной печати остается открытым.[12] Представляется, однако, что самое раннее упоминание о ее функционировании относится ко времени канцлерства Висковатого: изданный в 1572 году во Франкфурте-на-Майне летучий листок *Eigentliche Warhaftige Beschreibung etlicher Handlung so sich in Reussen zur Moscaw, Plescaw, Naugarten, Schlaboda, Narfa, Revel, Dorpat und andern Stätten verloffen und zugetragen. [...]*, сообщая о московских казнях в июле 1570 года, доносит, что жертвой их пал *oberst Cantzler, welche dess Grossfürsten Sigel am Halss getragen.* Идентификация казненного сановника не вызывает трудностей – *Miskewadt* это вне всякого сомнения Иван Михайлович Висковатый.[13] Добавим, что описанный Котошихиным характер использования упомянутой печати хорошо соотносится со свидетельством немца-опричника Генриха Штадена, состоявшего на службе у Ивана

характеристике компетенций Висковатого, которую передал санджаку Кафы Касиму царский посол Иван Новосильцев: *Иван – человек приказной, печатник, да ему ж приказана государева казна ведати с казначеем с Никитою Фуниковым*, см. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. Москва, Ленинград, 1954, с. 72. Установление того, как соотносились функции печатника и казначея, вызывает определенные трудности: официально казначейство в иерархии царского двора было выше ведомства печатника, но реальное влияние способствовало тому, что при этой конкретной расстановке сил ведущую позицию занимал печатник. Не исключено, что именно специфика сотрудничества между Висковатым и Фуниковым способствовала изменению взаимоотношений между этими двумя ведомствами, что затем было закреплено во время правления следующего поколения «сильных людей» московской бюрократии – дьяков Андрея и Василия Щелкаловых. Характер этих перемен отражает *Записка о порядках управления в Московском государстве*, относящаяся к 1610–1613 гг., согласно которой малая печать хранилась у казначеев, а большую печать *держит тот, кому государь пожалует*. Так Богдан Сутупов, *печатник и секретарь великий*, в иерархии ведомств стоял выше, чем Афанасий Власьев – *надворный казначей и секретарь великий*, см. Акты исторические / собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. Спб., 1842, с. 423; о росте объема обязанностей печатника см. *Граля* Иван Михайлов Висковатый, с. 276–279.

12 См. *Г. Котошихин* О России в царствование Алексея Михайловича. Спб., 1906, с. 114. Об этой печати см. *Каменцева, Устюгов* Русская сфрагистика и геральдика, с. 118; *Соболева* О методике, с. 148; *Шмидт* Российское государство, с. 154.

13 См. *A. Kappeler* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Rußlandbildes. Frankfurt/Main, 1972, S. 176–177; *A. Kappeler* Die letzten Opričninajahre (1569–1571) im Lichte dreier zeitgenössischer deutscher Broschüren // JGO, 9, 1971, c. 22.

IV, об обязанностях Висковатого[14]. Возможно даже, что и появление этой печати, и создание самого Печатного приказа связаны с деятельностью Ивана Михайловича[15].

Вышеупомянутая замена малой печати в феврале 1561 года, являющаяся результатом реформы ведомства печатника, по всей вероятности была связана с аналогичной операцией в отношении большой печати. Правда, относящиеся к 1561 году свидетельства источников по этому вопросу сравнительно скупы, но находят подтверждение в сфрагистическом материале из фондов Главного архива древних актов (AGAD) в Варшаве. Сохранившиеся здесь документы четырех перемирных договоров между Москвой и Польско-Литовским государством (от 1536, 1542, 1549 и 1554 гг.) позволяют точно описать большую печать Ивана IV Грозного двух первых десятилетий его официального правления. Это была неизменно круглая двусторонняя печать; на лицевой стороне был изображен двуглавый орел, увенчанный двумя коронами, а на оборотной – всадник, убивающий змея. Круговая надпись содержала титулатуру владельца; на лицевой стороне *Иван Божиею милостию господар Всея Роуси*, а на оборотной *Великий Князь Володимерски Московски Новградский и иных*. Все четыре экземпляра печати изготовлены из красного воска и прикреплены к документам на красном шелковом шнурке[16]. В литературе, правда, хорошо известна печать Ивана IV, подобная вышеописанным, но она ошибочно идентифицируется с малой печатью. В свете документации Посольского приказа ее истинное предназначение не может вызывать ни малейших сомнений.[17]

---

14 *Heinrich von Staden* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / Hrsg.: F.T. Epstein. Hamburg, 1964, c. 18, 40.

15 О Печатном приказе см. *Шмидт* Российское государство, с. 163–164; ср. *К.Д. Федорин* Некоторые вопросы формирования и деятельности архива Печатного приказа // Архивы СССР: История и современность. Москва, 1989, с. 41–49; *К.Д. Федорин* Печатный приказ как тип государственного учреждения допетровской России // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Вып. 2. Москва, 1990, с. 267–270.

16 AGAD, Archiwum Radziwiłłów, Dział I (Pergaminy), nr 7599 (1536 г.), nr 7623 (1542 г.; NB: документ этот одновременно является автографом Висковатого, тогда еще подьячего, см. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским 1533–1559 гг. СПб., 1887, с. 166 (СбИРИО 59), № 7670 (1549 г.), № 7702 (1554 г.). С точки зрения иконографии и оформления круговой надписи все экземпляры идентичны; незначительные отличия касаются только размеров отдельных оттисков: если экземпляры 1536, 1542 и 1554 гг. имеют диаметр 38 мм и толщину 7 мм, то экземпляр 1549 года – немного больших размеров (соответственно 41 и 7,5 мм).

17 См. описание большой вислой печати при перемирной грамоте с Литвой 1549 года: *И февраля же месяца 13 во вторник царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси велел к грамоте к своему слову печать свою большую привесити, воск красный на шолку обе половины, человек на коне и орел* (СбИРИО, т. 59, с. 301). Подобный характер имела, вероятно, и вислая печать на московско-литовском договоре 1556 года, см. *Лихачев* Дело, с. 251; ср. *А.А. Зимин* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Ч. 2. Москва, 1978. с. 362. Ошибочная идентификация печати см.

Новая большая печать имела более богатую программу, что иллюстрирует являющаяся точной ее репликой золотая булла Ивана Грозного, привешенная к договору о перемирии, на котором царь присягнул в присутствии датских послов 7 августа 1562 года в Можайске. На её лицевой стороне был изображен двугла-вый орел, обе головы которого увенчаны отдельными коронами, в картуше щита, помещенного на груди орла, имелось известное изображение всадника, поражающего змея. Вокруг изображения в три кольца шла надпись: *Божиею милостию царь и великий князь Иван Васильевич господарь всея Руси Володимерский | Московский, Новгородский, царь Казанский и царь Астараханский г[оспо]д[а]р Псковский | и велики князь Смоленски, Тверски, Югорски, Пермски, Ветски, Болгарски.* На оборотной стороне изображен такой же орел, на груди которого на щите вместо всадника красовался единорог; а вокруг продолжение титулатуры Ивана IV: *и иных господарь и велики князь Новагорода Низовские земли, Черниговски, Рязанский, Волотски, Ржовски | Белский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Оудорский, Обдорский, Кондинский и иных | и всея Сибирския змли повелите[л] и г[оспо]д[а]р Ливонские змли и иных многих*[18]. Время создания этой печати определяет взятие Астрахани в 1556 г.; датированный тем же годом договор о перемирии с Литвой был скреплен большой печатью, сходной по содержанию с печатью 1549 года, но с перечислением новых титулов, отражавших казанский триумф 1552 года[19].

Явное сходство между большой печатью 1562 года и малой печатью 1561 года позволяет считать, что они появились примерно в одно время, что в свою очередь наводит на мысль о связи появления новой большой печати с переходом печатного ведомства к Висковатому. Новая печать очень точно отражала все тенденции державной доктрины Московского государства того времени: в сфере титулатуры – пропаганда и демонстрация царского титула Ивана IV и его территориальных завоеваний (Казань – 1552 г., Астрахань – 1556 г.), а также претензий на земли спорные с Великим княжеством Литовским (Смоленск, присоединенный Василием III в 1514 г., но в официальный титул включенный лишь в 1550 г.) и частично покоренную Ливонию. На печати, помимо освященных традицией

Снимки, табл. 7; *Stökl* Testament, табл. 45.

18 Изображение печати см. Снимки, табл. 12; *Stökl* Testament, табл. 13–14. Детальное описание печати, а также самого документа см. *Я.Н. Щербачев* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене 1326–1690 // ЧОИДР, 1, 1893, № 150, с. 48; ср. *Я.Н. Щербачев* Два посольства при Иоанне V Васильевиче // Русский Вестник, 1887, № 7, с. 98. Золотая булла Ивана IV была точным воспроизведением тогдашней большой печати; печати такого типа, обращенные к средневековой традиции, царская канцелярия использовала только при документах самого высокого ранга. По убедительному предположению Лихачева ее применение требовало изготовления новой матрицы см. *Лихачев* Дело, с. 246–248. Символика золотой буллы, а следовательно и большой печати, демонстрирует полное соответствие с программой малой печати 1561 г., ср. ПСРЛ, т. 13, с. 331.

19 О печати 1556 г. см. прим. 17.

BSB

изображений всадника (св. Георгия?) и орла, символизирующих великокняжескую и царскую власть московских Рюриковичей, появилось интересное новшество – изображение единорога[20]. Изображение этого сказочного зверя возникло на московской государевой печати в период царствования Ивана IV; первым примером является плохо сохранившаяся вислая печать на царском документе от 25 февраля 1557 г. Вскоре – с начала 60-х годов – единорог становится составным элементом иконографической программы печати Ивана IV Грозного[21].

Не подлежит сомнению, что этот символ, заимствованный из Библии, образы которой широко использовались в дипломатической практике Московского государства, был многозначащим религиозно-политическим манифестом. Исходным пунктом при истолковании изображения единорога на царской печати являются прежде всего две цитаты из Священного Писания: *И роги его, как роги буйвола; ими избодет он народы все до пределов земли* (Втор. 33; 17), и *А мой рог Ты возносишь, как рог единорога* (Пс. 91; 11)[22]. Изображение единорога должно было символизировать победу веры христианской над неверными и еретиками, что хорошо соотносилось с демонстрируемым в титулатуре Ивана IV мотивом покорения мусульманских «царств» и лютеранской Ливонии. Развитие

---

20 О происхождении и символике двуглавого орла в российской геральдике см. *G. Alef* The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: Discordant View // Speculum, 41, 1966, с. 1–21; *M. Hellman* Moskau und Byzanz // JGO, 17, 1969, с. 332–338; ср. *Stökl* Testament, с. 44–46; *Соболева* О методике, с. 140–141; *Соболева* Русские печати, с. 198–204; *Соболева, Артамонов* Символы, с. 19–22; *Хорошкевич* Символы, с. 21–52; О символике всадника см. *Stökl* Testament, с. 46-48; *Соболева* О методике, с. 144–145; *Соболева* Русские печати, с. 197–198; 205–208; *Соболева, Артамонов* Символы, с. 15–16; *Хорошкевич* Символы, с. 15–20.

21 См. *Stökl* Testament, табл. 12 (1557 – малая печать?), 14 (1562 г. – большая печать), 16 (1566 – малая печать), 17 (1569 г. – малая печать), 18 (1577 г.), 2 и 6 (1583 г.); ср. *Лихачев* Дело, с. 252–254; в историографии уже высказывалось предположение, что единорог выполнял роль личного герба Ивана IV, см. *Лакиер* Русская геральдика, с. 147–148. Это предположение преставляется мало правдоподобным: нет доказательств наличия у кого-либо из последних Рюриковичей личного герба, более того, известны многочисленные случаи использования изображения единорога представителями других российских династий, например, Борисом Годуновым, Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем, см. *Stökl* Testament, табл. 23 (1602 г.); Снимки, табл. 49 (1638 г.); ср. также *Лихачев* Дело, с. 253–255. Стоит так же подчеркнуть, что хотя изображение единорога появилось на московских государственных печатях только в период царствования Ивана Грозного, но на монетах Рюриковичей оно присутствует уже при Иване III, см. *И.Г. Спасский* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. // ВИД, 4, 1976, с. 115–118. Мотив единорога пользовался значительной популярностью в геральдике средневековья, см. *J.W. Einhorn* Spiritalis unicornis: Das Einhorn als Bedeutungsträger in Literatur und Kunst des Mittelalters. München, 1976, с. 47–255, 420–426. (Münstersche Mittelalterschriften 13).

22 *Хорошкевич* Единорог, с. 188–192; ср. *Граля* Иван Михайлов Висковатый, с. 281; исчерпывающее сопоставление цитат из Священного Писания см. *D. Forstner* Świat symboliki chrześcijańskiej / Przekł. i oprac. W. Zakrzewska, P. Pachciarek, R. Tuszyński. Warszawa, 1990, с. 265–266; ср. *Einhorn* Spiritalis unicornis, с. 82–99.

этой идеи содержит и преамбула письма Боярской думы (28 ноября 1562 года) к литовским сановникам[23]. Подобное применение мотива единорога хорошо соотносится со взглядами христианских эгзегетов, использовавших его для объяснения симво́лики креста. Ближе всего оно толкованию Оригена, для которого рог единорога является знаком господства Христа над миром (*Все, что существует, является Его одним рогом, это значит одним Его царством* [Флп. 3, 21])[24]. Христологический контекст символа единорога московской элите был хорошо известен хотя бы из огромного художественного наследия средневековой Руси[25]. Не последнюю роль сыграл в его распространении славянский перевод *Физиолога*, трактата, написанного в александрийских кругах во II–III в. н.э.[26]. Выбор единорога – библейского символа необузданной силы – для демонстрации мощи владельца печати был актом глубоко продуманным и предваренным соответствующими пропагандистскими начинаниями. Царская канцелярия использовала мотив единорога в дипломатической переписке уже в начале 50-х годов: в послание Ивана IV была включена фраза: *как рог инрога достигшему государского имени*. Согласно новым – весьма убедительным – выводам явление это следует связывать с введением после завоевания Казанского ханства (1552 г.) новых царских регалий – так называемой «шапки казанской» и жезла.[27] Жезл занял место так называемого посоха – длинного скипетра – регалии, традиционно используемой московскими государями, который известный габсбург-

---

23 См. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским: 1560–1570 гг. СПб., 1882, с. 102 (СбИРИО 71): *Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в Троице славимаго милостию, великого государя, яко рога инрога, царя и великого князя [...] братье нашей раде королевской*. Аналогичное титулование содержит послание членов думы Раде Господарской от 17 июня 1563 г., там же с. 148. Количество цитат из Библии, которые могли послужить источником для московской канцелярии можно увеличить (например Моисей, IV, 23; 22).

24 Ср. *Forstner* Świat, с. 266.

25 Ср. *Einhorn* Spiritalis unicornis, с. 18, 114.

26 О трактате и его восприятии на Руси см. *В. Мочульский* Происхождение «Физиолога» и его начальные судьбы в литературах Востока и Запада. Варшава, 1889. *М.Н. Сперанский* К истории «Физиолога» в старой болгарской письменности // *М.Н. Сперанский* Из истории русско-славянских литературных связей. Москва, 1960, с. 148– 159; *Я.С. Лурье* Два миниатюриста XV в. (К проблеме так называемого художественного мышления Древней Руси) // Истоки, становление, традиции. Москва, 1976, с. 105–111; ср. *О.А. Белоброва* Физиолог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.). Ленинград, 1987, с. 461–462.

27 *Хорошкевич* Единорог, с. 189–191; *Хорошкевич* Символы, с. 71–75; ср. *А.Л. Хорошкевич* Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // ОИ, 1994, № 3, с. 25, 33. О новых регалиях см. *Stökl* Testament, с. 25–31; ср. Treasures from the Museums of the Moscow Kremlim. Moscow, 1980, табл. 41 (изображение «казанской шапки»). О мотиве единорога на печатях Ивана IV см. также *Соболева, Артамонов* Символы, с. 24–25, 28–29.

BSB

ский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн назвал латинским термином *Baculus*[28].

Свидетельство английского дипломата Джерома Горсея содержит ценные сведения о регалиях Ивана IV – описанный им *staff royal* – это *an unicorn's horn garnished with very fair diamonds, rubies, sapphires, emeralds and other precious stones*[29]. Идеологический смысл регалий объясняет фрагмент из послания архиепископа новгородского Пимена царю, принимавшему участие в осаде Полоцка (24 января 1563 г.): иерарх приравнял рог мифического зверя к символу монархической власти, подчеркивая ее божественную функцию[30]. Совпадение во времени параллелей Пимена с появлением изображения единорога на большой печати Ивана IV не было делом случая: замена печати произошла почти накануне бесплодных переговоров с послами Сигизмунда Августа по ливонскому вопросу[31].

Весьма вероятно, что в ряду политических событий того времени можно назвать еще одно, чрезвычайно важное для возникновения программы новой печати. Как предполагает Штёкль, таким импульсом могло стать признание патриархами восточной Церкви царского титула Ивана IV. Государь добивался этого с 1557 года. Решение константинопольского собора по этому вопросу подтверж-

---

28 См. *С. Герберштейн* Записки о Московии / Пер. А.И. Малеин и А.В. Назаренко. Ред. В.Л. Янин. Москва, 1988, с. 109–110. О посохе см. *Stökl* Testament, с. 24–28. Тип этих регалий несомненно имел византийское просхождение, см. *F. Kämpfer* Dikanikion – posox: some Considerations on the Royal Staff in Muscovy // FOG. Bd. 24. Wiesbaden, Berlin, 1978, с. 9–19; О его московской версии см. *А.В. Чернецов* Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров). Москва, 1987.

29 Rude and Barbarous Kindom: Russia in the Accounts of the 16th Century English Voyagers / Ed. by L.E. Berry, R.O. Crummey, Madison …, 1968, с. 305. Традиционную регалию – посох – изготовляли из клыка моржа, см. *Чернецов* Посохи, с. 5. О новых регалиях см. *Хорошкевич* Единорог, с. 190–191; ср. *Stökl* Testament, с. 26–31; Так называемый рог единорога, из которого аугсбургский ювелир Давид Губер выполнил царский скипетр, это зуб нарвала; длинный, крученый бивень этого морского млекопитающего служил материалом для аналогичных регалий других европейских монархов, в частности императора Маттиаса Габсбурга и датского короля Фредерика III, см. *Einhorn* Spiritalis unicornis, с. 246. Об идентификации нарвала и единорога см. *ibidem*, с. 244–247; ср. *R.R. Beer* Einhorn, Fabelwelt und Wirklichkeit. München, 1972, с. 183–193.

30 См. ПСРЛ, т. 13, с. 351: *владыка Господь смирения нашего не презре, воздвиже рог спасения нашего Тебе, боговенчанного царя и вручил ти есть скипетр Российского царствия, жезл силы достояния*; ср. ПСРЛ. Т. 29. Москва, 1965, с. 306. Мотивом «рога единорога» воспользовался вскоре сам царь, рекомендуя митрополиту Макарию после полоцкой победы начинать молебен следующими словами: *и возвысил бы Бог рог крестьянский и даравал бы нам и всему православному крестьянству свыше победу на вся видимыя и невидымая враги наша и православное бы христьянское царство расширил*, см. ПСРЛ, т. 13, с. 361.

31 Замена печати произошла 3 февраля, см. ПСРЛ, т. 29, с. 280; известие о прибытии послов царь получил из Смоленска 25 января, в Москву же они прибыли 6 февраля, см. СбИРИО, т. 71, с. 23; ср. *Хорошкевич* Единорог, с. 192.

дал акт, составленный патриархом Иоасафом II в ноябре 1560 г.[32]. Правда, сама грамота была доставлена в Москву патриаршим послом митрополитом кизикским и евгриппским Иоасафом только в августе 1561 г., но известие о счастливом завершении усилий царя должно было дойти до Кремля гораздо быстрее[33].

Знаменательно то, что восприятие Москвой соборной грамоты отличалось от ее подлинного содержания: патриарх признал права российского государя на царский титул, но для их санкционирования рекомендовал новое венчание на царство, которое должен был совершить константинопольский патриарх[34]. Проигнорировав этот не слишком удобный аспект, Иван IV получил мощный идеологический инструмент для развития государственной доктрины. В свете решения константинопольского собора московский государь, как единственный суверенный монарх, сохраняющий верность православной религии, получал полноту прав, принадлежавших до того только византийским императорам. Тем самым российский царь, точно так же как ранее «равный апостолам» (*isapostolos*) василевс Ромеев, становился верховным защитником ортодоксии и главой христианской вселенной (*oikoumene*), авторитет которого выходил за пределы России. С этого момента на его плечи должна была лечь обязанность защищать интересы православных перед лицом их законных, но иноверных монархов.[35]

Изображение единорога, насыщенное многообразным религиозным содержанием, прекрасно подходило для провозглашения обширных устремлений Ивана

---

32 Предположение о связи реформы печати с решением патриархов высказал Штёкль (*Stökl* Testanment, с. 48, прим. 25). О датировке документа см. *Б.Л. Фонкич* Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. Москва, 1974, с. 247–248.

33 О перипетиях, связанных с посольством Иоасафа, и усилиях литовской дипломатии, направленных на его дезавуирование, см. *M. Gębarowicz* Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569–1583 na tle epoki // Roczniki Biblioteczne, 13, 1969, с. 54–57; *Л.А. Юзефович* Миссия Исайи (1561 г.) и Остафия Воловича // Советское славяноведение, 1975, № 2, с. 71–83, ср. *Граля* Иван Михайлов Висковатый, с. 251–259.

34 См. *Хорошкевич* Единорог, с. 191–192. Текст послания см. *W. Regel* Analecta byzantino-russica. Petropoli, 1891, с. 75–79. Помещенная в официальном летописном своде версия документа значительно отличается от оригинала, см. ПСРЛ, т. 13, с. 334: *Иоасаф патриарх и архиепископи и епископи благословиша боговенчанного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, еже быти и зватися ему царем законно и благочестно венчанному [...], понеже рода есть и крове царския.* О влиянии решения патриархов на московскую государственную доктрину см. *Р.П. Дмитриева* Сказание о князьях Владимирских. Москва, Ленинград, 1955, с. 119–123.

35 См. *Н.Ф. Каптерев* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914, с. 26–31. *Н.Ф. Каптерев* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. Спб., 1895; ср. *G. Maniscalco Basile* Power and Words of Power: Political, Juridical and Religions Vocabulary in Some Ideological Documents in 16th Century Russia // FOG. T. 50. Wiesbaden, Berlin, 1995, с. 59-73. Об «апостольстве» византийского императора см. *O. Treitinger* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. 3. Auflage. Darmstadt, 1956, с. 129–133. О термине «экумена» см. *ibidem*, с. 163–165.

BSB

IV. Этот выбор был подготовлен значительными и многосторонними усилиями книжников из царского окружения; доказывает это, как нам представляется, и очередное нововведение в московской государственной сфрагистике – изображение креста. В сочинениях экзегетов обнаруживается отчетливая связь единорога с символикой креста (например, у Тертуллиана); наиболее полно, пожалуй, развивает это направление Юстин Мученик, проводивший аналогию между рогом единорога и вершиной и концами перекладины креста[36].

Изображение креста, в доселе непривычной форме (с перекладиной) впервые появилось в русской государственной сфрагистике. Печать была изготовлена осенью 1564 года, во время переговоров со шведским посольством, пытавшимся добиться признания своих притязаний на Ревель, Пернов, Пайду и Каркус. Московский сановник должен был пользоваться ею в дипломатической переписке со шведским королем и другими соседними монархами как царский наместник всей Ливонии[37]. Симптоматично, что в период канцлерства Висковатого эта печать хранилась в царском архиве вместе с большой печатью[38]. Если учесть то обстоятельство, что появилась она вскоре после включения символа единорога в большую печать и одновременно с активным использованием этого же мотива в государственной пропаганде, то идеологическая связь обоих изображений в царской сфрагистике не покажется случайной[39].

В византийской культуре изображение креста было самым красноречивым символом ортодоксии. Одновременно этот знак – знак покровительства Бога

---

36 *«Единорога роги» нельзя сказать и утверждать ни о какой другой вещи или форме, кроме фигуры, которую представляет собой крест. Потому что у креста одна вертикальная перекладина, вершина которой видна в форме рога, а поскольку прикреплена поперечная, кажется, будто бы к этому одному рогу с концов каждой из сторон добавлен другой рог.* (*Święty Justyn Filozof i Męczennik* Apologia. Dialog z Żydem Tryfonem / ed. ks. A. Lisiecki. Poznań, 1926, S. 126. – Pisma Ojców Kościoła 4); Migne PG, т. 6, с. 692 nn. См. также *Forstner* Świat, с. 266; *Einhorn* Spiritalis unicornis, с. 49–50.

37 Значение этого события подтверждает свидетельство официальной летописи: *того же лета повеле царь и великий князь сделати печать в свою отчину в Вифлянскую землю во град Юрьев, а на печати клейно: орел двоеглавный, а у орла у правые ноги герб печать магистра Ливоньского, а у левые ноги герб печать Юриевского бискупа; около же печати подпись «царского величества боярина и Вифлянские земли боярина и наместника и воеводы печать»* (ПСРЛ, т. 13, с. 385–386). Предназначение новой печати для целей дипломатии было точно определено: *И тою печатью велел* [царь. – H.G.] *юриевскому боярину и воеводе грамоты перемирные с свейским королем печатати и грамоты в ыные государьства печатати* (там же, с. 386). См. также *Щербачев* Датский архив, № 150, 151, 174, 219, 245; *Лихачев* Дело, с. 260; печать наместника многократно воспроизводилась, см. Снимки, табл. 67; *Stökl* Testament, табл. 41; *Соболева* Геральдика, с. 225.

38 См. *Зимин* Архив, с. 86, 452–453.

39 Об использовании мотива креста с перекладиной на печатях царей см. *Stökl* Testament, с. 61–69.

борьбе с язычниками – предвещал и символизировал победу[40]. Этот мотив должен был привлечь внимание Ивана IV и его советников, поскольку символика креста играла важную роль в московской государственной доктрине. В начале 50-х годов в этой доктрине доминировала тема борьбы с исламом (Казань и Астрахань). Однако вскоре в ней произошли существенные изменения. К середине 50-х годов завершилась выработка религиозного обоснования экспансии в Прибалтике: агрессия против Ливонии быстро приобретала в московской пропаганде ореол справедливой войны против самих опасных вероотступников – лютеран. Вскоре подобные мотивы должны были появиться и в антиягеллонской пропаганде.[41] Московская дипломатия широко использовала аргумент защиты православной веры, пренебрегая существующими реалиями: примером триумфа православия над «лютеранством» после взятия Полоцка может послужить имя православного владыки полоцкого Арсения, названного первым среди знатных пленников[42]. Единорог, символизирующий Крест и Христа и одновременно представляющий собой воплощение безмерной мощи Творца, прекрасно подходил для нужд новой государственной доктрины еще и потому, что в библейском толковании его оружие должно было наносить удары по врагам Израиля[43].

---

40 См. *Treitinger* Kaiser- und Reichsidee, c. 180–181; *L. Brehier* Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949, c. 58.

41 О религиозном аспекте борьбы с исламом см. *J. Pelenski* Russia and Kazan': Conquest and Imperial Ideology (1438–1560). The Hague, Paris, 1974, c. 177–275; об идеологических мотивах Ливонской войны см. *А.И. Рогов* «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения. Москва, 1969, с. 320; ср. ПСРЛ, т. 13, с. 290. Религиозную трактовку причин войны с Сигизмундом Августом содержит свидетельство официального летописного свода, см. ПСРЛ, т. 13, с. 343–344; ср. ПСРЛ, т. 29, с. 302. Знаменательно, что полоцкий поход Ивана IV встретил горячую поддержку церковной иерархии, взгляды которой выразил в своем послании архиепископ Пимен, благославивший намерение царя *низложити враги креста Христова и своих недругов и христианских врагов иконоборцев богоотступных латын и поганых немец и лютарские прелести еретиков ... за святыя церкви и за честные иконы от безбожных попраных и за православную христианскую веру Греческого закона* (ПСРЛ, т. 13, с. 351).

42 Религиозная интерпретация полоцкой победы, см. ПСРЛ, т. 13, с. 360–362, отчетливо контрастирует с чувством христианского единства, очевидном в касающейся казанской и астраханской проблем переписке царя с Сигизмундом Августом (см. СбИРИО, т. 59, с. 446–448, 454, 460). О европейских откликах на победу Ивана IV см. *Kappeler* Druckschriften, c. 116–117. Богословское обоснование экспансии Москвы способствовало помещению на очередной большой государственной печати изображения победоносного креста, см. ниже, илл. 2; ср. *Stökl* Testament, c. 63–66.

43 См. Втор. 33; 17. В Июстиновом толковании мотив этот прослеживается еще более наглядно, см. *Święty Justyn* Apologia, c. 266; там же, с. 266–267 о связи между взглядами экзетета и современными ему реалиями. Политические интерпретации библейской метафоры хорошо перекликались со взглядами царских сановников; ведь в государственной доктрине вместе с мотивом "Третьего Рима" появлялся сюжет "Нового Израиля", см. *Н.И. Ефимов* «Русь – Новый Израиль». Теократическая идеология связанного православия в допетровской письменности. Казань, 1912; ср. *А.Л. Гольдберг*

BSB

Начало затяжной Ливонской войны и связанный с ней рост территориальных притязаний Ивана IV привели к тому, что программа большой печати 1561 года очень быстро потеряла актуальность, особенно в части титулов государя[44]. В связи с этим удивляет тот факт, что появление очередной большой печати, отражавшей все нюансы новой политической доктрины, было документально подтверждено в источниках лишь в конце 70-х годов. Доселе удалось обнаружить ее оттиски лишь на нескольких документах, исходящих из канцелярии Ивана IV: на российско-датском договоре от 28 августа 1578 г. и на грамоте царя от 10 августа 1583 г. с полномочиями для послов, направлявшихся к шведскому королю Юхану III. Наряду с экземплярами печати, сохранившимися в виде двусторонних оттисков, привешенных к названным документам, мы располагаем также отдельным оттиском ее лицевой стороны, приложенном к верительной грамоте московских послов, отправившихся в Данию в августе 1578 г.[45]

Царская печать этого периода содержит программу несравнимо более сложную нежели ее предшественница 1562 г. Немаловажное значение имела и ее форма, до сих пор не встречаемая в русской традиции, хотя и хорошо подтверждаемая материалами европейской сфрагистики. Венец из территориальных гербов – вне всякого сомнения взятый из образца, укоренившегося в европейской геральдике (Wappenkranz, Wappenkette) – обрамляет размещенный в центре герб монарха. Такая композиция, ярко выражавшая идею единства государства под скипетром московской династии, помещена на обеих сторонах печати. На лицевой ее стороне изображен двуглавый орел, увенчанный одной короной, а на его груди на щитке всадник, и вокруг тринадцать медальончиков (восьмиконечный крест и 12 гербов земель, вокруг каждого из которых надпись). Вокруг орла идет надпись (дается нами в развернутом виде): *Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великии князь Иван Васильевич Всея Русии Владимерскии Московскии*; продолжение надписи по краю печати: *Ноугородцкий царь Казанский царь Астороханский государь Псковскии и великии князь Смоленскии*

К предистории идеи «Москва – Третий Рим» // Культурное наследие древней Руси, с. 111–116.

44 Об изменении в царской титулатуре см. *Д. Линд* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны //Архив русской истории, 5, 1994, с. 208–209.

45 См. *Stökl* Testament, табл. 1–6 (экземпляры 1583 г.); Jacob Ulfeldts Rejse i Rusland 1578: Jacobi Nobilis Dani Hodoeporicon Ruthenicum / Ed. K.Rasmussen. Roskilde, 1978, с. 14 (экземпляр 1578 г.); *J.H. Lind* Ivan IV's Great State Seal and his Use of Some Heraldic Symbols during the Livonian War // JGO, 33, 1985, с. 488, табл. 1–2 (экземпляр 1583 г.). Распространенная в литературе точка зрения о имеющихся якобы различиях в сохранившихся экземплярах (в частности *Соболева* Геральдика, с. 213, 221) основана на ошибках в прорисовке печати 1583 г., опубликованной Т. Бюлером, см. *Линд* Большая государственная печать, с. 205–206; ср. Снимки, табл. 18–19. Достоин внимания и тот факт, что эта печать использовалась в период правления Дмитрия I Самозванца, см. СГГД. Т. 2. Москва, 1819. № 95, 99, 102, 104; ср. *Соболева* Геральдика, с. 220.

Тверскии Югорскии Пермьскии Вятцкии Болгарскии и иных государь и великий князь Новагорода Низовския земли Черниговскии. Медальоны с гербами наделены собственными надписями: *печать наместника Великого Новагорода, печать Казанскаго, печать царства Осторохапскаго, печать Псковская, печать великого княжества Смоленского, печать великаго княжества Тверского, печать Болгарская, печать Новагорода Низовския земли, печать Черниговская* (илл. 1). На ее оборотной стороне посередине такой же орел с короной и изображением единорога на груди, а также – аналогично – 13 медальонов (крест + 12 гербов земель с надписями). Вокруг орла продолжение царской титулатуры: *Рязанскии Полотьцкии Ростовскии Ярославскии Белоозерскии и господарь отчинны.* Продолжение по краю печати: *земли Лифлянския немецкого чину Удорскии Обдорски Кондинскии и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель и иных многих земель государь и обладатель.* Медальоны с гербами также сопровождены круговыми надписями: *печать Рязанская, печать Полотцкая, печать Ростовская, печать Ярославская, печать Белозерская, печать Удорская, печать Обдорская, печать Кондинская, печать Сибирская, печать арфибископа Рижскаго, печать магистра Лифлянския земли, печать города Кеси* (илл. 2)[46].

Особенностью печати является порядок размещения гербовых медальонов, ибо для того, чтобы получить эффект максимального его совпадения с титулатурой царя, следует читать попеременно: на первом уровне слева направо, на втором – справа налево и т.д.[47].

---

46 Верное прочтение надписи см. *Линд* Большая государственная печать, с. 202, 206–207; ср. *Lind* Great State Seal, с. 484 и табл. 2. Попытка иного размещения титулатуры на лицевой стороне печати (*[...] господарь отчины Удорскии Обдорскии Кондинскии и иных и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель и господарь земли Лифлянския и иных*, см. *Stökl* Testament, с. 43; *Соболева* Русские печати, с. 221) совершенно очевидно противоречит форме титулатуры Ивана IV того времени, которая хорошо засвидетельствована дипломатическим материалом, см. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Швецией 1569–1586. СПб., 1910, с. 355–356, 390. (СбИРИО 129); ср. *Щербачев* Датский архив, № 409, с. 111). Композиция печати не может служить основанием для ее трактовки как «Majestätssiegel» Ивана IV (так – *Hellmann* Moskau und Byzanz, с. 337–338), ср. *Stökl* Testament, с. 41. Не имеющий аналогов в более раннем русском материале сюжет венца из гербов, совершенно очевидно заимствованный из западноевропейской геральдики, своим развитием в России обязан внешнему сходству с применяемым в иконописи принципом «клейм», см. *Stökl* Testament, с. 54; ср. *Соболева* Геральдика, с. 159–160. О программе печати подробнее см. *Stökl* Testament, с. 414–469; ср. *Соболева, Артамонов* Символы, с. 26–32.

47 *Stökl* Testament, с. 43; *Линд* Большая государственная печать, с. 203. Отмеченное Линдом расхождение между размещенной в круговой надписи титулатурой царя и предполагаемым ритмом земских печатей, появляющееся на оборотной стороне печати после предиката *Белоозерский*, казалось бы, должно подтверждать как бы in statu nascendi изменения, происходившие тогда в порядке перечисления титулов царя: насколько круговая надпись совпадает с титулатурой, используемой царской канцелярией на рубеже 70-х и 80-х годов (см. СбИРИО, т. 129, с. 355–356; 390), настолько порядок земских

Помещение герба Полоцка на большой печати Ивана IV заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. Во-первых, несмотря на то, что царь завладел этим важным центром 9 февраля 1563 года, а присутствие в его титулатуре предиката *полотцкий* подтверждено уже 24 февраля того же года[48], рассматриваемый памятник является наиболее ранним свидетельством демонстрирования в московской государственной сфрагистике этого территориального приобретения. Во-вторых, эта *Печать Полотцкая*, которую можно найти на царских буллах 1578 и 1583 годов, есть не что иное, как геральдический знак, называемый обычно *Колюмны* или – менее точно – *Столбы Гедимина* (илл. 3)[49].

Замена в царской канцелярии традиционного герба полоцкой земли – всадник с поднятым мечом (Погоня) – изображением династического знака Гедиминовичей должна вызывать удивление. Операцию эту невозможно воспринимать в категориях «ошибка», «случайность» – выбору герба, вне всякого сомнения, должно было бы предшествовать соответствующее политическое решение. Трудно согласиться с мнением Н.Соболевой, которая полагает, что герб Гедиминов был использован ради иллюстрации «принадлежности к Литве» завоеванной территории[50]. Изучение относящихся к этому времени московских источников,

---

печатей отчетливо обращен к ее более раннему виду (см. СбИРИО, т. 71, с. 724 – документ о перемирии с Польшей от 20 июня 1570 г.).

48 См. СбИРИО, т. 71, с. 125 (письмо Боярской думы к Литовской раде); более поздним временем датирует это изменение Линд, ссылаясь на шведско-русский договор сентября 1564 года; вместе с тем следует согласиться с выводом этого исследователя, что предикат *полотцкий* заменил утратившие в условиях того времени реальное политическое содержание предикаты *Волоцкий, Ржевский, Бельский*, см. *Линд* Большая государственная печать, с. 208–209.

49 Ср. Снимки, табл. 19; *Stökl* Testament, табл. 2, 6; *Линд* Большая государственная печать, табл. 2. Этот герб известен также под другими названиями «Три столба» (*Trzy słupy*), «Врата столбовые» (*Wrota słupowe*) или «Брама», см. *S.M. Kuczyński* Polskie herby ziemskie: Geneza, treść, funkcje. Warszawa, 1993, c. 39. О происхождении и применении герба см. *R. Kiersnowski* Najdawniejsze monety litewskie // Wiadomości Numizmatyczne, 28, 1985, №. 3–4, c. 154–155;*R. Kiersnowski* Godła jagiellońskie // Wiadomości Numizmatyczne, 32, 1988, № 1–2, c. 2–10.

50 См. *Н.А. Соболева* О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. Москва, 1982, с. 182; *Соболева* Русские печати, с. 213– 214. Средневековый материал не дает представления о гербе Полоцка того времени, см. *Н.П. Лихачев* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Ленинград, 1930, с. 18; ср. *А.Л. Хорошкевич* Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // ВИД, 4, 1972, с. 128–146. О развитии герба Полоцка в российской сфрагистике см. *Соболева* Геральдика, с. 198–199; ср. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное Собрание Законов с 1649 по 1900 год / Сост. П.П. фон Винклер. СПб., 1899, с. 121. В геральдике Речи Посполитой гербом города Полоцка был ковчег, см. *А. Цітоў* Гарадская гералдыка Беларусі. Минск, 1989, с. 166–169, а гербом полоцкого воеводства – Погоня (всадник с поднятым мечом); согласно описанию Каспара Несецкого, он был размещен на серебряном поле, ср. *Kuczyński* Polskie herby ziemskie, с. 99, 113; по свидетельству А. Гваньини, земская хоругвь, присутствовавшая на погребении Сигизмунда II Августа, имела изображение всадника

BSB

и летописных и дипломатических, не оставляет в этом вопросе и тени сомнения – Полоцк это отчина московских Рюриковичей. Мотив вековых связей города над Полотой с русской родиной-матерью столь же щедро применяла церковная пропаганда, рассматривавшая военные действия в категориях реконкисты православия[51].

В свете этой риторики становится очевидным, что наделение «вновь обретенного» Полоцка новым гербом, идентичным в то же время с гербом враждебной династии, имело конкретную политическую цель. Представляется, что есть достаточно предпосылок, чтобы выявить доктринальные мотивы этого акта. Использование царской канцелярией мотива *Колюмн*, выполнявших в монархии Ягеллонов роль герба Великого княжества Литовского или Великого Князя, олицетворяющего это государство[52], предстанет весомым элементом глубоко продуманной пропагандистской акции, рассчитанной на доказательство прав московского государя на владение всей Литвой. Программа эта была обращена к запечатленному в летописи преданию о происхождении Гедимина от одного из сыновей полоцкого князя Рогволода-Давида, изгнанного из родной земли киевским правителем Мстиславом Владимировичем, которого литовцы пригласили, якобы, на виленский престол[53].

с поднятым мечом на красном полотнище, см. *Kuczyński* Polskie herby ziemskie, c. 190; а в *Описи повятов Великого княжества Литовского и их правителей*, составленной для виленского сейма 1566–1567 гг., записано, что это была *хоругвь сикоража* (синяя? – H.G.) *в белом поле герб* (определенно Погоня), см. *М. Любавский* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. Москва, 1900, док. № 79, с. 229, ср. *Kuczyński* Polskie herby ziemskie, c. 221.

51 См. ПСРЛ. Т. 13, с. 358 (*И говорит им Государь, что он пришел к прародителей и к своей отчине к Полотцку [...] и ныне нам Бог милосердие свое свыше даровал, прародителей наших отчину нашу город Полотеск нам в руки дал*), 359–363; ср. ПСРЛ, т. 29, с. 312–315, 319–320. Сюжет московских притязаний на полоцкую землю появился в дипломатических переговорах задолго до начала Ливонской войны, см. СбИРИО, т. 59, с. 79 (1536 г.), 155 (1542 г.), 277 (1549 г.), 396 (1553 г.), 572, 575 (1559 г.); т. 71, с. 42 (1561 г.). Позицию церковной иерархии в этом вопросе отражают уже упоминавшееся послание новгородского архиепископа Пимена к Ивану IV (см. ПСРЛ, т. 13, с. 350–353; ПСРЛ, т. 29, с. 306) а также благословение, которым приветствовал в полоцком кафедральном соборе коломенский епископ Варлаам царя, одержавшего победу: *радуйся и здравствуй православный государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец на своей отчине и дедине града Полотцска на многие лета*, см. ПСРЛ, т. 13, с. 359–360.

52 См. *Kiersnowski* Godła jagiellońskie, c. 4–6; ср. *Kuczyński* Polskie herby ziemskie, c. 39.

53 См. ПСРЛ. Т. 7 (Воскресенская летопись). СПб., 1856, с. 253; ср. *M.E. Byczkowa* Legenda o pochodzeniu wielkich książąt litewskich: Redakcje moskiewskie z końca XV i XVI wieku // Studia Źródłoznawcze, 20, 1976, c. 188–189; *М.Е. Бычкова* Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. Москва, 1974, с. 369–370. У истоков этой совершенно фантастической генеалогии Гедиминовичей стояло сообщение летописи о ссылке в 1129 г. полоцких

BSB

Значимость роли такого родословия Гедиминовичей для московской политической доктрины 60-х и 70-х годов XVI в. сомнений не вызывает[54]. Боярская дума использовала его в своем послании Раде Господарской (ноябрь 1562 г.), утверждая, что *литовская земля вся вотчина Государя нашего*[55]. Легенду эту использовал также и сам царь Иван IV в послании к Сигизмунду Августу от 15 июля 1567 г., официально направленном от имени князя Михаила Ивановича Воротынского[56]. Признание Гедиминовичей, а стало быть и Ягеллонов, потомками русских князей-изгоев давало нужные аргументы для значительного расширения территориальных притязаний Москвы: «наследием Рюрика» с этого времени становилась не только Русь Литовская, но вся территория Великого княжества. В конце 70-х годов, то есть с того времени, к которому относятся все известные оттиски большой печати, эта теория приобрела новое содержание: Иван IV использовал ее для обоснования своих мнимых прав на наследство Ягеллонов, распространив их также и на Корону Польскую. Эти стремления от имени царя огласила Боярская дума, отрицавшая во время переговоров с послами Стефана Батория законность его восхождения на престол Речи Посполитой: *Корона Польская и Великое Княжество Литовское наша вотчина, что того роду не осталось никого*. Иван IV, подчеркивая при посредничестве своих дипломатов мнимое родство Рюриковичей и Ягеллонов (*по коленству братия*), противопоставлял свои естественные права правам семиградского (трансильванского)

князей в Византию, см. ПСРЛ. Т. 1 (Ипатьевская летопись). СПб., 1908, стб. 293, ср. ПСРЛ, т. 7, с. 28–29. Подробнее об этом эпизоде см. *М.В. Левченко* Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва, 1956, с. 477–478; ср. *H. Grala* Rurykowicze na Bałkanach w XII i XIII wieku // Balcanica Posnaniensia, 4, 1989, с. 132–133. Легенда о происхождении литовской династии от Рогволодовичей полоцких заняла в начале 40-х годов XVI с. место ранее распространенного предания о Гедимине – «рабе и конюхе» князя Витенеса, потомка смоленских Рюриковичей, ср. *Дмитриева* Сказание, с. 201. Отказ официальных источников от такой оскорбительной генеалогии следует связывать с растущим влиянием при московском дворе выходцев из Великого княжества Литовского, среди которых были и Гедиминовичи (в частности, Мстиславские и Бельские), см. *Byczkowa* Legenda, с. 189, 198; *Бычкова* Отдельные моменты, с. 236; ср. *М.Е. Бычкова* Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство в феодальной России. Москва, 1975, с. 134–140. См. также *D.M. Goldfrank* The Lithanian Monk-Prince Vojselk: A Study of Competing Legends // HUS, 11, 1987, № 1–2, с. 63–67.

54 *Б.Н. Флоря* Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Сборник статей. Москва, 1978, с. 320–328; *Б.Н. Флоря* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. Москва, 1978, с. 19–20.

55 СбИРИО, т. 71, с. 108; ср. *Флоря* Родословие, с. 326–327.

56 Ср. Послания Ивана Грозного / Подгот. Д.С. Лихачев и Я.С. Лурье. Москва, Ленинград, 1951, с. 260; СбИРИО, т. 71, с. 509.

воеводы, избранного польским королем (*тем землям не вотчич*)[57]. Таким образом, представляется весьма вероятным, что гербу Полоцка – предполагаемой колыбели Гедиминовичей – выпала на большой печати Ивана IV особая роль: благодаря хорошо продуманной геральдической мистификации, он выступал pars pro toto Великого княжества Литовского, легитимируя притязания царя.

Особым вопросом остаются геральдические источники выполнения царского гравера. Сомнительно, чтобы это была литовская государственная сфрагистика, поскольку *Колюмны*, отсутствующие на печатях Ягеллонов, получили распространение лишь в эпоху Стефана Батория[58]. Более вероятно, что при подготовке большой печати Ивана IV использован был другой – всем доступный – образец: литовские монеты. Сюжет *Колюмн* присутствовал на всех монетах, чеканенных в период правления двух последних Ягеллонов. Особенно отчетливо его роль проявилась во времена Сигизмунда II Августа. *Колюмны*, объединенные с Погонью или выступавшие как самостоятельный элемент штампа монет в полденара, они выполняли функцию династического герба Ягеллонов. Это хорошо иллюстрируют гроши с изображением только *Колюмн* и королевского инициала *SA*[59].

Гипотезу о нумизматическом происхождении герба Полоцка подтверждает композиция *печати арфибискупа рижского* на оборотной стороне той же самой большой печати Ивана IV. Эта геральдическая комбинация, составленная из архиерейских атрибутов (крест и посох) и герба кафедрального капитула (лилия), не обнаруживает какого-либо сходства с подлинной печатью архиепископа, зато точно повторяет композицию герба на шиллингах архиепископа рижского Вильгельма (1539–1563).[60]

Приведенные случаи не исчерпывают список неточностей в геральдических изображениях на большой царской печати: мнимая печать *магистра Лифлянския*

---

57 См. *Флоря* Родословие, с. 325–327. По мнению Ивана IV и речи не могло быть о равноправии между наследственной монархией и выборной, что подтверждает его язвительная фраза из послания Стефану Баторию (1581 г.): *царь и великий князь всея Руси [...] по Божью изволению, а не по многомятежному человечества хотению* (Послания Ивана Грозного, с. 213). Критическое суждение о государственном устройстве Литвы высказал царь и Сигизмунду II Августу: *ино потому Ты своим паном и послушен, что есте не коренные государи* (Послания Ивана Грозного, с. 260).

58 См. *M. Gumowski* Pieczęcie królów polskich. Kraków, 1910. N 68 (литовская большая печать 1581 г.); ср. *Kuczyński* Polskie herby ziemski, с. 128. Литовские аналоги, приведенные в исследовании Штёкля, относятся к более позднему времени, см. *Stökl* Testament, с. 59. О появлении герба с *Колюмнами* в сфрагистике Речи Посполитой см. *Kuczyński* Polskie herby ziemski, с. 127–132.

59 См. *F. Białkowski, T. Szweycer* Monety ostatnich Jagiellonow. Warszawa, 1975, с. 162–168 (N 178–190), 197 (N 268–271), 208–209 (N 333–335); ср. *Kiersnowski* Godła jagiellońskie, с. 127–132.

60 См. *Stökl* Testament, с. 60; там же воспроизведение рижских шиллингов (табл. 38).

земли использует сюжет родового герба Вильгельма Фюрстенберга, предпоследнего магистра Ливонского ордена, умершего в московском плену (1568 г.)[61].

В московской государственной сфрагистике эпохи Ивана IV утилитарное, отмеченное далеко идущей произвольностью использование геральдических символов в политических целях не было делом редким. Случай с *Колюмнами* Ягеллонов перекликается с сюжетом медведя на печати новгородского наместника, игравшей важную роль в контактах со Швецией. Решение о создании особой печати для этого сановника, принятое царем 1 сентября 1565 г., определяло в деталях ее внешний вид и предназначение[62].

Программа печати значительно отличалась от новгородской традиции: на ней вместо льва появился медведь. Не вызывает сомнений, что именно царский указ инспирировал эти изменения, ибо еще в 1561 г. новгородский наместник пользовался печатью с изображением льва. Согласно убедительным выводам Д. Линда, образцом для нового символа стал *Ursus Finlandicus* принца Юхана Вазы (будущего шведского короля Юхана III), стремившегося к подчинению Ливонии. Новая наместническая печать отражала таким образом основополагающий принцип московской политической доктрины: демонстрировать неотъемлемость прав Ивана IV относительно *искони вечной царевой и великого князя вотчины Вифланской земли*. Включение герба соседнего княжества в символику печати царского наместника являлось для Ваз грозным напоминанием, ставило под вопрос их суверенность не только на спорных территориях, но и на землях, традиционно связанных со шведской короной[63]. Имперские замыслы московского государя в отношении соседа полностью материализировались в объявленном шведским послам в январе 1572 года требовании: *Ягану ж царского величества титла написати, да свейским в титлах государских написати по царского величества*

---

61 *Stökl* Testament, c. 59–60 (ср. табл. 37); *Соболева* Русские печати, с. 213–214; следует подчеркнуть, что такой бесцеремонный подход к геральдическому материалу не был для канцелярии Ивана IV явлением уникальным: в упоминаемой ранее печати юрьевского воеводы помещены, как *герб магистра ливонского* и *герб юрьевского бискупа*, печати ландмаршала Ливонского ордена и города Дерпта, см. *Stökl* Testament, с. 60–61.

62 ПСРЛ, т. 13, с. 398; см. *Соболева* Русские печати, с. 155–156, 196–197; ср. *Lind* Great State Seal, с. 485–490 и *Линд* Большая государственная печать, с. 210–221.

63 См. *Lind* Great State Seal, с. 481–494; *J. Lind* Ryssesablen, «Finlands Bjørn», Novgorods Løve samt nogle fisk: En strid på våben // Hisstorisk tidskrift för Finland, 68, 1983, с. 373–393; *Линд* Большая государственная печать, с. 213–215; см. также *Соболева* Русские печати, с. 212–213; О традициях новгородской сфрагистики см. *И.Е. Клейненберг* «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в. // ВИД, 2, 1969, с. 176–190; *Н.Г. Порфиридов* Новгородская «вечевая печать» // ВИД, 2, с. 190–198; ср. *Stökl* Testament, с. 56–58; *Соболева* Русские печати, с. 212–213; о виде наместнической печати до 1565 г. см. *Lind* Great State Seal, с. 486–487 (ср. там же, илл. 5; *Линд* Большая государственная печать, с. 212–213. О влиянии шведско-московского соперничества на развитие земских гербов в государстве Ваз см. *K. Pipping, L. Tengström* Huset Vasa, Jagellonerna och Ivan IV Vasiljevitj: Några hypoteser om de Svenska landskapsvapriens uppkomst // Historisk Tidsskrift, 1984, okt., с. 107–139.

указу. Да прислати образец герб свейской, чтоб тот герб в царского величества печати был[64].

Деятельность московской канцелярии по приведению царских печатей в соответствие с требованиями державной доктрины в немалой степени были продиктованы особым вниманием монарха к вопросам дипломатического протокола. Значение, которое придавал Иван IV виду государственной печати, нашло отражение в саркастической реплике царя в послании английской королеве Елизавете I (1570 г.), осуждавшей типичное для канцелярии Тюдоров многообразие печатей[65].

В свете этих наблюдений тезис о политической обусловленности замены полоцкого герба представляется полностью обоснованным. *Колюмны,* наравне с помещенными на большой печати Ивана IV ливонскими «гербами» и символом медведя на печати новгородского наместника (повторенным и на рассматриваемой большой печати), отражали огромнейшие амбиции российского монарха. Большая печать пропагировала не только концепцию Ивана IV о царской власти, но и его взгляды на пределы московской империи[66].

С точки зрения геральдической композиции новая печать продолжала многолетние усилия московской политической знати, направленные на то, чтобы доказать исторические права *государя всея Руси* на соседние территории. Масштаб и интенсивность этих начинаний не могут не вызывать уважения. Заботясь о надлежащем обосновании очередных завоеваний, российские дипломаты и их советники-книжники не чувствовали себя связанными существующими источниками. Результатом этой деятельности стал ряд совершенно фантастических теорий. Почетное место занимает в нем отождествление хорошо известной русским летописям средневековой Тмутаракани с Астраханью. Отождествление этих двух в действительности совершенно разных центров (Тмутаракань находилась на Таманском полуострове) позволило царю выступить с претензиями на *отчину* Владимира Святого и Мстислава Храброго, якобы отобранную у Руси Большой Ордой. Подобный характер имело официальное толкование царских прав на Казань, корни которых уходят якобы в эпоху Рюрика[67]. Исторические аргументы были выдвинуты и в ливонском вопросе: московские дипломаты ссылались на покорение этих земель Ярославом Мудрым, подкрепляли закон-

---

64 СбИРИО, т. 129, с. 213. Взгляды Ивана IV на суверенность шведской монархии были им четко изложены в двух посланиях королю Юхану III в 1572–1573 гг. См. Послания Ивана Грозного, с. 144–161.

65 *А сколько грамот и приходило по ся места, а ни у одной грамоты чтоб печать была одна. У всех грамот печати розные. И то не государским обычаем, а таким грамотам во всех государствах не верят. У государей в государстве живет печать одна* (Послания Ивана Грозного, с. 140).

66 Ср. *Stökl* Testament, с. 41–43.

67 См. ПСРЛ, т. 13, с. 235–236. ПСРЛ, т. 20. Вып. 2 (Степенная книга). СПб., 1914, с. 544–545; 556–557; ПСРЛ, т. 29, с. 225; ср. *Pelensky* Russia and Kazan', с. 92–96, 115–124.

ность притязаний Москвы тезисом об извечности «юрьевской дани»[68]. Особой проблемой был регулярно поднимаемый в территориальных спорах с государством Ягеллонов вопрос о «наследстве Рюриковичей»[69]. Великодержавные традиции Киевской Руси переплетались в российской государственной доктрине с усиленным подчеркиванием императорских корней московской династии. Вывод о происхождении царя от Октавиана Августа, а также легенда о передаче царственных регалий Владимиру Мономаху византийским императором оставались главными аргументами царских дипломатов в переговорах с политиками польско-литовского государства[70].

Датировка рассматриваемой печати вызвала серьезные разногласия. Наряду с позицией, согласно которой именно включение в символику печати герба полоцкой земли и использование в титулатуре царя эпитета *Полотцкий* говорят о том, что печать была создана в середине 60-х годов (t.p.q. определяет взятие Иваном IV города над Полотой в феврале 1563 г.)[71], появилась и другая, датирующая печать временем между сентябрем 1577 г. и октябрем 1578 г. Эта версия, построенная на анализе подбора и размещения отдельных земских гербов, требует дополнительной проверки; тем не менее, поднятое ее сторонниками молчание официальной царской летописи на тему новой большой печати – а ведь этот источник скрупулезно фиксировал все нововведения в государственную сфрагистику – позволяет вынести это событие за последнюю грань летописи (летописное изложение обрывается на событиях августа 1567 года)[72]. Анализ печати 1578 г. показывает, что царская канцелярия старалась быстро приспособить ее вид к новым политическим реалиям[73].

---

68 Сюжет наследия Ярослава, см. СбИРИО, т. 71, с. 107, 109, 216, 232, 374–375, 532, 650, 710. О дерптской дани см. *И.И. Юренс* Вопрос о ливонской дани // Варшавские университетские известия, 1913, № 6–9, с. 1–57; *И.П. Шаскольский* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. Москва, 1961, с. 380–382; 286–388; ср. *Н.А. Казакова* Русь и Ливония 60-х – начала 90-х годов XV в. // Международные связи России, с. 321–323.

69 *Pelensky* Russia and Kazan', с. 113–117; *J. Pelensky* The Origins of the Official Muscovite Claims to the «Kievan Inheritance» // HUS, 1, 1977, № 1, с. 29–52; ср. *F. Koneczny* Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej // Ateneum Wileńskie, 3, 1926, с. 193–264.

70 См. в частности СбИРИ, т. 59, с. 287, 292, 308–309; 312–314; ср. Послания Ивана Грозного, с. 260; об использовании этой традиции в дипломатической деятельности см. *Дмитриева* Сказание, с. 135–151; ср. *J. Pelensky* The Emergence of the Muscovite Claims to the Byzantine-Kievan «Imperial Inheritance» // HUS, 7, 1983, с. 520–531.

71 *Stökl* Testament, с. 68–69.

72 См. *Соболева* О датировке, с. 179–186; *Соболева* Русские печати, с. 213–214; весомые аргументы в пользу несколько иной датировки (июнь 1577 – август 1578 г.) выдвинул *Lind* Great State Seal, с. 483–485; см. также *Линд* Большая государственная печать, с. 208–209.

73 На печати 1578 г. оказалась эмблема взятого царскими войсками в сентябре 1577 года г. Вендена с надписью *печать города Кеси*, см. *Линд* Большая государственная печать, с. 205–206. Распространенная в историографии точка зрения о том, что после того, как в октябре 1577 г. город был отбит литовцами, легенду вокруг названного герба замени-

Это обстоятельство делает обоснованным постановку вопроса: возможно ли, чтобы между 1562 г. и 1578 г. в царской канцелярии не появилась новая печать как связующее звено между выше рассмотренными памятниками российской государственой сфрагистики? Замена или по крайней мере частичное изменение большой печати были бы целесообразной операцией и после победы 1563 года, которую тотчас же использовали в государственной доктрине, расширив царскую титулатуру эпитетом *Полотцкий*[74], и после значительных успехов в Ливонии.

Такую догадку подкрепляет и усиление роли печатей в деятельности царской дипломатии 60-х годов, что проявилось в увеличении числа официальных печатей на две наместнические печати. Десятилетие (1561–1570 гг.) канцлерской деятельности Ивана Висковатого в итоге принесло четыре новых печати: малую 1561 года, большую 1562 г., ливонского наместника 1564 г. и новгородского наместника 1565 г. Вне всякого сомнения создание этих печатей – важный этап процесса формирования новой большой печати, известной нам с 1578 года. Значительный временной интервал, разделявший сложение этих печатей и появление новой версии самой важной государственной печати, позволяет допускать, что между ними могла существовать еще одна – не сохранившаяся – большая царская печать, программа которой должна была бы отражать метаморфозы имперской доктрины и демонстрировать успехи российской монархии.

Эту гипотезу отнюдь не подрывает описанный Н. Лихачевым случай использования печати 1562 года в качестве большой печати при датированной 30 марта 1570 г. жалованной грамоте для царского капера Карстена Роде. Сам факт, что в немецком тексте документа присутствует формулировка … *unsere besthallung mith unsernn keiserlichenn grossen maj. siegel zu festhigen befolen*, по существу еще ни о чем не говорит. Параллельный русский текст привилея содержит иную формулировку: *на утверждение своего царского величества велели есмя свою царскую печать приложити*. Формулировка *grossen maj.* вовсе не определяет ранга печати, а всего лишь является переводом важной части титулатуры Ивана IV – *величество*[75]. Использование названной печати для утверждения царской привилегии для чужеземного пирата, а спустя два года и жалованной грамоты для новгородского архиепископа Леонида (1572 г.), разительно отличается от других случаев применения большой печати в эпоху Ивана IV. Представляется, что она была инструментом царской канцелярии в делах международной поли-

---

ли надписью *печать города Ревале* (см. *Stökl* Testament, с. 60. *Соболева* О датировке, с. 183–184; *Соболева* Русские печати, с. 213) опирается на ошибочное прочтение надписи печати, см. *Линд* Большая государственная печать, с. 203–206, 209–210.

74 См. ПСРЛ, т. 13, с. 331; ср. *J. Natanson Leski* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej Polskiej. Cz. 1. Granica wschodnia w epoce Jagiellońskiej. Lwów, Warszawa, 1922, с. 163; *Линд* Большая государственная печать, с. 209.

75 Ср. *Лихачев* Дело, с. 268.

BSB

тики, а во внутренних делах даже для утверждения актов высокого ранга – достаточно было малой печати[76].

Смена большой печати или хотя бы частичное ее изменение – дело серьезное, требующее времени. Казус царской печати 1554 года, легенда которой обходит молчанием огромные территориальные завоевания последних лет (Казань – 1552 г.), убедительно это подтверждает; тем не менее эти приобретения наряду с Астраханью (1556 г.), Сибирью и Ливонией (1558 г.) на большой печати были учтены уже в 1562 году[77].

В связи с этим естественное удивление вызывает сдержанность Москвы в демонстрировании при помощи государственной сфрагистики новых успехов: присоединение Полоцка (1563 г.), создание ленного «Ливонского королевства» под скипетром царского вассала – датского принца Магнуса (1570 г.), завоевания в Эстонии (1571–1572 гг.). Учитывая цитированные ранее заявления из посланий 1562 и 1567 гг. Боярской думы к литовским сановникам, следовало ожидать более быстрой, а не через 15 лет, публичной демонстрации первого успеха в осуществлении претензии на «ливонское наследие Рюриковичей»[78]. Сомнения эти подтверждаются и свидетельствами источников; ведь уже в 1572 году царь требовал прислать ему образец герба Швеции, поскольку намерен был поместить его изображение на своей печати[79].

Эти притязания вызвали резкий протест шведского короля, который упрекнул Ивана IV в присвоении императорских прерогатив, и одновременно дал понять, что с таким же успехом он и сам мог бы включить царский герб в свою собственную печать. Ответ Юхана III вызвал очередное (6 января 1573 г.), весьма оскорбительное послание Ивана IV, в котором московский государь высмеивал происхождение оппонента и его стремления, жестко подчеркивал преемственный характер своей печати[80]. На основании этого можно сделать вывод, что уже в начале 70-х годов царь или уже мог иметь печать, включавшую гербы отдельных провинций и вассальных территорий, или же предпринимал энергичные усилия по подготовке таковой[81]. В историографии уже отмечалась очевидная

---

76 Ср. *Лихачев* Дело, с. 246–251, 264–269; Появление новой большой печати не означало изъятия из канцелярской практики ее предшественницы. Печать 1562 года со временем превратилась в среднюю печать, см. там же, с. 268–269.

77 См. прим. 16; ср. также прим. 17 (печать 1556 г.).

78 См. выше, с. 17.

79 См. выше, с. 19; ср. *Соболева* Русские печати, с. 215; *Линд* Большая государственная печать, с. 222–223.

80 СбИРИО, т. 129, с. 238: *А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся*, см. *Линд* Большая государственная печать, с. 223.

81 Точка зрения, что импульс к таким начинаниям могли дать трудные переговоры с Юханом III в 1575 году (см. *Линд* Большая государственная печать, с. 224), грешит известным «шведоцентризмом», поскольку в политических представлениях царя и его окружения Швеция занимала весьма скромное место.

связь между ливонскими геральдическими сюжетами на рассматриваемой печати и содержимым одного из ящиков царского архива (опись 1572 – 1575 гг.)[82]. Вывод, что в данном случае мы имеем дело с коллекцией сфрагистического материала, собранного с мыслью о содержании будущей царской печати, справедлив со многих точек зрения, но требует уточнения датировка. Эту подготовительную работу следует связать не со временем, когда составлялась опись, а с периодом руководства Посольским приказом и царским архивом дьяка Андрея Васильева (1562–1570), с чем, впрочем, хорошо соотносится хронология этого сфрагистического материала[83]. Таким образом, представляется весьма вероятным, что подготовка смены большой царской печати была начата еще в период канцлерства Висковатого, которому Васильев фактически был подчинен; возможно, что именно драматический конец печатника повлиял на приостановку этих работ[84]. Рост ливонского конфликта в первой половине 70-х годов способствовало их продолжению: итогом этих усилий стала новая большая печать, которая, впрочем, носила определенные следы спешки в виде заметного расхождения между круговой надписью царской титулатуры, устоявшейся в московской дипломатии уже в начале 70-х годов, и порядком размещения земельных гербов, который в гораздо большей степени отвечал нуждам царской канцелярии конца этого и начала следующего десятилетия[85].

---

82 *Зимин* Государственный архив, ч. 1, с. 86: *ящик 202* [...] ; *в том ящике печать юрьевская да мистра Виелима Феритенберхова печать Вельянская: и ефимки и полуефимки, и пенези, которыми торговали в Юрьеве немцы*: ср. *Линд* Большая государственная печать, с. 203.

83 См. *Зимин* Государственный архив, ч. 3, с. 547. О деятельности Васильева см. Дьяки и подьячие Посольского приказа XVI века: Справочник / Сост. В.И. Савва. Вып. 1. Москва, 1983, с. 137–156; ср. *Шмидт* Российское государство, с. 33–37.

84 О характере отношений между Висковатым и Васильевым см. *Граля* Иван Михайлов Висковатый, с. 276–279. Стоит отметить, что в царском архиве, среди поступлений, связанных с деятельностью Висковатого, числилась какая-то точно неопределенная *большая печать*, см. *Зимин* Государственный архив, ч. 1, с. 71: ср. *Шмидт* Российское государство, с. 158.

85 См. прим. 73; ср. титулатуру Ивана IV в письме к Юхану III Вазе от августа 1572 г.; см. Послания Ивана Грозного, с. 144.

BSB

Иллюстрация 1

BSB

Иллюстрация 2

BSB

Иллюстрация 3

BSB

Б.Н. Флоря

С. Немоевский о Русском государстве и обществе XVI – начала XVII вв.

Одним из важных проявлений культурного расцвета Польши в эпоху Возрождения было быстрое развитие историко-географических знаний. В условиях, когда Россия была с конца XV в. одним из государств, входивших в орбиту постоянного внимания политической элиты польского общества, можно было бы ожидать, что именно Польша станет основным источником сведений о России для Западной Европы этого времени. В определенной мере так оно и было. Одним из первых научных сочинений, знакомивших западноевропейскую научную элиту с далекой *Московией* стал, как известно, знаменитый *Трактат о двух Сарматиях* Матвея Меховского. Однако этот трактат, обогативший европейскую науку новыми сведениями о географии Восточной Европы, содержал весьма мало сведений о социально-политическом строе и общественной жизни русского государства. Хотя, как видно из отдельных замечаний автора, он понимал, что порядки в *Московии* сильно отличаются от порядков в его собственном государстве, у него явно отсутствовало желание изучить русский общественный строй и понять, как он функционирует.

Позднее, в середине XVI в., образованные представители польской интеллектуальной элиты, такие, как Мартин Кромер, черпали нужные сведения о *Московии* из знаменитого сочинения австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна. Законченное в 1578 г. *Описание Европейской Сарматии* Александра Гваньини рисует картину во многом схожую с сочинением Меховского: обилие географических данных и очень скупые сведения об общественном строе Русского государства. Скупость этих сведений в последнем случае особенно бросается в глаза, если учесть, что обширный раздел своего сочинения автор посвятил описанию «тирании» Ивана IV: заимствованные у Шлихтинга подробные описания казней не сопровождаются сколько-нибудь развернутой характеристикой самих способов правления *Московией*. Насколько мало интересовал элиту польского общества социально-политический строй России, наглядно показывает неоднократно встречающееся в польских текстах XVI в. утверждение (его повторяет и Немоевский), что в Русском государстве нет писаных законов[1]. На фоне этой традиции, как яркое и блистательное исключение выступают *Записки* Станислава Немоевского.

---

1 Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego (1606–1608) / Wyd. A. Hirschberg. Lwów, 1899, c. 168.

BSB

Записки С. Немоевского давно оценены по достоинству исследователями истории «Смуты», черпавшими из них богатую информацию о событиях, происходивших в России в 1606–1608 гг. Представляется, однако, что до сих пор не оценены по достоинству некоторые особенности этого источника, заметно выделяющие его на общем фоне прочих польских сочинений о «Смуте», хотя на эти особенности справедливо обращал внимание уже издатель *Записок* А. Хиршберг.

Уже заголовок первой редакции *Записок*, завершенной в январе 1607 г., показывает, что образованный польский шляхтич, начавший успешно свою карьеру при королевском дворе, взялся отвезти в Москву на продажу драгоценности королевы Анны, сестры Сигизмунда III, преследуя честолюбивую цель – написать такое всестороннее описание России, которое могло бы отодвинуть в тень знаменитые *Записки* С. Герберштейна[2]. В Москве весной 1606 г. С. Немоевский оказался в благоприятных условиях для выполнения этой задачи. Лжедмитрий I покровительствовал полякам, в его окружении были польские секретари, располагавшие обширными знаниями о разных сторонах жизни Русского государства[3]. В этой ситуации С. Немоевский сумел довольно быстро составить тексты о нравах и обычаях русской придворной среды и ее отношениях с монархом, о государственных доходах и расходах и др. Веселое и благополучное пребывание в Москве было прервано убийством Лжедмитрия I, и в августе 1606 г. С. Немоевский с другими находившимися в Москве поляками был отправлен в ссылку сначала в Ростов, а затем – на Белоозеро, где под наблюдением приставов в тяжелых и неблагоприятных условиях С. Немоевский со своими спутниками пробыл до июня 1608 г.

Длительное пребывание в ссылке, для которой по убеждению составителя *Записок* никаких причин не было, никак не могло настроить Немоевского дружественно по отношению к русским. Исследователи давно обратили внимание на те места во второй редакции *Записок*, где, удивляясь пассивности короля, никак не реагировавшего на такие насилия над своими подданными, он призывал прийти в Россию войной и наложить «ярмо на это *bydlo zdziczale*»[4]. Однако, как видно из содержания *Записок* (в том числе и второй редакции, в которой читаются указанные слова), эта враждебность не притупила внимания наблюдателя и не уменьшила его интереса. А круг интересов С. Немоевского был очень широк. Его интересовало и как крестьяне выкармливают телят, и что растет у них на огороде, и как ловят рыбу на Белом озере, и как устроены суда, плавающие по северным рекам[5]. В *Записках* С. Немоевский выступает как правоверный католик, который постоянно подчеркивает свое отрицательное отношение к схизматикам, но это не поме-

---

2 Pamiętnik Niemojewskiego, c. XXIV: *Dyaryusz i opisanie ziemi, granic, lasow, zwierza, ptactwa, rzek, jezior, ryb, owoców regimentu Księcia Wielkiego, religii albo nabozenstwa, wojny, dumnych boiar albo senatu, obyczaiów, zamków, miast, mieszkania ich, strojow, gospodarstwa, slug, potraw, drog lądem i wodą.*

3 Один из этих секретарей, С. Слоньский, был позднее и в ссылке с С. Немоевским.

4 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 219.

5 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 170, 172, 180–181, 261.

BSB

шало ему присутствовать на службе в одном из православных храмов Ростова, наблюдать крещенское водосвятие на Белом озере, беседовать с монахами Кирилло-Белозерского монастыря[6]. В итоге созданные им *Записки* представляют собой интересный симбиоз дневниковых записей о событиях, происходивших в жизни Немоевского и его спутников во время путешествия в Москву и последующей ссылки (записи эти, как уже отмечалось, постоянно используются исследователями «Смуты»), и большого собрания сведений о самых разных сторонах жизни русского общества начала XVII в., которое до сих пор не привлекало серьезного внимания отечественных исследователей русской истории.

По своему энциклопедическому разнообразию это собрание сведений С. Немоевского может быть сопоставлено с несколько более ранним сочинением Д. Флетчера *О государстве Русском*, где систематически изложены разнообразные сведения о Русском государстве и русском обществе. Следует, разумеется, учитывать, что Немоевский, в отличие от Флетчера, лишь частично собрал и систематизировал материал по тем или иным темам, многие сюжеты остались у него на уровне отрывочных заметок, однако у Немоевского были и определенные преимущества перед ученым англичанином. Как человек, не знавший русского языка, и посол иностранной державы, отношения которого с русскими политиками складывались не лучшим образом, Флетчер имел очень ограниченные возможности для наблюдений за жизнью русского общества. Правда, его информаторы – купцы «Московской компании» были осведомленными и знающими людьми, впоследствии, как известно, даже сожалевшими о своей чрезмерной откровенности, но их сообщения лишь в очень ограниченной степени Флетчер мог сопоставить с собственными наблюдениями. Отсюда – местами сухой и обобщенный характер изложения. В отличие от него С. Немоевский не входил в состав официального посольства, что могло только способствовать неофициальным контактам, а жизненные перипетии в сочетании с собственной активностью приводили его к контактам с представителями самых разных групп русского общества и позволили ему познакомиться с жизнью русских людей на обширных территориях на север от Москвы. К тому же отсутствие продуманной конструкции, которую автор к концу своей ссылки явно не успел выработать, не заставляло С. Немоевского осуществлять отбор и обработку материала, во многом сохранившегося на страницах *Записок* в первозданной свежести. Как представляется, сопоставление сведений Немоевского и Флетчера по вопросам, которые оба автора стремились подробно осветить, может ответить на вопрос, в чем состоит особый интерес сообщений польского путешественника, в каких отношениях они дают возможность дополнить или исправить сообщения ученого англичанина, а в каких отношениях различие их рассказов позволяет судить о переменах в жизни русского общества за время, протекшее между изданием книги Флетчера и появлением *Записок* Немоевского.

---

6 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 127, 262.

BSB

Для обоих авторов правление царя – правление тираническое и оба автора согласно подчеркивают всестороннюю зависимость знати от правителя. Но внимание Флетчера, обрабатывающего сообщения информаторов, привлекает прежде всего выяснение того, как возникает зависимость знати от правителя, террор «опричнины», утрата знатью родовых владений.[7] Что русские «бояре» не являются настоящими собственниками своих владений, об этом писал и С. Немоевский, подчеркивая, что, хотя крестьянин и работает на «боярина», он принадлежит не ему, а великому князю[8]. Однако, наряду с этим, острый взгляд польского наблюдателя привлекают и те проявления этой зависимости, которые находят свое выражение в практике повседневных отношений монарха и его окружения. Уже в своем описании Москвы, сообщая о большом количестве боярских дворов в этом городе, он записал, что каждый знатный человек должен иметь свой двор в столице, так как большую часть времени проводит при государе, а не в своих владениях[9]. Вернувшись позднее к этой теме, он отметил, что никто из знатных людей не может отлучиться даже в свою деревню без разрешения великого князя, а когда разрешение получено, точно записывают время отлучки, и в случае опоздания виноватый может быть подвергнут телесному наказанию дворянами по приказу дворецкого в Приказе Большого дворца[10]. Очень интересны в этом плане и сообщения Немоевского, что лишь Лжедмитрий разрешил боярам делать в своих дворах «светлицы», а до этого это можно было делать лишь по специальному разрешению царя[11]. В другом месте своих *Записок* он отмечает, что дворы в Москве ставят из круглых неотесанных бревен, а когда при Иване IV один боярин, побывавший послом в Польше, велел поставить себе избу из «тесаного дерева», царь приказал разобрать весь дом, предварительно облив его грязью[12]. В этой же связи может быть отмечен и рассказ о том, как кн. Дмитрий Иванович Шуйский был отправлен в ссылку за то, что завел себе кречета, в то время как кречет был «заповедной» птицей, которая может принадлежать только великому князю[13]. Благодаря интересу Немоевского к этой стороне отношений правителя со знатью в его *Записках* появилось и уникальное описание наложения царской опалы на думного боярина, когда царь бил виновного рукой по губам, а думный дьяк, поставив его

---

7 *Д. Флетчер* О государстве Русском. СПб., 1905, с. 30–35 (глава 9: *О дворянстве и средствах, употребляемых к ослаблению его согласно с видами правительства*).

8 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 164. Привыкший к полноте дворянских прав на владения, он с удивлением отметил, что в виде большой милости царь разрешает дворянину устроить корчму в собственном имении.

9 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 25.

10 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 164–165.

11 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 27. См. также и его указание в другом месте, что никому не разрешается иметь в доме книг, кроме Псалтыри и проповедей Иоанна Златоуста, иначе его заподозрят в том, что он хочет быть более мудрым, чем великий князь (Pamiętnik Niemojewskiego, c. 169).

12 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 172–173.

13 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 181.

затем посредине избы, горстями выщипывал ему бороду. Сама опала состояла, в частности, в том, что опальный должен был каждый день ездить по Кремлю и посаду в черной одежде, черной шапке и черных сапогах и перед каждым снимать шапку, а перед ним никто (под угрозой наказания) не должен снимать шапки.[14] У Флетчера нет той попытки анализа проблемы, которая прослеживается в рассуждениях польского шляхтича такими выразительными деталями, которые лучше всяких политических рассуждений позволяют представить всю глубину трансформации «родовой» знати в знать «служилую» в результате перемен, происшедших в эпоху Ивана Грозного.

К сходным результатам приводит и сопоставление высказываний Д. Флетчера и С. Немоевского о русском праве. 14 глава сочинения Флетчера, целиком посвященная этим сюжетам, содержит очень подробное и систематически изложенное описание процедуры судопроизводства. Подобного описания в записях Немоевского, конечно, нет. Однако сопоставление показывает, что в некоторых деталях Немоевский существенно дополняет ученого англичанина. По Флетчеру, высшей судебной инстанцией является суд бояр и дьяков в приказах, а также боярская дума[15]. Это утверждение Флетчера находит подтверждение в тексте Судебника 1550 г., где указывается, что, если жалобщик, недовольный решением бояр, *учнет бити челом, докучати государю и того жалобника вкинути в тюрьму*[16]. Однако согласно Немоевскому, можно было жаловаться на решения бояр царю и существовало особое лицо, принимавшее от имени царя такие жалобы. Если жалоба была бы признана необоснованной, жалобщика могло ожидать суровое наказание, однако, наказанию мог быть подвергнут и судья. Среди возможных наказаний в тексте Немоевского фигурируют усечение бороды, битье кнутом, заключение в тюрьму.[17] Очевидно Немоевский описывает практику, установившуюся уже после издания Судебника в правление Ивана IV, который, конечно, не мог отказаться от подобного инструмента контроля за своими вельможами.

Описывая подробно процедуру делопроизводства, Флетчер ничего не говорит о самих русских правовых нормах. И это умолчание не случайно – оно связано с общей концепцией автора, что единственным законом в русском обществе служат произвольные решения царя и назначенных им судей[18]. Для Флетчера это было одним из важных признаков «тиранического» правления. Польский шляхтич, близкий к англичанину в своих взглядах на русский политический строй, но не связанный жесткой концепцией, приводит в своих *Записках* целый ряд важных норм русского уголовного права. Так, он отмечает, что в России за первый случай во-

---

14 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 165–166.
15 *Флетчер* О государстве Русском, с. 60–61.
16 Памятники русского права. Вып. 4. Москва, 1956, с. 234.
17 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 156–157.
18 *Флетчер* О государстве Русском, с. 61. У судей, по его словам, имеется *одна небольшая книга*, в которой излагается процедура судопроизводства, но нет никаких позитивных норм.

ровства наказывают кнутом, за второй отсекают руку, попавшегося же в третий раз ожидает виселица.[19] Сопоставление с русскими законодательными актами показывает точность этих сведений[20]. Особый интерес представляет то, что не ограничиваясь приведением этих норм, Немоевский говорит и о практике их применения, о чем русские источники конца XVI – начала XVII почти не содержат сведений (если не считать дел, связанных с поземельными спорами). Так, он отмечает, что смертной казнью карают лишь тех, кто похитил имущество, принадлежавшее царю, а в иных случаях ограничиваются наказанием кнутом. Так, благодаря наблюдательности Немоевского, подтверждается и на русском материале то, что подчас очень суровые нормы средневекового права далеко не всегда соблюдались на практике. Заслуживает внимания и отмеченное им различие в отношении к ущербу, нанесенному имуществу государя (государства), и имуществу частных лиц.

Оба автора, что и неудивительно, уделили в своих рассказах особое внимание описанию русской армии. Флетчер посвятил описанию этой армии целых три раздела своего труда[21]. Об организации дворянской службы, внутренних делениях дворянского ополчения, о выплате дворянам жалованья за службу в его сочинении рассказано гораздо подробнее, чем у Немоевского, однако и в тексте польского автора обнаруживается ряд подробностей, которым нет соответствий в тексте Флетчера, иные сюжеты изложены подробнее, о некоторых у Флетчера совсем не говорится.

Оба автора говорят о плохой организации дворянского ополчения, «татарском» способе ведения войны и даже о том, что используемые в армии музыкальные инструменты совсем не похожи на европейские. Оба автора отмечают, что русские воины должны сами снабжать себя и коней продовольствием, удовлетворяясь при этом самой непритязательной пищей, но лишь Немоевский отмечает, что тех, кто во время похода захватывает силой продовольствие, хотя бы и сено, сурово карают. Ему же принадлежит наблюдение, что в России войска не ставят на постой, но если они не ведут войны, их держат в поле, *чтобы вреда никому не чинили* и приобретали для себя продовольствие на торгу[22]. Шляхтич обратил внимание на эти детали потому, что порядки в польской армии были совсем другие. Эти сообщения есть все основания рассматривать как признак объективности наблюдателя.

О объективности С. Немоевского говорят и его наблюдения, что на войне сын боярский за взятие языка, ранение или другой понесенный на царской службе ущерб получает денежное вознаграждение от царя, тем более, что они находятся

---

19 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 169.
20 См. текст наказа губным старостам 1555 г. в. кн. Памятники русского права, вып. 4, с. 184.
21 *Флетчер* О государстве Русском, с. 62–70.
22 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 158, 162.

в противоречии с убеждением самого автора, что русские стойко сражаются с противником[23] лишь потому, что боятся суровых наказаний.

Характеризуя вооружение дворянского ополчения, Флетчер писал, что обычные ратники, т.е. боярские слуги, выезжали на войну имея только лук, колчан со стрелами и меч, и лишь их господа носят доспехи наподобие лат[24]. С. Немоевский описывает вооружение дворян и их слуг в гораздо более мрачных тонах: не у каждого есть сабля, у некоторых все оружие составляет железо, привязанное к нагайке, лишь у немногих есть панцири[25]. Как представляется, разница в описании говорит об упадке боеспособности военных сил в условиях голода, разрухи и смуты[26].

Характеристика стрелецкого войска, во многом совпадающая с тем, что написано у Флетчера, дополнена у Немоевского интересными сведениями о «стремянных стрельцах», составлявших личную охрану царя. Немоевский отмечает, что «стремянные стрельцы» получают жалованье в 2 раза больше, чем обычные стрельцы, и на эти деньги должны «справить» себе красные кафтаны. Немоевский знает даже, что стрельцы должны сами делать деревянные части своих пищалей, получая из казны лишь металические части для них. Все эти сведения Немоевский, повидимому, почерпнул из бесед с самими стрельцами, так как дальше в его тексте говорится, что не получая третий год жалованья, стрельцы ругают царя за то, что вынуждены ходить в самодельной одежде и в лаптях (*сапогах из лыка*).[27] Так благодаря Немоевскому, в нашем распоряжении оказывается еще одно важное свидетельство начавшегося уже в первые годы «Смуты» расстройства русского государственного механизма.

В своей характеристике русских вооруженных сил Флетчер обошел молчанием крестьянское ополчение – «посоху», повидимому как вспомогательную часть армии, не игравшую важной роли в военных действиях и использовавшуюся, главным образом, для дорожных работ и перевозки пушек. Напротив С. Немоевский посвятил «посохе» целый ряд страниц своего труда. Одной из причин внимания к этой части армии стало, несомненно, то, что сам мемуарист стал свидетелем сбора «посохи» на войну с «ворами» в Белозерском уезде[28]. Однако для такого внимания была, как представляется, и другая, более серьезная причина. В условиях постоянной гражданской войны крестьянское ополчение постепенно превращалось в часть армии. В августе 1608 г. С. Немоевский сделал запись о встрече с

---

23 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 163.
24 *Флетчер* О государстве Русском, с. 67.
25 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 159.
26 См. также дневниковую запись от 21 августа 1608 г. о встрече с дворянами, идущими на службу в Новгород: *у кого лук, у кого ружье, у кого рогатина, у многих нет сабель.* (Pamiętnik Niemojewskiego, c. 291).
27 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 161.
28 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 159.

костромскими ополченцами, которые шли в армию М.В. Скопина-Шуйского: у этих ополченцев не было даже топоров, а только палки с гвоздями на концах[29].

Для характеристики Немоевского как наблюдателя следует признать показательным, что собрав сведения об организации «посохи» на Белоозере[30], он затем воспользовался посещением Кириллова монастыря на обратном пути в Москву, чтобы узнать, как собирается «посоха» с монастырских вотчин. Как записал Немоевский, монастырь должен выставлять 100 людей с подводами и 300 пеших для проделывания дорог и перевозки пушек, а Троице-Сергиев монастырь, доходы с которого вдвое больше кирилловских, должен соответственно выставить вдвое большее количество людей.[31]

Очень интересно сопоставить то, что пишут С. Немоевский и Д. Флетчер о государственных доходах и расходах. Разделы о государственных доходах в книге Флетчера самые обширные, насыщенные богатой и разнообразной информацией[32]. В построении книги Флетчера этим разделам принадлежит ключевое место. Огромные размеры государственных доходов, их разнообразие, богатство возможностей для государственной власти увеличивать их разними способами – все это было для Флетчера одним из главных доводов в пользу того, что правление московских царей является «тиранническим»[33]. Однако, богатый материал о государственных доходах не сопровождается разделом о государственных расходах, такие данные у Флетчера встречаются, но не сведены воедино, а разбросаны по разным разделам сочинения.

Иначе построено изложение у Немоевского. Правда, текст его о государственных доходах далеко не так обилен информацией, как текст Флетчера, в частности, в нем встречается совсем немного цифр. Стоит однако отметить, что цифры Немоевского совсем не совпадают с цифрами Флетчера. Согласно Флетчеру доход Русского государства измеряется цифрой в 1 млн. 430 руб., *не включая сюда расходов на содержание двора и постоянное жалованье войску*[34]. Немоевский же не менее определенно говорит, что весь доход царя выражается в цифре во много раз меньшей – 500 тыс. злотых, т.е. около 150–200 тыс. руб.[35], что заставляет задуматься над точностью цифр, приведенных обоими авторами. Но главная особенность в тексте Немоевского состоит в том, что вслед за разделом о доходах у него сразу идет текст о расходах. Раздел начинается с рассказа о постоянных поступлениях в распоряжение царя продуктов со всей территории страны (в том числе соленая рыба с «заповедной» реки Шексны). Продуктов этих так много, что

---

29 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 291.
30 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 159.
31 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 262–263.
32 *Флетчер* О государстве Русском, с. 43–53.
33 См. Заглавие одного из разделов книги Д. Флетчера *О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных* (*Флетчер* О государстве Русском, с. 48).
34 *Флетчер* О государстве Русском, с. 47.
35 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 157.

BSB

излишки царская казна продает. Что касается остальных, то лишь часть из них идет на нужды самого царя, так как каждый день всем боярам и обладателям дворцовых должностей выдается пища и напитки с царской кухни. Так, главе боярской думы, кн. Ф.И. Мстиславскому, такое питание отпускалось 6 раз в день. Что касается денежных поступлений, то они шли на жалованье *бояр думных и иных по всему государству*. Так, Лжедмитрий выплачивал Ф.И. Мстиславскому 700 руб. в год, М.В. Скопину-Шуйскому 600 руб. в год, *а шляхте, которую они зовут детьми боярскими, по 3 руб. в год*. Раздел о государственных расходах у Немоевского завершается словами: *Мало таких во всем государстве, кто не должен получать из казны великого князя какого-либо годового жалованья*[36]. В тексте С. Немоевского, таким образом, очень наглядно выступает связь между концентрацией доходов в руках государства и ролью государства в их последующем распределении. Таким образом, если Флетчеру лучше и обстоятельнее удается обосновать тезис о «тираническом» правлении московских князей, то Немоевский лучше чувствует и конкретнее представляет механизм функционирования такого правления.

Особый вопрос, который возникает при изучении не только *Записок* Немоевского, но и сочинений других польских мемуаристов эпохи «Смуты», это вопрос об исследовании заключенных в этих текстах припоминаний о более раннем времени – эпохе Ивана IV[37]. Эти свидетельства по понятным причинам остаются на периферии интересов тех исследователей истории «Смуты», которые по преимуществу обращаются к этим текстам, а их изучение представляет интерес не только потому, что можно обогатить историю царствования Ивана IV новыми фактами, но в еще большей мере потому, что бдагодаря ним можно судить о том, как представляли себе свое недавнее прошлое русские люди конца XVI – начала XVII в.

При своем посещении Можайска С. Немоевский записал, что, терпя неудачи в войне с Баторием, царь приказал вынести из храма и бить палками знаменитую статую Николы Можайского, обвиняя святого в том, что тот помогает Литве[38]. Рассказ этот, повидимому, недостоверен, так как во время войны с Баторием царя, судя по записям Разрядных книг, в Можайске не было, а его послания того времени говорят скорее о боязни Ивана IV, что Бог и святые могут отказать ему в своем заступничестве. Характерно, однако, что русские люди в начале XVII в.

---

36 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 157–158. Как особую часть государственных расходов Немоевский выделяет «упоминки» крымским ханам ежегодно на сумму 40–50 тыс. руб., что составляло бы около четвертой части всех государственных расходов. Эта цифра на порядок неверна. По документальным данным, собранным А.А. Новосельским, в конце XVI в. обычный размер поминок составлял 4 тыс. руб. *А.А. Новосельский* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. Москва, Ленинград, 1947, с. 41.

37 Такие рассказы можно обнаружить не только в польских свидетельствах, но и у других авторов. См., например, рассказ Флетчера об устроенной Иваном IV показательной казни берущего взятки дьяка: *Флетчер* О государстве Русском, с. 49.

38 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 13.

могли рассказывать о своем царе такие истории, свидетельствующие, что и высоко почитаемое священное изображение может стать жертвой царского произвола. В другом месте *Записок* С. Немоевского читается рассказ, что царь Иван, разгневавшись на воевод И.М. Воротынского и Д.И. Хворостинина, которые из-за «великих снегов» не смогли совершить похода на мятежную черемису, приказал одеть их в женское платье и заставить крутить жернова и молоть муку[39]. В данном случае в основе рассказа лежит, повидимому, достоверный факт (о неудачном походе И.М. Воротынского и Д.И. Хворостинина на черемису имеется запись в разрядных книгах под 1582 г.)[40]. Рассказ позволяет лучше представить обстановку, сложившуюся при дворе в последние годы правления Ивана IV, и вносит новые яркие штрихи в ту картину отношений правителя и знати, которая обрисована в ряде иных мест *Записок*.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что сочинение Немоевского содержит богатый и разнообразный материал, учет которого необходим при выработке правильных представлений о характере функционирования институтов государственной власти в России второй половины XVI – начала XVII в., о характере взаимоотношений этих институтов с разными слоями русского общества, о начальном этапе внутриполитического кризиса, разразившегося в годы «Смуты». Как уже отмечалось выше, *Записки* С. Немоевского этими своими особенностями резко выделяются на фоне прочих польских сочинений, содержащих сведения о России, как более ранних, так и современных его сочинению. И все же есть основания говорить о *Записках* С. Немоевского как о исключении, подтверждающем правило. Автограф второй редакции *Записок*, работа над которой велась вплоть до августа 1618 г., хранился впоследствии у потомков Немоевского и, следовательно, автор, покидая Россию, благополучно увез с собой рукопись. Однако, хотя С. Немоевский скончался лишь в августе 1620 г., работа над рукописью не была продолжена. Автор не пытался ни систематизировать свои наблюдения, ни пополнить их свидетельствами других очевидцев, количество которых быстро увеличивалось с развитием «Смуты». Ни во время «Смуты», ни позднее не было предпринято и никаких попыток опубликовать текст хотя бы в том виде, какой придал ему автор перед отъездом из России. Своеобразие судьбы выдающегося и одновременно надолго забытого памятника становится еще очевиднее, если сопоставить ее с судьбой неоднократно упоминавшегося выше сочинения Д. Флетчера. Законченное сразу по окончании его путешествия в Россию сочинение было выпущено отдельным изданием в 1591 г. и в дальнейшем неоднократно перепечатывалось в первой половине XVII в.

---

39 Pamiętnik Niemojewskiego, c. 166.

40 Рязрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Часть 2. Москва, 1987, с. 6.

BSB

Publications
Публикации

Hieronim Grala

Киевские пожалования самозванцев 1604 и 1608 гг.

25 августа 1604 г. «Дмитрий Иванович царевич всея Русіи» покинул Самбор, резиденцию своего главного сподвижника и покровителя, а в скором будущем также тестя – сандомирского воеводы Юрия Мнишека – и двинулся через Сокольники к Глинянам, где начиналась концентрация его отрядов[1]. Вскоре по его прибытии в глинянский стан (7 сентября) проведен был смотр полков и участники похода избрали главнокомандующим Мнишека. 13 сентября армия Лжедмитрия, разделенная на несколько отрядов, двинулась к Днепру. Через месяц полки «царевича» подошли уже к Фастову (12 октября), затем целых три дня простояли в Василькове (13–15 октября), и наконец торжественно вступили в Киев (17 октября).[2] Вместе с самозванцем в стены «матери городов русских» въехали его польские сподвижники: Юрий Мнишек, князь Адам Вишневецкий, князь Роман Ружинский, хмельницкий староста Николай Струсь и остерский староста Михаил Ратомский. Согласно рассказу могилевских купцов, очевидцев этого события : *caryk wjechał do Kijowa konno, zbrojno i strojno; wojska z nim husarzów, kozaków i piechoty,*

1 *A. Hirschberg* Dymitr Samozwaniec. Lwów, 1898, c. 68 – 69; *В.И. Ульяновский* Лжедмитрий I и Украина: Указатель архивных источников и материалов. Киев, 1990, с. 13–14; *В.И. Ульяновский* Россия в начале Смуты: Очерки социадьно-политической истории и источниковедения. Ч. 1. Киев, 1993, с. 83.

2 *Hirschberg* Dymitr Samozwaniec, c. 71–72; *Ульяновский* Лжедмитрий I и Украина, с. 14; *В.И. Ульяновский* Киевские эпизоды из биографии Лжедмитрия I // Духовная культура населения Украины с древнейших времен. Киев, 1991, с. 78–79.

wszystkiego do dwudziestu tysięcy[3]. В городе его принимали как подлинного монарха: во время своего трехдневного пребывания в Киеве *стоял он у Митковича бурмистра*, а торжественную встречу устроил самозванцу киевский католический епископ Криштоф Казимерский[4]. После киевского роздыха войско двинулось дальше, к берегам Днепра, скоро однако оказалось, что переправа пока невозможна: помешал в этом черкасский староста, князь Януш Острожский, приказав увести все паромы и суда с переправ под Киевом. Острожский, который вместе со своим отцом – киевским воеводой князем Константином-Василием неоднократно выступал против всей авантюры, угрожая даже силой помешать проходу армии самозванца и не допустить ее к московской границе, по существу удовлетворился достаточно скромной демонстрацией (о причинах его поведения см. ниже). Заминка оказалась временной: уже 23 октября пришли паромы и до 25 октября все войско переправилось через реку[5]. Неоценимую помощь в этом деле оказали Лжедмитрию киевские мещане *коштом и накладом своим перевоз зготовавши.* Платой за их услуги явилась жалованная грамота на свободную беспошлинную торговлю на территории Московского государства, которую «царевич» подписал 23 октября *на перевозе под Вышгородом* (см. № 1)[6]. Привилей, который в момент пожалования лишен был какого-либо значения, очень скоро стал ценнейшим. После победы Лжедмитрия и его воцарения в Москве (коронация 21 июля 1605 г.) его жалованная грамота должна была обеспечить киевским купцам неограниченный доступ к российскому рынку. Именно по той же причине киевские мещане *покладали* жалованную грамоту «царевича Дмитрия» в королевской канцелярии, добились ее подтверждения (*конфирмации*) от Сигизмунда III и вписания в книги Литовской метрики (см. № 2). Надежды купцов вскоре рухнули:

---

3 См. письмо литовского канцлера Льва Сапеги к виленскому воеводе Миколаю Криштофу Радзивиллу от 10 ноября 1604 г.: Archiwum domu Radziwiłłów. Kraków, 1885, c. 233. (Scriptores rerum Polonicarum 8). В историографии со времен А. Гиршберга утвердилась ошибочная датировка сего письма: 10 сентября вместо 10 ноября (так в источнике – *9bris*, см. Archiwum domu Radziwiłłów, c. 233), см. *Hirschberg* Dymitr Samozwaniec, c. 72; *D. Czerska* Dymitr Samozwaniec. Wrocław, 1995, c. 56. О вступлении Лжедмитрия в Киев см. также *Ульяновский* Лжедмитрий I и Украина, с. 14; *Ульяновский* Киевские эпизоды, с. 79.

4 Київський літопис першої четверті XVII ст. / подгот. В.І. Ульяновський, Н.М. Яковенко // УІЖ, 1989, № 5, с. 109–110; см. также *Ульяновский* Киевские эпизоды, с. 79.

5 См. Biblioteka Jagiellońska w Krakowie, rkps 102, л. 143: *Stanisław Borsza* Anno Domini 1604. Wyprawa cara moskiewskiego na on czas do Moskwy z Panem Woyewodą sendomirskim y z inszym rycerstwem: *Przyszliśmy po tym nad Dniepr, gdzie Pan Krakowski* [Януш Острожский, каштелян краковский – H.G.] *wszystkie promy kazał pozaciągać precz. I dla tegośmy się kilka dni zatrzymali nad Dnieprem, póki nam nie przyszły promy, y z łaski Bożej przewieźliśmy się przez Dniepr bez szkody.* См. также *Hirschberg* Dymitr Samozwaniec, с. 72; *Ульяновский* Лжедмитрий I и Украина, с. 14; *Ульяновский* Киевские эпизоды, с. 79.

6 См.. *Hirschberg* Dymitr Samozwaniec, с. 72; *Ульяновский* Киевские эпизоды, с. 79–80, *Czerska* Dymitr Samozwaniec, с. 55–56. См. также *Р.Г. Скрынников* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987, с. 69.

пять дней после королевской *конфирмации* привилея спустя их благодетель – царь Дмитрий I Иванович – пал под ударами заговорщиков (17 мая 1605).

Киевским мещанам нелегко было распрощаться со столь обширным привилеем; через три года заманчивая перспектива весьма прибыльной торговли с Россией заставила их еще раз поискать счастья. Результатом новых усилий явился очередной привилей – жалованная грамота Лжедмитрия II от 29 июня 1608 г. (см. № 3). Расчеты купцов оправдались: «тушинский вор» буквально выполнил обещание предшественника (*гды нас Господь Богъ счастливе на престоле прародителей нашихъ посадит, тым мещаномъ Кіевскимъ въ канцеляріи нашей утвердити и умоцнити обецуемъ часы вечными*) и пожаловал их своим «царским» привилеем. Прежний документ «Дмитрия царевича» заменила жалованная грамота *самодержца и вседержителя Российского государства, царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси*, составленная по всем правилам тушинской канцелярии и скреплена вислой печатью самозванца.

Кропотливые усилия киевских купцов оказались напрасными – Лжедмитрию II так и не удалось овладеть московским престолом, а от победителей в многолетней борьбе за царство – Романовых – предприимчивые *гости* из враждебного государства не могли ожидать признания вольностей, пожалованных «расстригой» и «тушинским вором».

Лишенные правового значения документы скоро поступили в архив Великого княжества Литовского, а оттуда попали в несвижский архив Радзивиллов (дорсальные пометы подтверждают их принадлежность этому собранию с XVIII в.), а в начале XX в. – в Варшаву. В архиве Радзивиллов привилеи входили в состав его I отделения – коллекции пергаментных документов (далее – AR I). После Второй Мировой войны обе жалованные грамоты самозванцев и королевское подтверждение, разделив судьбу всего т.н. варшавского архива Радзивиллов, поступили в Главный архив древних актов (AGAD) в Варшаве, где числятся в составе Коллекции пергаменных грамот (ZDP) как единицы хранения № 8086, 8087 и 8095. Указанные документы не привлекали до сих пор внимания исследователей; лишь № 1 дождался публикации, при чем не на основании подлинника, который в середине XIX в. оставался неизвестным, а по не вполне точной – имеются пропуски и искажения текста – копии из Литовской метрики[7]. Остальные акты печатаются впервые.

Публикуемые документы представляют интерес не только как источники по истории украинского купечества и его торговых связей с Россией, но прежде всего являются ценнейшим материалом для исследования дипломатики самозванцев[8].

---

7 АЗР, Т. 4. СПб., 1851, № 161, с. 247–248. Ср. *Ульяновский* Лжедмитрий I и Украина, с. 67.

8 Жалованные грамоты Лжедмитрия II являются археографическим раритетом; до сих пор только три из них были известны в подлинниках: грамота от 7 марта 1608 г. для *иноземца литовского города Гомия* Власа Устинова (РГАДА, ф. 27, оп. 1, № 27; см. *В.Н. Корецкий* Об одной «ошибке» архивистов XVIII века (Лжедмитрий II и вопрос о

BSB

Настоящую публикацию дополняет документ, не являющийся монаршим привилеем, но важным свидетельством пребывания Лжедмитрия I в Киеве. Публикуемое ниже письмо Вацлава Вельгорского краковскому каштеляну, князю Янушу Острожскому (см. № 4), до сих не было известно историкам. Хранившееся в собрании рода Потоцких в Ланцуте, оно разделило судьбу той части архива, которая в 1945 г. была вывезена на Запад и возвращена лишь осенью 1994 г.; в настоящее время хранится в фондах AGAD в Варшаве, где проводится интенсивная работа по соединению разрушенного собрания.

Публикуемый документ, пожалуй, по-новому освещает дискуссионный вопрос об отношении украинских магнатов к походу Лжедмитрия I за царским венцом. В историографии многократно отмечалось, что среди решительных противников «димитриады» ведущую роль играли крупнейшие местные магнаты: киевский воевода Константин-Василий Острожский и его сын – краковский каштелян Януш; их поддерживали традиционные сторонники князей Острожских киевский каштелян Якуб Чаплич и каменецкий каштелян Якуб Претвич, а также волынский воевода князь Януш Заславский[9]. Более того, Януш Острожский не скрывал, что готов даже применить силу, чтобы задержать продвижение войск Дмитрия; этой угрозой нельзя было пренебрегать, поскольку Острожские располагали значительной собственной армией (к тому же, ее поддержали бы отряды их союзников) и, кроме того, краковский каштелян в данном случае мог действовать как бы в силу

крестьянском выходе) // АЕ за 1962 г., 1963, с. 235–245), грамота гостю Алексею Семенову сыну Хозину, данная в январе 1609 г. (ГИМ, Собр. Уварова, ф. 17, № 41/23; см. *Корецкий* Об одной «ошибке», с. 235) и грамота Иль-мурзе Юсупову от 22 августа 1610 г. (РГАДА, ф. 1290, оп. 1, № 14), см. О роде князей Юсуповых: Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей с XVI до половины XIX века. Ч. 2. СПб., 1867, с. 120–122; ср. *И.И. Смирнов* К характеристике политики Лжедмитрия II по крестьянскому вопросу // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения пепиода феодализма в России. Москва, 1961, с. 43–49. Список этот следует пополнить, помимо публикуемого ниже привилегия для киевских купцов, одним еще подлинником: грамотой для *литовское земли торгова человека Петра Василева* от 22 июня 1609 г., см. Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności, Kraków, rkps 360, л. 226.

9 *J. Maciszewski* Polska a Moskwa 1603–1618: Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968, с. 52–54; *B. Florja* Dymitr Samozwaniec a magnateria polsko-litewska // Odrodzenie i reformacja w Polsce, 24, 1979, с. 88–89. Позицию, занятую названными магнатами главным образом ввиду активных приготовлений Лжедмитрия к походу и продвижением его отрядов к российской границе, четко выражает письмо, направленное ими 23 мая 1604 г. королю Сигизмунду III. См. Biblioteka PAN w Kórniku, rkps 1398, л. 25; отрицательное отношение сановников из пограничных областей к походу подтверждает также и депеша нунция Клавдия Рангони от 12 июня 1604 г., см. *P. Pierling* Rome et Demetrius d'apres des documents nouveaux. Paris, 1878, с. 188 (№ 13). Подобная позиция в одинаковой мере была продиктована и боязнью войны с Россией, в случае которой именно поместьям магнатов грозила бы наибольшая опасность (expresis verbis они изложили эту точку зрения в упомянутом письме к королю) и опасение восстания казаков, которое могли начать их собравшиеся вокруг претендента отряды, см. *Florja* Dymitr Samozwaniec, с. 89–90.

своих должностных обязанностей – как староста каневский, переяславский и черкасский он отвечал за порядок и безопасность жителей тех территорий, по которым продвигались отряды Самозванца; кроме того князь Януш фактически управлял воеводством вместо своего престарелого отца[10]. В таком контексте не удивляют строки из записки одного из участников похода – ротмистра Станислава Борши: *Идя к Киеву, мы опасались войска пана краковского, насчитывающего несколько тысяч, которое вплотную следовало за нами до самого Днепра, и из-за этого мы были осторожны, не спали всю ночь напролет и лошадей держали наготове*[11]. Под влиянием этого свидетельства и уже упоминавшихся воинственных заявлений краковского каштеляна в историографии получила распространение точка зрения, что Януш Острожский старался не пропустить отряды Самозванца к московской границе[12].

Действия отрядов Острожского свелись всего лишь к наблюдению, что, в контексте затронутых обстоятельств, позволяет согласиться с мнением Б.Н. Флори, что причины подобной сдержанности краковского каштеляна и его сторонников-сенаторов не совсем понятны[13]. Этот же исследователь обратил внимание на еще одно свидетельство – депешу нунция Клавдия Рангони от 3 июля 1604 г., представлявшую в несколько ином свете отношение Януша Острожского к готовящемуся летом 1604 г. походу. По мнению папского дипломата, ссылавшегося на свидетельство Мнишека, краковский каштелян во время личной встречи обоих сенаторов обязался не оказывать вооруженного сопротивления продвижению отрядов Самозванца и, более того, – Мнишек сделал из этой встречи вывод, что именно стремление сохранить хорошие отношения с самым заклятым противником „димитриады" – канцлером Яном Замойским – удерживало Острожского от личного участия в походе. В то же время Б.Н. Флоря подчеркивал, что кроме упомянутого донесения нунция мы не располагаем по этому вопросу никаким другим свидетельством; высказывания же Мнишека, как правило, не слишком достоверны[14].

---

10 *Florja* Dymitr Samozwaniec, c. 88. О краковском каштеляне см.: *T. Chynczewska-Hennel* Ostrogski Janusz // PSB, т. 24, 1979, c. 481 – 486. Об угрозе военного вмешательства Острожского вспоминает Юрий Мнишек в письме к канцлеру Яну Замойскому, см. Listy Stanisława Żółkiewskiego (1584–1620) / wyd. T. Lubomirski. Kraków, 1868, c. 138 (1 июня 1604).

11 См. Biblioteka Jagiellońska w Krakowie, rkps 102, л.143: *Stanisław Borsza* Wyprawa cara moskiewskiego: *Idąc ku Kiowu obawialiśmy się wojska P. krakowskiego którego było kilka tysięcy, które się wieszało nad nami asz do samego Dniepru, dla czegośmy byli ostrożni nie sypiając po całej nocy i konie gotowe maiąc;* ср. *Stanisław Borsza* Wyprawa cara moskiewskiego Dymitra do Moskwy // Русская Историческая Библиотека. Т. 1. СПб., 1872, c. 365.

12 *Maciszewski* Polska a Moskwa, c. 58; *Chynczewska-Hennel* Ostrogski Janusz, c. 483; ср. *Hirschberg* Dymitr Samozwaniec, c. 71; *Czerska* Dymitr Samozwaniec, c. 55.

13 *Florja* Dymitr Samozwaniec, c. 90.

14 *Pierling* Rome et Demetrius, c. 189 (№ 15); ср. *Florja* Dymitr Samozwaniec, c. 90.

Публикуемый документ свидетельствует, что соглашение между Мнишеком и краковским каштеляном было достигнуто. Как бы то ни было, сандомирский воевода в беседе с доверенным лицом князя Януша (Вельгорский должен был стать вскоре по его мандату послом от киевского воеводства в сейм 1605 г.[15]) ссылался на два конкретных факта – свою личную беседу с Острожским в Люблине – что соответствует сообщениям нунция (*Il Palatino di Sendomiria [...] sendo stato in persona trovar il Castellano di Cracovia*), и более поздние – уже краковские – соглашения с его сторонником, каменецким каштеляном Якубом Претвичем. Остается неопровержимым и тот факт, что именно в период, предшествовавший донесению нунция, усилия Лжедмитрия и Мнишека, рассчитанные на привлечение на свою сторону или, по крайней мере, нейтрализацию князя Януша, хорошо подтверждаются; более того – документально подтверждена совместная поездка обоих сенаторов в Замость, где Мнишек пытался воздействовать на позицию канцлера, что как раз подтверждает достоверность его уверений Вельгорскому.[16]

Итак, описанное Боршей следование отрядов краковского каштеляна за армией самозванца нельзя воспринимать в категориях военной демонстрации, направленной на противодействие начавшемуся походу[17]. Похоже, что эти действия предприняты были исключительно для защиты местного населения и охраны личных владений Острожских от бесчинств и грабежей участников «димитриады». Упомянутое в донесении Вельгорского заверение самого Мнишека, что *проходил мимо имений Вашей княжеской милости и никакого вреда не случилось*, показывает, что задуманное было достигнуто. Вопреки громким заявлениям, принятые Острожским меры свелись к демонстративному уводу паромов, что задержало поход лишь на три дня.

---

15 *A. Strzelecki* Sejm z 1605 r. Kraków 1921, c. 57. Избрание Вельгорского отражало сложное отношение киевской шляхты к «димитриаде». Он представлял интересы объединившихся вокруг Острожских критиков этой авантюры, в то время как другой депутат– ставший позже известным приверженцем и гетманом Дмитрия II Самозванца князь Роман Ружинский – был связан с его организаторами Вишневецкими. Последствием столкновения этих двух противоположных взглядов является относящаяся к тому времени инструкция киевского сеймика, см. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rkps 320, № 62.

16 Письмо Мнишека Замойскому от 1 VI 1604, см.: Listy Stanisława Żółkiewskiego, c. 138; Письмо «царевича» Рангони от 12 VI 1604, см. *Pierling* Rome et Demetrius, c. 158–160 (№ 2). Факт переговоров Мнишека с Острогским и даже попыток использования его протекции для смягчения позиции Замойского подтверждает выступление сандомирского воеводы на сейме в 1611 г., см.: Biblioteka Jagiellońska w Krakowie, rkps 102, c. 457: *Ездил я к нему* [т.е. Замойскому – H.G.] *с князем Его милостью Паном краковским, правда, ему это дело не нравилось, терпел же, не запрещал, и даже благословил*; ср. *Hirschberg* Dymitr Samozwaniec, c. 59–60. Об обстоятельствах этого выступления см.: *J. Byliński* Sejm z roku 1611. Wrocław, 1970, c. 125–128.

17 Этот мотив широко развивает *Ульяновский* Лжедмитрий и Украина, с. 14; *Ульяновский* Россия в начале Смуты, ч. 1, с. 84.

BSB

№ 1

Жалованная грамота Лжедмитрия I киевским мещанам на безпошлинную торговлю в России

Киев, 23 октября 1604[18]

Димитрей[a] Иванович, Божіею милостію Царевичъ всеа Русіи, удельный князь Углецкій, Дмитровскій и Городецкій, и с поколения блаженное памяти прародителей наших дедичный и прирожоный Государь всех Государств Царству Московскому подлеглых и проче.

Всем[b] вобец и каждому зособно, так предложеным яко и обывателем в царствах и князьствах монархіи нашей Московской подлеглых, где сія грамота наша от мещан Киевских права Малдеборского[c] указана будет, бояром, воеводом, наместником, головам таможенным и целовальником и всем приказным людем ознаймуемы и ведомых чинимо, иж заволею Бога Найвышего едучи щесливе с Короны Польское через место его Королевской милости Киев, с немалым войском нашим, до столицы отчины нашое, в котором для отпочиненя рицерства нашего через килька дней забавитьсе муселисмы, так теж и для перевозу войска нашего через реку Днепр тыеж мещане Кыевские коштом и накладом своим перевоз зготовавши, велце потребе нашой догодили. За чим так у отпочиненю, яко и в переправе войска нашего шкоду великую тое место Киевское на себе отнести мусело. И просили нас покорне, челом нам бьючи тые подданые его Королевской милости мещане Кіевские, абысмы им з ласки нашое в нагроду тых шкод, вольность безтаможенную в Государствах наших надали. Прето мы Государь видечи их быть в таковом знищенью и хотечи им тое слушне нагородити, даем и даруем вольность тому месту Киевскому и всем мещаном в нем мешкаючим по всех Государствах наших безтаможенную. Вольно будетъ тым мещаном Кыевским, который бы кольвек приехал до Государств наших з якыми кольвек товарами и з золотыми и з ехимками, без мыта и тамги и всяких пошлин наших Государских торговати, з Государств наших всякые товары волно будет до панства его Королевской милости вывозити, так теж воск и мед пресный покупати и вывозити, им самым и потомком их на вечные часы. Конечно, под ласкою нашою Государскою, абы иначей не было. Которую вольность обецуем и шлюбуем словом нашим Государским, гды нас Господь Бог щастливе на престоле прародителей наших посадит, тым мещаном Кыевским в канцелярiи нашей утвердити и умоцнити обецуем часы вечными. Что для лучшее веры и певнейшое ведомости, тую грамоту нашу

---

18 В описи собрания харатейных документов Архива Радзивиллов, составленной в 1934–1935 годах радзивилловским архивистом Богданом Таурогиньским (см. – Katalog Pergaminów Archiwum Radziwiłłów, AGAD), и в современной описи Коллекции пергаменных грамот в AGAD содержится ошибочная датировка – 3 октября, а местом составления документа неправильно названа Варшава.

BSB

рукою нашею Государскою подписалысмы и печать нашу царскую приложити казалысмы. Писан на перевозе под Выш г[*ородомъ, в лето*][d] 7113, а от воплощенія Господа Бога и Спаса нашого Ісуса Христа 1604, месяца Октобрія 23 дня.

Дмитр ц[а]рев[ич]

Пометы на обороте листа (почерком XVII в.):

1.) Року 1606 мя[е]с[я]ца мая 12 дня тот лист через А[р]тема Семеновича Конашка[19] мещанина киевского для вписания до книг был покладан.
2.) Лев Сапега канцлер Вел(икого) Княз(ства) Ли[то]в[ского][e].
3.) Fasc. 12 Przywilejów.

Помета на обороте листа (почерком XVIII в.):

1.) N 3 Fasc. 41 Różnych.
2.) 1604. Libertacya Miastu Kijowu na wszelkie do Państw Rosyjskich handle względem przewozu Woyska Moskiewskiego przez Dniepr y inszych szkod poczynionych podczas odpoczynku tegoż woyska w Kijowie od Kniazia Dymitra Carewicza.

Оригинал: AGAD, ZDP, № 8086 (б. AR I, № 918). Бумага грубая; филигрань – кисть винограда на щите; лист сложен пополам; 565 мм x 330 мм. Западнорусская скоропись. Чернила черные с коричневым оттенком. Печать красновосковая (48 мм), с изображением двуглавого орла и круговой надписью: Дмитръ Ивановичъ Божею милостию царевичъ московский, *оттиснута на бумаге*[20].

Копии: РГАДА, фонд 389 (Литовская метрика), оп. I, кн. 85, л. 437–438[21]*; AGAD, ZDP, № 8086, (копия транслитерирована, XX в.).*

Публикация: АЗР. Т. 4. СПб., 1851, № 161, с. 247–248 (по копии Литовской Метрики).

---

19 Артемий Конашкович, киевский войт (ум. 1627), см. AGAD, Metryka Koronna, Libri inscriptionum, № 176, K. 202–202v.

20 Воспроизведение печати такого типа см. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Т. 2. Москва, 1819, № 76, с. 162; Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц / изд. *Ф. Бюлер*. Москва, 1880, вып. 1, табл. 32; *G. Stökl* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972, Abb. 8.

21 В заглавии записи отмечено: *Вписанье листу князя Московского Дмитра, купцомъ Кіевским даного на безмытное торгованье въ Москве* (там же, л. 437) и далее: *У того листу печать притисненая и подписъ руки князя Московского, тыми словы: Димитрей царевичъ* (там же, л. 438).

Примечания издателя

a *Буквица* Д.
b *Буквица* В.
c *Должно быть*: магдебургского.
d *Место под печатью; фрагмент восполнен по тексту Литовской метрики, см.* РГАДА, ф. 389, оп. I, кн. 85, л. 438.
e *Подпись – автограф.*

№ 2

Подтверждение (*confirmatio*) Сигизмундом III жалованной грамоты Лжедмитрия I для киевских мещан

Варшава, 12 мая 1606[22]

Жикгимонъ[a] третий Бож[е]ю м[и]л[о]ст[ь]ю король Польский великий князь литовский руский пруский жомойтский мазовецкий инфлянтский а шведский кготъский вандальский дедичный король. Ознаймуем тым листом Нашым: Постановившыся очевисто перед нами Г[о]с[по]даремъ и у книгъ канцеларей нашое Великого князства Литовскаго купец и мещанин места нашого Ки[е]вского на имя Артем Семенович Канашко покладал лист теперешнего кн[я]зя Великого Московского Дымитра Ивановича под печатью и с подписом руки его на некоторые вольности торгованья безмытъне в панстве его Московском всим мещаном киевскии даный. И просил именем всих мещан и купцов места Киевского абы тот лист до книг наших канцелярейских уписан был. Который Мы Г[о]с[по]дарь велели есмо слова до слова в книги уписатъ и так се в собе мает: Димитрей Иванович, Б[о]жіею м[и]л[о]с[ті]ю Царевичъ всея Русіи, удельный князь Углецкій, Дмитровскій и Городецкій, и съ поколения бл[а]же[н]ное памяти прародителей наших дедичный и прирожоный Г[осу]д[а]рь всех Г[осу]д[а]рствъ Ц[а]рству Московскому подлеглых и проче. Всемъ вобецъ и каждому зособна, такъ предложенымъ яко и обывателемъ в царствахъ и князьствахъ монархіи нашей Московской подлеглыхъ, где сяя грамота наша отъ мещанъ Кіевскихъ права Малдеборского указана будет, бояромъ, воеводомъ, наместникомъ, головамъ таможеннымъ и целовальникомъ и всемъ приказным людемъ ознаймуемы и ведомых чинимо, ижъ за волею Бога Найвышшого едучи щесливе с Короны Польское через место его Королевской милости Кіевъ, с немалымъ войскомъ нашимъ, до столицы отчины нашое, в которомъ для отпочиненья рицерства нашего через килька дней забавитьсе муселисмы, такъ темъ и для перевозу войска нашего черезъ реку Днепръ тыеж мещане Кыевские коштомъ и накладомъ своимъ перевоз сготовавши, вельце потребе на-

---

22 В «Каталоге Пергаменов» Таурогиньского и инвентарной описи Коллекции пергаменных грамот в AGAD указана ошибочная дата 3 октября 1604 г.

BSB

шей догодили. За чимъ такъ у отпочиненею, яко и въ переправе войска нашего шкоду великую тое место Кіевское на себе отнести мусело. И просили насъ покорне, челом намъ бьючи тые подданые его Королевской милости мещане Кіевскіе, абысмы им зъ ласки нашое в нагроду тыхъ шкодъ, вольность безтаможеную въ Государствах наших надали. Прето мы Государь видечи их быть в таковомъ знищенью и хотечи им тое слушне нагородити, даем и даруем вольность тому месту Кіевскому и всемъ мещаномъ въ немъ мешкаючимъ по всехъ государствахъ нашихъ безтаможеную. Вольно будет тымъ мещаномъ Киевскимъ, который бы кольвекъ пріехалъ до государствъ нашихъ з якыми кольвекъ товарами и з золотыми и з ехимками, без мыта и тамги и всякихъ пошлинъ нашихъ Государских торговати, и з государствъ нашихъ всякіе товары волно будет до панства его Королевской милости вывозитъ, такъ тежъ воскъ и медъ пресный покупати и вывозити, им самымъ и потомкомъ ихъ на вечные часы. Конечно, подъ ласкою нашею Государскою, абы иначей не было. Которую вольность обецуемъ и шлюбуемъ словомъ нашимъ Государскимъ, гды нас Господ Богъ щастливе на престоле прародителей нашихъ посадит, тым мещаномъ Кіевскимъ въ канцеляріи нашей утвердити и умоцнити обецуемъ часы вечными. Что для лучшее веры и певнейшое ведомости, тую грамоту нашу рукою нашею Государскою подписалисмы и печать нашу царскую приложити казалисмы. Писан на перевозе подъ Выш-городомъ, в лето 7113, а отъ воплощенія Господа Бога и Спаса нашого Ісуса Христа тисеча шестьсот четвертого, месяца Октобрія 23 дня. У тое месту печать притиснена и подпись руки князя Московского тыми словы Димитръ царь. Который тот лист за прозбою всих мещанъ и купцов места нашого Киевского до книг канцелярейских уписати и сиъ наш лист под печатью Великого князства Литовского имъ выдати есмо велели. Писан у Варшаве лета Божого Нароженья тисеча шестьсот шосто[го] м[е]с[я]ца мая двенадцатого дня.

Лев Сапега ка[н]цлер
Вел. Княз. Литов.

Jan Sokolinski Secretarz

Пометы на обороте листа (почерком XVII в.):

1.) Extrakt z Kancelleryi WXLit. Listu Dymitra Iwanowicza Carewica Moskiewskogo Kupcom Miasta Kyewa danego na wolne przeiazdy z towarami w Panstwie Moskiewskim bez płacenia Myta, nagradzaiąc im szkody poczynione, kiedy przechodził z Woyskiem swym przez Kijow do stolicy swoey. Datum a. 1604 8bris 23. Extrakt 1606 May 12.

2.) N 4. fasc. 12 przywilejow.

Ниже зачеркнуты пометы почерком XVII в:

1.) Царь Московский Дмитрь.

2.) № 1.

Оригинал: AGAD, ZDP, № 8087 (d. AR I, № 918a). Пергамент; 445 мм x 295 мм. Западнорусская скоропись; черные чернила. След от большой вислой печати.

Копия: AGAD, ZDP, № 8087, (копия транслитерирована, XX в.).

Примечания издателя

a *Буквица* Ж.

№ 3

Жалованная грамота Лжедмитрия II киевским мещанам на безпошлинную торговлю в России

Тушин, 9 июля [29 июня] 1608

Божиею[a] милостию Московские облости вели[кого величества самодержец и все][b]держитель Российского государства [царь и великий князь Богом хранимый и Богом][b] избранный и Богом п[очтянный и Богом дарованный и Богом помазанный][b] и надо всеми ордами п[ревознесен вторым Израилем уподобися покро][b]вением десницею выш[няго Бога единый подсолношный крестьянский царь и многих государств государь и облаадатель. Мы][b] Дмитрей Иванович всея Ру[сии пожаловали есмя][b] торговых людей ки[евских][b] прамого и добдрского[c] в [Москов][b]ском государстве по всем городом и на Моск[ве камками и ехим][b]ками и золотыми и медом и воском б[езданно и безпошлинно торговати до их][b] живота и по городом бояром [нашим и воеводам и наместникам][b] и всяким приказным людем и под[ьячим и земским][b] старостам и целовальником с ихъ то[вару пошлины и][b] томги и явки и головщины и постоя[лого и по рекам мыта][b] и перевозу имати с них не велел. Писо[на ся наша][b] грамота на нашем царском стану у Москве [лета][b] 116-го июня в 29 день

Dmitr Car[d]

Помета на обороте листа (почерком XVIII в.): Ad N 3 Fasc. 41 Różnych.

Оригинал: AGAD, ZDP, № 8095 (б. AR I, № 926), л. 1. – Грамота сохранилась только в ок. 50 % (левая часть), почти вся правая часть оборвана[23]*. Бумага; филигрань фрагментарна, трудна для идентифицирования (двуглавый орел со*

---

23 Предлагаемая реконструкция утраченных фрагментов текста основана на анализе формуляров жалованных грамот Лжедмитрия II (см. сн. 8) и сопоставлению содержания привилеев № 1, 2 и 3. За оказанную помощь выражаю искреннюю благодарность Ю.М. Эскину.

BSB

щитком на груди); 350 мм х 180 мм (?), большие поля: л. – 70 мм, в. – 65 мм. Московская скоропись. Чернила темнокоричневые; подпись Лжедмитрия II рыжеватыми чернилами. Двусторонняя печать из красного воска (50 мм) сохранилась с небольшим ущербом; привешена на малиновом шелковом шнуре. Лицевая сторона – всадник, поражающий копьем дракона; круговая надпись сохранилась довольно плохо – предполагаемое чтение: Божею милостию всея Руси Государь Царь и Великий князь Дмитрей Иванович. *Оборотная сторона – двуглавый орел с коронами на головах; круговая надпись* Всея Руси самодержецъ и многихъ господарствъ господар [и обл(ада)т(ель)][24].

Примечания издателя

a *Буквица* Б.
b *Край листа оборван.*
c *Так в ркп. Должно бытъ:* права магдебургского.
d *Подписъ – автограф.*

№ 4

Письмо Вацлава Вельгорского князю Янушу Острожскому с известием о вступлении Лжедмитрия I с войском в Киев и переговорах с сандомирским воеводой Юрием Мнишеком

Киев, 18 октября 1604

Jaśnie oświeczone Xiążę Panie moj miłościwy

Oznaimuie Waszej Xiążęcej Mości, isz wczora nad wieczór carewicz s Panem wojewodą sendomierskim[25] i wojsko ich mało nie wsziskie z nocliegu Białohrodskiego do Kijo-

---

24 О печати Лжедмитрия II см. *Н.П. Лихачев* Земская печать Московского государства в Смутное время. Москва, 1914, с. 4. Данный экземпляр вислой двусторонней печати «Тушинского вора» является одним из трех нынее известных, при чем именно он сохранился лучшим образом. Чуть хуже сохранилась печать на упоминаемой выше жалованной грамоте Власу Устинову от 1608 г., см. РГАДА, ф. 27, оп. 1, № 27. Последний экземпляр, немного отличающийся от выше указанных, прикреплен к жалованной грамоте Иль-мурзе Юсупову от 1610 г. (РГАДА, ф. 1290, оп. 1, № 14) и сохранился несравненно хуже, см. О роде князей Юсуповых, с. 122; ср. *Лихачев* Земская печать, с. 4. Следует отметить, что в историографии отсутствует воспроизведение лицевой стороны вислой печати Лжедмитрия II. Ее оборотная сторона, употребляемая в тушинской канцелярии как прикладная печать, сохранилась на многих грамотах в собраниях России и Польши (см. например: РГАДА, ф. 149, №№ 56, 57, 58, 59, 60, 62, 64, 68, 70; AGAD, Zbiór Muzeum Narodowego, № 731; Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku, rkps 290, kk. 233, 248); ее воспроизведение см. Снимки, № 40.

25 Юрий Мнишек – см.: Urzędnicy województwa sandomierskiego XVI–XVIII wieku: Spisy / Oprac. K. Chłapowski, A. Falniowska-Gradowska. Kórnik, 1993, № 956, c. 124.

BSB

wa weszli, ktorim dalej dwu abo trzech dni, iako sami głoszą, tu się bawić nie tuszę, bo widzę za Dniepr pilno chczą pospieszyć. Przewoz w Wyszhrodzie. Podług informaciej W.X.M. wyjeżdżałem przeciw Panu wojewodzie Sendomierskiemu do Białohrodki i ono napomnienie uczyniłem. Dał respons, że do tej sprawy czarewicz niebez dobrej deliberaciae i wiadomości Jego Krolewskiej Mości wiązał się, owszem doszedszi dobrze pewnej wiadomoszci jasnej sprawiedliwości im jako wsziskim wiadome tak i Jego Królewskiej Mości nietajnej. Zaczem wybacził to, że i Jego Królewskiej Mości jesli się z innych miar sprawiedliwości jego nie pomoc, jednak przeszkadzać nie zdało, a to nie zabraniając i mnie, gdy się kto inny tego podiąc nie chciał i ludziom Ricerskim wolnym do niego przywiązać i sprawiedliwości im dopomodz. Przypomniał i to, że była nadzieia pomocy czarewiczowi osobliwie przez Wasza Xiążęcą Mość, czo powiadał sam w Lublinie, a potem za bytnością Jego Mości Pana kamienieckiego[26] w Crakowie nimniejsza otuchę wziął był. Teras iuż się tak zaciągnowszi oświadczył, że w ciągnieniu wojska ten miał pilny respekt, że maiętności Waszej Książęcej Mości mijał i żadne szkody nie stały się, czego i w Kijowie przeszczegać obiecał. Odwrotu iusz s temi ludzmi i zamieszania przewozu, iako nasz na Dnieprze w Wyszhorodzie lub w urzędzie Waszej Xiążęcej Mości, okazuiąc impossibilitatem i dla zaciągu wielkiego i otuchy, która twierdzi //л. 1об// często przychodzi z naszemi w rzeczach tego czarewicza z naszemi i to nadto com pierwej pisał niesłychać nic dalei i czo będzie nie omieszkam Waszej Xiążęcej Mości dawać znać. Zaczem Pana Boga wiernie proszę o dobre zdrowie i w długi wiek fortunnego panowania Waszej Xiążęcej Mości Pana Moiego miłościwego. Z Kyowa 18 8bris Anno 1604. Waszej Xiążęcej Mości Pana swego miłościwego

Uniżony sługa Waczław Wielhorsky

Jakom począł w sprawach tych pisać do WXM tak żadnego razu odpisu i dotąd nie miałem.

На обороте письта (л. 2об) тем же почерком: Jasnie Oświeconemu Xiążęciu Panu Panu Januszowi Xiążęciu Ostroskiemu Castellanowi Crakowskiemu Panu moiemu miłościwemu.

Оригинал: AGAD, Archiwum Potockich z Łańcuta, № 1581, 2 л. Бумага, водяной знак – герб Тэнпа подкова (Tępa podkowa)[27]; следы от красновосковой печати. Вла-

26 Якуб Претвич, каменецкий каштелян, см.: Urzędnicy województwa podolskiego XV–XVIII wieku (Powiaty czerwonogrodzki, kamieniecki, latyczowski): Spisy / Oprac. K. Przyboś. Kraków, 1994, № 198, c. 69.

27 Отдаленно сходен: *J. Siniarska-Czaplicka* Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej od początku XVI do połowy XVIII wieku. Wrocław, 1969, nr 960. Происхождение бумаги с этой филигранью неизвестно; ее предполагаемая датировка – 1581–1602, см. там же, с. 19.

BSB

дельческий штемпель архива Потоцких с гербом Пилява и надписью Łańcut *(л. 2); сигнатура карандашом № 75.*

Копия: там же (XX в.).

Discussion
Полемики

А.А. Горский

К вопросу о роли норманнов в складывании Киевской Руси (по поводу книги К. Хеллера «Норманны в Восточной Европе»*)

Тема «норманны в Восточной Европе» имеет в науке длительную и драматичную историю. Дискуссия о роли скандинавов в образовании Киевскои Руси долгое время осложнялась как ложно понимаемым патриотизмом, так и накладывавшим отпечаток на исследования протестом против него. В нынешнее время появляются возможности для объективного, избавленного от этих вненаучных наслоений рассмотрения проблемы. Поэтому появление книги К. Хеллера вызывает особый интерес.

По своему жанру книга, однако, представляет собой нечто среднее между исследовательской монографией и популярным очерком. Большая ее часть написана на основе литературы, используемой к тому же весьма неполно и выборочно. Если же автор обращается к источникам, то прибегает к длинным (порой до нескольких страниц) цитатам, как правило не сопровождая их комментарием. Во многих случаях утверждения К. Хеллера (преподносимые без аргументации) являются в лучшем случае – не единственными мнениями по данной проблеме, в худшем – далеко не господствующими.

Так, автор, рассматривая скандинавов, приходивших в Восточную Европу, как шведов, не упоминает точки зрения, согласно которой дружина Рюрика (сыграв-

---

* *K. Heller* Die Normannen in Osteuropa. Berlin: Duncker & Humblot, 1993, 100 S. (Osteuropa-Studien der Hochschulen des Landes Hessen: Reihe 1. Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens 195).

BSB

шая важную роль в становлении государственности) была в основе датской, призванной племенами севера Восточной Европы в качестве противовеса шведским викингам; основой такого предположения является отождествление Рюрика с датским конунгом Рериком Ютландским (по поводу этого отождествления автор также никак не высказался)[1].

В Киеве «доваряжского» периода К. Хеллер предполагает опорный пункт, посредством которого хазары осуществляли контроль над днепровским торговым путем (с. 33, 39). Предположение о непосредственной хазарской доминации в Киеве существует в историографии, но не является единственным или преобладающим. Между тем автор не дает здесь даже ссылки, как будто речь идет о чем-то общепризнанном. В противоречии с этим ниже (с. 41) он принимает на веру летописное известие о Кие и его поездке к византийскому императору и констатирует, что нет данных о скандинавском происхождении этого персонажа. Но если в Киеве до появления норманнов был самостоятельный местный князь, то как быть с трактовкой этого центра как хазарского? Или он стал таковым в период после смерти Кия и до появления Аскольда и Дира? Объяснение отсутствует.

Говоря о восточнославянских укрепленных поселениях (*градах*), существовавших ко времени возникновения Киевской Руси, К. Хеллер объявляет их все временными убежищами на случай вражеского нападения (с. 39). По поводу славянских городищ существует огромная литература. Археологами разработана их классификация: выделяются городища-убежища, городища-святилища, городища – общинные центры, городища – «племенные» центры[2]. И все эти исследовательские усилия автор перечеркивает одним росчерком пера, при этом делая ссылку на … главу в обобщающем издании «Handbuch der Geschichte Rußlands»! На деле утверждение, что все восточно-славянские городища VIII–IX вв. были убежищами, не может рассматриваться даже как гипотеза, т.к. на многих из них обнаруживаются явные следы постоянного проживания.

Аскольд и Дир безоговорочно считаются автором боярами Рюрика (с. 42), хотя таковыми они объявляются только в *Повести временных лет*, а предшествующий ей Начальный свод ограничивается указанием на варяжское происхождение этих предводителей[3]. Вообще, К. Хеллера отличает полное доверие к известиям летописи, отстоящим от описываемых событий на 2–2,5 столетия, хотя степень их достоверности – сложная проблема, имеющая обширную литературу. Только раз автор позволил себе засомневаться в правдивости летописи – по поводу известия о распределении власти после смерти Рюрика (с. 42).

---

1 См.: *И.В. Дубов, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев* Варяги и Русь // Славяне и скандинавы. Москва, 1986, с. 193–194.

2 См. напр.: *Б.А. Тимощук* Восточные славяне: от общины к городам. Москва, 1995, с. 5–59 (здесь же литература).

3 Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Москва, 1962, стб. 20–21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва, Ленинград, 1950, с. 106.

BSB

Общая концепция К. Хеллера сводится к следующему. С конца VIII столетия шведские норманны начинают продвигаться сначала по Волжскому, а несколько позднее – и по Днепровскому пути к берегам Каспийского и Черного морей. Жившие вдоль этих торговых путей балты, финны и восточные славяне облагались данью, продукты которой служили товаром для торговли с Византией и странами Востока. Следствием деятельности викингов стало образование государства Киевская Русь. Местное население – восточные славяне и финны сыграли, однако, не пассивную, а активную и существенную роль в строительстве государства. Сами норманны подверглись быстрой славянизации; в то же время отдельные их контингенты продолжали приходить из Скандинавии в Восточную Европу до середины XI столетия.

Вкратце позиция автора по вопросу о роли норманнов в формировании древнерусской государственности может быть сформулирована так: эта роль была решающей, хотя роль местного населения также была важной. То, каким образом иллюстрируется (сказать «аргументируется» нельзя, т.к. автор старается не заострять внимание на спорности проблемы) этот тезис в книге, оставляет немало вопросов.

Один из них – почему (коль скоро роль норманнов была решающей) государственность сложилась не на Волжском пути, который скандинавы освоили ранее Днепровского, а именно на этом последнем. К. Хеллер объясняет «переключение» викингов на Поднепровье тем, что продвижение печенегов, сдвинувшее с места венгров и дестабилизировавшее Хазарию, открыло варягам путь на Юг, в то время как путь по Волге перекрывала Волжская Болгария (с. 33). Но, во-первых, продвижение печенегов в Северное Причерноморье относится к конце IX – начале X в., т.е. ко времени уже после появления в Киеве Олега (не говоря об Аскольде и Дире); во-вторых, печенеги, расселившись между Доном и Дунаем, стали как раз серьезным барьером для продвижения на Юг по Днепровскому пути: чем продираться через печенежскую степь, почему бы не образовать государство в Верхнем Поволжье и не направить удар на Волжскую Болгарию, которая не была настолько сильным государством, чтобы устрашить викингов, не боявшихся нападать на Византию и северокавказские земли. Очевидно, дело в уровне развития местных обществ: финские племена Верхнего Поволжья не подошли к становлению государственности и она здесь не сложилась, несмотря на присутствие и активность норманнов; в Среднем же Поднепровье условия для формирования государства были уже налицо.

При рассмотрении вопроса о том, какова была роль выходцев из Скандинавии в этом процессе, исследователи (как т.н. «норманисты», так и их оппоненты) до сих пор парадоксальным образом не принимали во внимание «общеславянский фон», т.е. не пытались сопоставить особенности формирования Киевской Руси с тем, что происходило в других славянских странах, хотя такое сопоставление помогает выявить степень норманского влияния на темпы и специфику государствообразования. Что касается темпов, то ранее Руси сложились государства в Моравии и Хорватии – у славян, которые тесно контактировали с более развитыми

BSB

франкским и византийским обществами, отстали в своем политическом развитии полабские и поморские славяне, а наиболее синхронно с Русью развивалось (в течение IX–X вв.) государствообразование в Чехии и Польше. Для утверждения о каком-то заметном ускорении, которое придало норманское влияние процессу формирования государственности в восточнославянском регионе, сравнение с другими славянскими странами, таким образом, не дает оснований. В сферах социальной и политической наблюдается значительное сходство со славянскими странами. Подчинение рядового населения власти князей и их дружин, данническая эксплуатация, относительно позднее развитие индивидуальной (вотчинной) крупной земельной собственности – все эти черты свойственны не только Руси и Скандинавии, но и западнославянским государствам. Что касается территориально-политической структуры Киевского государства, то путь ее формирования – через подчинение киевскими князьями в течение IX–X вв. восточнославянских догосударственных общностей – аналогичен пути складывания территорий не только и не столько скандинавских государств, сколько Великой Моравии и Польши (где в качестве ядра государственной территории выступали соответственно земли мораван и гнезненских полян). Процесс смены старых (т.н. «племенных») центров новыми, созданными по инициативе центральной княжеской власти, происходил в период государствообразования не только на Руси, но также в Чехии и Польше. Дружинный элемент играл в эту эпоху решающую роль практически у всех славянских народов (а первые известия о славянских дружинах относятся к VI – VII вв.), т.е. и здесь нет специфической русско-скандинавской параллели.[4] Причина того, что в процессе государствообразования на Руси не выявляется черт, которые могут быть связаны именно с влиянием норманнов, разумеется, не в слабости их воздействия, а в том, что в Скандинавии и у славян процессы такого рода происходили принципиально сходно и относительно синхронно, в силу чего викинги без затруднений включались в них, а местное общество пришельцев не отторгало (в долгосрочном плане, разумеется – конкретные конфликты имели место): будучи на первых порах чужими этнически, в социально-политическом и культурном отношении они оказывались близки.

Но одна из черт сложившегося в Восточной Европе государства все же может быть связана с деятельностью норманнов. Это объединение всех восточных славян в одно государственное образование. Ни у южных, ни у западных славян подобного не произошло (хотя тенденции такого рода имели место в Великой Моравии конца IX в.). Если бы в конце IX столетия не произошло объединение земель по пути «из Варяг в Греки» под единой властью (которое вряд ли было возможно без сильного варяжского дружинного контингента), вероятно, в восточнославянском регионе сложилась бы также полицентричная государственная система.

---

4 См.: *А.А. Горський* Ще раз про роль норманнів у формуванні Київської Русі // УІЖ, 1994, № 1, с. 3–9.

BSB

При изучении деятельности норманнов традиционно представление о «туземном» обществе славян, финнов и балтов, в которое проникали пришлые скандинавы. Однако в отношении Севера Восточной Европы это верно только при условии принятия точки зрения о раннем (V–VI вв.) появлении здесь славян. Между тем существует иной взгляд – что славяне достигли верховьев Днепра и Зап. Двины, а также Поволховья и Приильменья только в VIII или даже IX в.[5] Если данная точка зрения верна (автору этих строк она кажется наиболее вероятной), то славяне и скандинавы оказываются практически в равной степени пришельцами среди местных финских и балтских племен. Разница была в том, что движение славян включало все категории населения, а норманнов – в основном дружинные и торговые элементы. И если на первых порах со стороны последних предпринимались попытки обложить данью все иноязычные общности, то затем в отношениях со славянскими группировками, видимо, был достигнут баланс взаимных интересов: вожди викингов с их дружинами становились частью славянских общностей, укрепляя тем самым их позиции в иноэтничном окружении. В этом ряду стоят и вокняжение Рюрика у словен, и Рогволода у полочан, а также, вероятно, неизвестных нам вождей у смоленских кривичей (т.к. курганы Гнездова – первоначального Смоленска – свидетельствуют, что верхний слой здесь составляли главным образом выходцы из Скандинавии).

Иная ситуация сложилась, когда норманны стали продвигаться на Юг, в Среднее Поднепровье. Это был регион старого славянского расселения (хотя он и был затронут миграциями эпохи общеславянского расселения VI–VII вв., но уже около двух столетий здесь сохранялась стабильность)[6], и тот факт, что центр государства, во главе которого встала скандинавская по происхождению династия,

---

5 См. напр.: *И.И. Ляпушкин* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. Ленинград, 1968, с. 89–113; *В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Ленинград, 1978, с. 40–45, 96–97; *Д.А. Авдусин* Образование древнерусских городов лесной зоны // Труды Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2а. Москва, 1987, с. 7–9. К. Хеллер также пишет о продвижении славян в этот регион в VIII – IX вв., не делая, по своему обыкновению, ссылки, в результате чего читатель остается в неведении относительно дискуссий, происходящих в науке по данному поводу.

6 К. Хеллер отмечает, что ядром Киевской Руси не случайно стала территория, где была особенно высокая концентрация славянского населения, закончилось их расселение и происходил «процесс территориализации» (Territorialisierungsprozeß), который оказал «решающее содействие» строительству государства (с. 37). Правда, при этом он допускает весьма поверхностное противопоставление славянских общностей Поднепровья (носящих названия «географического» происхождения), как уже территориальных объединений, уличам, радимичам, вятичам и кривичам, как родоплеменным образованиям. В действительности этнонимы на *-ичи* далеко не всегда восходили к имени родоначальника (среди подобных названий были, в частности, производные от топонимов – те же восточнославянские «дреговичи», ряд названий у западных и южных славян) и скрывавшиеся под ними общности являлись в большинстве случаев не менее территориальными образованиями, чем те, чьи наименования оканчивались на *-яне*.

BSB

сложился именно здесь, имел решающее значение для судеб восточноевропейского региона. Проникновение норманнов (сначала Аскольда и Дира, затем Олега) в Среднее Поднепровье, будучи, казалось бы, пиком успехов викингов в Восточной Европе, имело результатом введение их активности в жесткие рамки. Путь в Восточную Европу оказался под контролем киевских князей и теперь движение сюда контингентов викингов стало регулироваться: они либо приходили на службу русским князьям, либо пропускались в походы на Восток, при этом часть приходящих викингов постепенно пополняла ряды элитного слоя Руси. Если бы варяжские князья не обосновались в Киеве и не соединили под своей властью Юг и Север Восточной Европы, в X в., вероянто, на Юге существовало бы одно или несколько славянских государственных образований, а на Севере – одно или несколько полиэтничных (славяне, скандинавы, финны, балты), с верхушкой из норманнов, которая, если бы и шла по пути славянизации, то не столь быстро, как это имело место в реальности. Утверждение же варяжских правителей в Киеве привело к формированию на Восточноевропейской равнине одного государства, и государства славянского, в котором скандинавская по происхождению часть элитного слоя (в том числе и те ее группы, которые располагались на Севере) очень быстро была ассимилирована. Возможно, последнему способствовало то, что дружина Рюрика-Олега, ставшая ядром киевской знати, в основе была не шведской, а датской. И викинги, что приходили в Восточную Европу позже (шведские), были для потомков дружинников Рюрика-Олега в меньшей степени «своими», чем местное население, среди которого они родились.

В рассуждениях К. Хеллера о социально-политической структуре Руси также содержится ряд слабо мотивированных положений. Автор не раз говорит о норманских «мелких конунгах», которые в конце IX – первой половине X в. были относительно независимы от киевского князя, самостоятельно отправляли послов в Византию (с. 36, 72). Остается неясным, какие конкретные данные указывают на существование такого рода правителей и какими землями они управляли. В договоре Игоря с Византией 944 г. отправители послов – скорее всего члены киевского княжеского дома. Существование скандинавских по происхождению князей славянских в основе общностей вероятно в северных областях (Рогволод, князья смоленских кривичей), но нет оснований полагать, что подобное явление было распространено на Юге: здесь в зависимых от Киева этнополитических образованиях сохранялись, по-видимому, местные князья типа древлянского Мала[7].

Говоря о киевской дружинной знати, автор выделяет в ней три слоя: верхушка (Großen), дружины представителей этой верхушки и княжеская дружина в собст-

---

7 Что касается Туры, который, согласно *Повести временных лет*, княжил в Турове и дал свое название этому городу, то он не может трактоваться как варяжский князь у дреговичей: Туров, по археологическим данным, возник в конце X в. (см. *П.Ф. Лысенко* Города Туровской земли. Минск, 1974, с. 44–45), т.е. уже после перехода земли дреговичей под непосредственную власть киевского князя, и Туры мог быть, следовательно, только Владимировым посадником варяжского происхождения.

венном смысле – княжеский «двор» (с. 52). Однако ни в X, ни в XI столетии о боярских дружинах как особом слое говорить нет оснований: высокопоставленные княжеские приближенные могли иметь своих вооруженных слуг, но собственно «дружиной» считалась корпорация, во главе которой стоял князь[8]. Впрочем, далее автор, в противоречие со сказанным, пишет о двух слоях – «старшей» и «младшей» дружине (что верно). При этом он указывает, что последняя обозначалась термином скандинавского происхождения *гридь* (с. 53). Но данный термин большого распространения не получил и отмечается почти исключительно на Севере Руси; обычным же обозначением «молодшей дружины» был славянский термин *отроки*[9] (автором не упоминаемый).

По мнению К. Хеллера, сбором дани и ее сбытом ведала специальная категория должностных лиц из дружинной среды – *гости* (с. 56). Это положение (кстати, единственное в книге, которое может претендовать на новизну) не имеет под собой оснований: *гостем* в древнерусском языке именовался человек, торгующий в чужой стране и ничего более[10]. Разумеется, в условиях характерной для IX–X вв. слабой разделенности военной и торговой функций дружинники, отправлявшиеся в Византию сбывать продукты, собранные в полюдьи, могли становиться на время *гостьями*, но это не значит, что под этим термином скрывается особая категория должностных лиц.

Современное состояние изучения конкретных вопросов, касающихся деятельности норманнов в Восточной Европе, открывает широкие возможности для продвижения вперед в комплексном рассмотрении этой проблемы. К сожалению, в книге К. Хеллера эти возможности не были использованы.

---

8 См.: *А.А. Горский* Древнерусская дружина. Москва, 1989, с. 37, 46–47 (Эта работа, вкупе со множеством других, осталась автору неизвестной; вообще в подстрочных сносках упомянуты всего три (!) российские работы, изданные во второй половине 80-х гг.).

9 *Горский* Древнерусская дружина, с. 49–54.

10 Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 2. Москва, 1989, с. 372–373.

С.М. Каштанов Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. Москва: Наука, 1996. 265 с.

Рецензируемая книга доктора исторических наук, профессора и главного научного сотрудника Института российской истории Российской Академии наук С.М. Каштанова – очередной труд из серии его работ, посвященных русскому средневековому акту. Все развитие дипломатики – этой вспомогательной или специальной исторической науки – в послевоенное время неразрывно связано с именем С.М. Каштанова. Его дипломная работа в Историко-архивном институте, написанная в 1954 г. под руководством А.А. Зимина, многообразие фактов и идей которой не исчерпано опубликованными трудами до сих пор[1], произвела, по отзыву А.М. Сахарова, рецензента на защите, впечатление разорвавшейся бомбы. Однако укоренившееся в советской историографии в недобрые 30 – 50-е годы представление о дипломатике как буржуазной исторической науке не способствовало публикации его работ. И тем не менее Каштанову удалось не только развеять предубеждения относительно дипломатики, сохранявшиеся несмотря на труды его великих предшественников – А.С. Лаппо-Данилевского, впрочем, причисленного к негодным для советской науки буржуазным источниковедам[2], и Л.В. Черепнина, в классическом соченении которого ретивые бдители чистоты марксистско-ленинского учения усмотрели отклонения от последнего[3], но и просветить относительно нее широкие массы исследователей[4], вписать дипломатику русских актов в общеевропейскую, развить ее методику и показать возможности данной дисциплины для познания исторического прошлого. Благоприятные условия для этого сложились в период «оттепели» 60-х годов.

Введение дипломатики в научный обиход началось с объяснения самого термина (ибо даже в составе редколлегии журнала «Вопросы истории» были люди,

---

1 *С.М. Каштанов* Очерки по истории феодального иммунитета в период укрепления Русского централизованного государства XVI в. Т. 1–2. Москва, 1954. Вслед за тем увидело свет комментированное издание жалованных и указных грамот XIV–XV вв. (Памятники русского права. Вып. 3. Москва, 1955, с. 85–150), и XVI в. (Памятники русского права. Вып. 4. Москва, 1956, с. 101–170).

2 *Л.В. Черепнин* А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // ВИ, 1949, 8, 30–51.

3 *Л.В. Черепнин* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. Москва, 1948. Ч. 2. Москва, 1951.

4 Впрочем, не всех. Так, *А.А. Зализняк* в своей обобщающей фундаментальной работе «Древненовгородский диалект» (Москва, 1995) полностью обошел результаты работ С.М. Каштанова, что привело к некоторой нечеткости данных им заголовков новгородских берестяных грамот.

BSB

не отличавшие дипломатики от дипломатии)[5]. За ним последовали изложение и разработка методических основ дипломатического анализа на материале актов XVI в. (это составляло основную идею «Очерков русской дипломатики»), исследование отдельных частей дипломатического протокола и применение методов дипломатики для чисто исторических трудов, таких как «Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в.» (Москва, 1967) или «Финансы средневековой Руси» (Москва, 1988). Параллельно с этим С.М. Каштанов участвовал в расширении источниковой базы, выступив одним из соредакторов такого фундаментального издания как «Акты Русского государства 1505–1526 гг.» (Москва, 1975).

Новая монография 1996 г. находится в русле всех предшествующих начинаний автора, поскольку она включает исследовательскую и публикаторскую части. В первой из них находится характеристика публично-правовых актов X–XVI вв., по преимуществу княжеских, во второй – акты, главным образом, из различных местных музеев и архивохранилищ.

Книга лишена стандартного и почти обязательного для наших монографий историографического очерка, что отнюдь не лишает ее чисто историографического интереса, поскольку соответствующие сведения находятся в каждой из глав. Как-то неудобно говорить комплименты такому маститому автору в связи тем, что им мобилизована вся, в том числе новейшая, литература по русской и вообще европейской дипломатике эпохи средневековья (тем более что Каштанов выступал и в качестве просветителя, – с обзорами докладов на конгрессах по дипломатике)[6], но и обойтись без этого замечания невозможно. Полноценный и всесторонний анализ русских актов, в особенности древнейших русско-византийских договоров, был бы невозможен без привлечения литературы на всех европейских языках.

Почти полувековая верность избранной проблематике позволила С.М. Каштанову и в рецензируемом труде создать несколько великолепных очерков по истории русского акта. Первый из них – о русско-византийских договорах 911, 944 и 971 гг. – помещен в главе I. Пожалуй, это наиболее сильный раздел книги. Фундаментальный анализ русско-византийских договоров с точки зрения их протокола, проделанный автором, ставит указанные документы, как известно, сохранившиеся лишь в летописном переложении *Повести временных лет*, в общий контекст меж-

---

5 *С.М. Каштанов* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // ВИ, 1965, № 1, с. 39–44; *С.М. Каштанов* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. Москва, 1969, с. 134–170; *С.М. Каштанов* Дипломатический состав древнерусского акта // ВИД, 2, 1969, с. 143–159; *С.М. Каштанов* Очерки русской дипломатики. Москва, 1970.

6 Это были IV конгресс по дипломатике в 1973 г. в Будапеште (Венгрия) и конгресс 1977 г. в Париже. (*С.М. Каштанов* IV Международный конгресс по дипломатике // АЕ за 1973 год. Москва, 1974, с. 332–340; *С.М. Каштанов* Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 год. Москва, 1982, с. 26–51).

BSB

дународных договоров Византии 992–1261 гг. В формуляре договора 911 г. автор, убедительно оспаривая мнение своего предшественника А.Н. Сахарова, обнаружил сходство с договорами, заключенными Византией с иностранными государствами без предварительных переговоров в этих странах. В отличие от первого договора, второй, по мнению Каштанова, был заключен после предварительных переговоров с князем Игорем, который и принес присягу на экземпляре договора византийских послов. Третий договор был заключен Святославом, находившимся в Доростоле, после двукратного посольства самого князя и его дружины к императору – по аналогии с византино-персидским договором 561 г. В *пинехрусе* – грамоте на коже[7] – русских позднейших летописей (этот термин отсутствовал в тексте договора в Лаврентьевской и Ипатьевской) С.М. Каштанов усмотрел, правда, с оговоркой, если не изобретение позднейших летописцев или не грецизированный термин для обозначения *харатьи*, грамоту типа *сакры* – священного обязательства, в котором «Святослав либо предложил свои условия мира императору, либо подтвердил свое согласие на условия, шедшие уже от имени императора» (с. 28). Оговорка весьма уместна, ибо все построение о *пинехрусе*, отличной от *харатьи*, представляется несколько искусственным, тем более, что оно создано без учета или выяснения условий появления ложного грецизма в летописи.

Весьма точны наблюдения автора над титулатурой русских князей (*князь великий, наша светлость*) и византийского императора и др.

Глава II о внешнеполитических договорах средневековой Руси, правда, без Смоленска и Полоцка, несколько уступает первой. Однако и в ней есть удачные находки – наблюдения относительно эволюции интитуляции и инскрипции, классификация грамот в зависимости от того, от чьего имени заключался договор – князя, наместника или республиканских органов власти, отличий формуляров этих договоров от тех, которые составлялись от лица не Новгорода, но других договаривающихся сторон – Ливонского ордена 1323 г., Норвегии 1326 г. и немецких купцов 1338 г. Чрезвычайно интересны рассуждения о появлении неновгородского происхождения эсхатокола в грамотах XIV в., написанных от лица только республиканских властей Новгорода (с. 63). И тем не менее глава обнаруживает отставание изучения дипломатики внешнеполитических актов от других сфер этой науки. Сказывается отсутствие современных публикаций и новых исследований. Наиболее последовательный анализ указанных договоров предпринял еще в 1916 г. замечательный немецкий историк права Л.К. Гетц, и лишь часть появилась в комментированном А.А. Зиминым издании «Памятников русского права».

С.М. Каштанов подчеркивает, что все договоры заключались в Новгороде. Вероятно, отсюда берет начало практика, унаследованная и Русским государством,

---

7 В связи с удачным толкованием и переводом этого термина, давно обсуждавшегося в литературе, нельзя не упомянуть о том, что Каштанов обнаружил свободное владение греческим языком, что выгодно отличает его от первого послевоенного поколения русистов, как правило ограничивавшихся знанием, да и то поверхностным, древнерусского.

BSB

составления и первичной ратификации договоров именно в Москве, где один из противней снабжался печатью, а другой – скреплялся печатью иной договаривающейся стороны, когда туда прибывал русский посол. Однако С.М. Каштанов обошел проблему архивной судьбы документов, которая важна не только и даже, может быть, не столько для новгородских внешнеполитических актов, сколько для смоленских и полоцких (в частности, договора 1229 г. и его подтверждения). Трудно согласиться с автором в характеристике текста договора 1262–1263 гг. как «подлинного». Он сохранился на листе пергамента вместе с копией предшествующего договора 1191–1192 гг. Копии снабжены печатями, в том числе и архиепископа Далмата, не участвовавшего в заключении договора. Скорее можно думать, что оба договора дошли до нас в копии 1270 г., переданной Риге в соответствии с повелением – *словом* Менгу-Тимура, распорядившегося возобновить новгородско-рижскую торговлю. На это указывает, между прочим, и формула *на том крест целуем*, помещенная после приписки, отделенной определенным промежутком от основного текста договора 1262–1263 гг., о том, что новгородцы не имеют иных документов. С.М. Каштанов трактует цитированную формулу как форму санкции или непризнания других документов, безо всяких оговорок причисляя ее к тексту 1262–1263 гг. Это же скорее приписка 1270 г. к обоим договорам, удостоверенная двумя сериями печатей новгородских властей того времени.[8]

Княжеские грамоты по вопросам внутреннего управления XII – XIV вв. предмет главы III книги. Здесь автор рассматривает церковные уставы и уставные грамоты, жалованные грамоты, договорные грамоты Новгорода с князьями, княжеские духовные, указные, кормленые. В данном перечне некоторые сомнения вызывает включение договоров Новгорода с князьями, не обоснованное автором. Если эти документы относятся к сфере внутреннего управления, то, вероятно, автор не считает Новгород самостоятельным политическим образованием, а вся борьба за его подчинение Московскому княжеству в XV в. оказывается лишенной содержания. Указанная точка зрения в какой-то степени имеет право на существование, ибо Новгород всегда признавал верховенство великих князей владимирских, которыми выступали то тверские, то московские государи. Однако, степень правомочности такого мнения ограничивается тем фактом, что проект договора с Казимиром полностью или почти полностью повторял формуляр предшествующих докончаний с великими князьями владимирскими. К аналогичному мнению приходит и сам автор, анализируя формуляр одной из групп княжеско-новгородских докончаний. В договорных грамотах Новгорода с тверскими князьями середины 60-х годов XIII в. – середины 70-х годов XIV в. С.М. Каштанов выделяет три

---

8 *A. Horoschkiewitsch* Der Ostseehandel und der deutsch-russisch-gotländische Vertrag 1191/92 // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse. Köln usw., 1993, c. 1–12; *A. Horoszkiewicz* Zagadkowe okoliczności powstania kopii najdawnieszych umów Nowogrodu z Gotlandią i Niemcami z końca XII i z połowy XIII wieku // Balticum: Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII–XVII wieku. Toruń, 1992, S. 105–111.

BSB

группы: 1) о степени участия князя в управлении Новгородской землей и его правах в ней (9 документов); 2) о военной помощи (2); 3) о мире (3), для каждой из которых характерен свой формуляр (с. 75). В заключении договоров первой группы от имени Новгорода участвовали владыка (до 1327 г.), посадник, тысяцкий, сотские, старейшие и меньшие. Изменение состава новгородских представителей автор, к сожалению, не сопоставляет с эволюцией политического строя Новгорода. Другая сторона представлена в актах *князем*, с 1270 г. – *господином князем*, с 1307 г. – *великим князем* или *господином князем великим*, что соответствует основным этапам формирования великокняжеской титулатуры и борьбы за этот престол. Вторая группа представлена одним договором рубежа XIII–XIV вв. в княжеском и новгородских противнях, скрепленных княжеской буллой. По типу он приближается к посланиям и имеет нотификацию. Договоры третьей же группы, относящиеся исключительно к XIV в., открываются формулой заключения договора с иностранными государствами: *Се докончал* (с. 76).

К двум первым группам приближается договор московского и тверского князей 1375 г., где в диспозиции находится сходная формула: *На сем ... целуй крест*. Остальные междукняжеские договоры московского великого князя и удельных князей (всего их 3 во второй половине XIV в.), содержат другую формулу заключения договора: *целовали есьмы межи собе крест*. Однако, на наш взгляд, и эти грамоты лишь с натяжкой могут быть причислены к грамотам внутреннего управления.

Зато к ним, безусловно, относятся церковные уставы. Относительно их автор вносит весьма существенные уточнения. Церковный устав Владимира он рассматривает по существу (но не по форме) как договор князя с Византией, поскольку в качестве контрагента Владимира выступает не митрополит, но сестра византийских императоров Анна. В связи с этим он относит первоисточник этого устава к 988 г. Автор подчеркивает отсутствие четких интитуляции и инскрипции и упор в диспозиции на роспись сборов с территориальных единиц (с. 68).

В синхронных или почти синхронных новгородских и старорусских берестяных грамотах, при этом древнейших, главной темой является роспись долгов (№ 526 и 240 новгородских, 19–22 старорусских соответственно второй трети XI и 1160–1220 гг. и второй четверти XII – 10-х годов XIII в.). Возможно, природа возникновения подобных документов сходна – установление государственной и церковной власти над различными землями.

Уточняет С.М. Каштанов и дату создания церковного устава Ярослава Мудрого, которую относит к 1051–1054 гг. (Дата поставления митрополита Илариона и смерти самого князя). Что касается двух уставов князя Всеволода Мстиславича, то автор присоединяется к мнению ряда исследователей, отрицающих принадлежность их XII в., но своей датировки не предлагает, что было бы интересно, принимая разногласия ученых (В.Л. Янин – XIII в., А.А. Зимин – XIV в.)

В XII в. возникает новый тип грамот – жалованные; впрочем, сам автор подчеркивает, что это название условно, поскольку в XII в. термин «жалованная» еще не бытовал, а сущность акта выражал не глагол *пожаловал*, но *дал*. Друвнейшей

BSB

из них является, как известно, грамота Мстислава и его сына Всеволода Юрьеву монастырю около 1130 г., охарактеризованная как «имперская по своему характеру» (с. 70), по-видимому на основании ее близости «к западноевропейским раннесредневековым актам, составленным в форме посланий монарха местным властям» (с. 70) (в грамоте Мстислава содержится повеление Всеволоду пожаловать землю монастырю). Хотелось бы несколько более подробно узнать о хронологии подобных западноевропейских актов, их географическом ареале и т.д., понять, в каком смысле употреблен термин «имперский», только ли по аналогии, по существу, с императорскими актами, или по идеологии соответствующей внешней политики.

В других случаях С.М. Каштанов более точно указывает аналогии. Так, для миниатюры грамоты князя Олега Рязанского Ольгову монастырю около 1371 г. с изображением Деисуса в 7 лицах он находит их в византийских и сербских хрисовулах XIV–XV вв. и считает появление этой миниатюры «результатом своеобразного переосмысления обычаев византийской дипломатики времен Палеологов и трапезундских Комнинов» (с. 74), которое вполне укладывается в картину оживленных русско-византийских и русско-сербских связей в области изобразительного искусства и культуры эпохи первого южнославянского влияния.

Рассматривая интитуляции «жалованных» грамот XIV в., С.М. Каштанов несколько осторожнее, чем раньше[9], трактует термин *всея Руси* в титуле Ивана Калиты, допуская возможность включения этой формулы при переписке акта (с. 73).

Особой группой публичноправовых актов С.М. Каштанов считает духовные грамоты князей, представленные текстами завещаний владимиро-волынского князя Владимира Васильковича брату и жене и завещаниями московских князей. Всех их роднит словесная инвокация (присутствующая, кстати, и в духовных лиц другого социального происхождения, в частности, Климента, и написанных на бересте). Стоит отметить, что завещания в Новгороде, оформленные берестяными грамотами, предшествуют княжеским (древнейшее – № 138 восходит к 1300–1310 гг.; № 580 – к 1300–1360 гг.). Для полной уверенности в том, что княжеские завещания имеют иной характер, нежели завещания частные, следовало бы указать эти признаки особности, чего в работе нет.

К XIII в. относится и древнейшая указная 1294–1304 гг. князя Андрея Александровича на Двину (берестяные грамоты дают пример более ранний – № 739 от 1125–1160 гг.). О существовании указов монгольских ханов можно судить по *Слову* Менгу-Тимура князю Ярославу. Этот комбинированный документ, предоставлявший немецким купцам от имени Ярослава свободу передвижения по Новгородской волости, согласно Каштанову, может рассматриваться как «послание с элементами указной и жалованной грамот» (с. 80).

---

9 *С.М. Каштанов* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. Москва, 1967.

BSB

Другую же группу документов – ярлыков ханов русским митрополитам, сохранившихся в русских переводах – С.М. Каштанов, на наш взгляд, ошибочно поместил в число русских публичноправовых актов. В них автор также отмечает «имперский характер» документов, в которых «нет формулы непосредственного пожалования хана митрополиту, а содержится обращение к местным властям» (с. 81). Протокол ярлыков, где даты указаны по татарскому «звериному» календарю (с. 81), имеет такие существенные отличия от русских актов, что причислять их к русскому наследию несколько странно[10]. Немотивированным выглядит вывод о ярлыках «не только как чисто политических актах», но и как о «продолжении начавшейся в XII в. практики выдачи русским духовным учреждениям жалованных иммунитетных грамот» (с. 95).

Анализ княжеских актов XII–XIV вв. по вопросам внутреннего управления позволил автору сделать несколько бесспорных выводов: о выработке устойчивого формуляра этих актов к концу XIV в., хотя в Новгороде это произошло еще в XII–XIII вв. Исключение – конечный протокол, который остался неразработанным, равно как и нотификация (публикация); слабо развит был жанр посланий (впрочем, если это и правильно по отношению к княжеским грамотам, то совершенно неверно по отношению к грамотам, написанным выходцами из других социальных слоев; см. новгородские берестяные грамоты). Есть выводы и относительно неравномерности социально-экономического развития, отсутствие грамот на земли в пределах Московского княжества до 1380 г. свидетельствует о некотором отставании развития феодализма на данной территории (с. 72). В связи с этим уместно было бы вспомнить об археологических материалах, свидетельствующих о слабой заселенности региона в предшествующее время[11].

Тема неравномерности развития отдельных земель Руси снова звучит в главе IV, посвященной частным актам. Рассмотрение их автор начинает с купчей (данной) и духовной Антония Римлянина, которые, по его мнению, написаны одновременно. И отдельные термины (*сироты, крестьяне*), и санкция с угрозой со стороны 318 никейских старцев ведут соответственно ко времени после конца XIV в. и конца XIII – XIV вв. Подобная санкция появляется в сербских и болгарских актах в середине XIII в., в молдавских – в конце XIV в., на Руси не раньше конца XIII – XIV вв. (отсюда, кстати, предлагаемая автором датировка Пространной редакции устава Ярослава).

Что же касается данной Варлаама Новгородскому Спасо-Хутынскому монастырю, то С.М. Каштанов склоняется к мнению о ее подлинности, отмечая сходство ее формуляра и княжеских жалованных грамот новгородским монастырям. Относительно же данной черницы Марины С.М. Каштанов уверенно выводит этот

---

10 *А.И. Плигузов, А.Л. Хорошкевич* Ярлыки как источник по истории русской церкви // Церковь и государство средневековой России. Москва, 1991.

11 *А.А. Юшко* Московская земля в XIV–XV вв. Москва, 1991.

BSB

документ из пределов XIII в., но не решает окончательно ее судьбы – относя ее либо к началу 50-х годов XV в., или к началу 80-х годов XVI в. (с. 95).

Подводя итоги анализа частных актов, С.М. Каштанов отмечает, что Владимиро-Суздальская земля вообще не представлена ими (с. 88), а Новгород был областью наиболее интенсивного развития феодализма в XII–XIII вв. (с. 88), и делает выводы более общего характера. Он подчеркивает, что с середины XIV в. начался интенсивный рост великокняжеской собственности, зафиксированный княжескими духовными. «Слабость частнофеодального землевладения в московском княжестве XIII–XIV вв., отсутствие крупного монастырского землевладения были, по-видимому, одной из главных причин усиления здесь великокняжеской власти, что обусловило, в свою очередь, роль Москвы как объединительницы Руси» (с. 95).

Глава V носит более частный характер. В ней автора интересуют особенности начального протокола и диспозиции грамот рязанских князей XIV–XVI вв. В отличие от грамот северо-западных земель в рязанских, по наблюдению С.М. Каштанова, указательная частица (или местоимение?) *се* отсутствовала. Вместо личного местоимения *аз* в рязанских грамотах употреблялась форма *яз*. Относительно географических элементов титула (объектной его части) С.М. Каштанов высказывается неопределенно, хотя, кажется, рязанские акты не могут быть исключением: традиция географической титулатуры в актах, рассчитанных на внутреннее употребление – явление позднее, конца XV и чуть ли не XVI в. Чрезвычайно интересны для понимания эволюции административного устройства Руси наблюдения С.М. Каштанова над термином *уезд*. В грамоте Александра Михайловича до 1340 г. он означает «разъезд, размежевание», в более поздней Олега Ивановича около 1356–1360 гг. – территориальную единицу, сельские округа, примыкавшие к населенному пункту, более или менее значительному. Такую же эволюцию проделывал термин *уезд* и в Московской земле, где он первоначально означал владение, затем – небольшой округ с определенным центром, возникший в результате предшествующего раздела и выдела округов в другое владение. Лишь в конце XIV в. начался в Московской земле процесс формирования уездов нового типа вокруг крупных городских центров. Этимологические и лексикографические наблюдения С.М. Каштанова бросают новый свет на развитие административного деления не только Рязанской, но и Московской земли. Термин же *разъезд* в 1382 г. означал границу и самый факт раздела земли, а позднее, в 1401–1402 гг. – размежевание территории с точным указанием и описанием границ.

Последняя VI глава посвящена жалованным грамотам внешнеполитического характера – всему собору афонских монастырей 1509, 1515 и 1571 гг., Пантелеймонову 1543, 1551, 1554, 1571 и 1581, Хиландарскому 1556, 1557, 1559, 1571 гг., Ватопедскому 1588 г. монастырям. Смена ориентации русских государей примечательна: связи со всем Афоном сменяются предпочтением Пантелеймонову монастырю в 50-е годы в период правления Избранной рады, а затем сербскому Хиландарскому – с 1556 г. Если в первом повороте С.М. Каштанов не усматривает «сербской идеи», на которой настаивал М.Н. Тихомиров, то во втором – при-

BSB

соединяется к мнению последнего. «Связь с этим сербским монастырем [т.е. Хиландарским – А.Х.] – пишет он, – настолько очевидна и находится в такой зависимости от борьбы за сохранение династии, знаменем которой оказывается Елена Глинская, что тут нельзя не признать справедливым мнение Тихомирова о роли сербской идеи в самосознании Ивана Грозного» (с. 115–116). Думается, можно увидеть и другие причины. Поддержка Василием III афонских монастырей прекратилась в связи с его попытками добиться автокефалии русской церкви, а переориентация Грозного на Хиландарский монастырь могла быть связана с его стремлением узаконить с помощью вселенских церковных иерархов свои новые титулы. Впрочем, вышеизложенное – не более, чем гипотеза. Однако в ее пользу говорит та часть формуляра грамот афонским монастырям, которую С.М. Каштанов рассматривает особенно подробно, – интитуляция. Она оказалась наиболее изменчивой частью формуляра грамот. Если в грамоте 1509 г. за образец была взята западноевропейская традиция (имя – формула *божьей милостью* – титул) с вынесением имени на первое место, то в 1515 г. титул двойной: *великий государь* – имя – богословская формула – *един правый государь*. Эти новшества, отличавшие интитуляцию жалованных афонским монастырям от интитуляции грамот, адресаты которых находились внутри страны, связаны с повышением престижа и упрочением положения Василия III после смерти в 1509 г. законно венчанного в 1498 г. и законного претендента на великокняжеский престол Дмитрия-внука, племянника Василия III, и с признанием имперским послом Ю. Шнитценпаумером от имени императора Максимилиана I «царского» титула Василия III в договоре, заключенном в Москве в 1514 г. Второй титул грамоты 1515 г. тоже легко объясним: претензия, впрочем, соответствовавшая реальности, на право называться *единым правым* [т.е. и православным – А.Х.] *государем*, звучала особенно актуально в период борьбы за автокефальность русской церкви, отчетливо выразившейся в 1518–1519 гг. во время приема посольства константинопольского патриарха[12].

Еще более выразительно богословие в жалованной Хиландарскому монастырю 1556 г. Эта парафраза молитвы *Царь царствующим*, которая читалась во время великокняжеского венчания Дмитрия-внука и царского – Ивана IV. Она же легла в основу богословия и в хрисовуле Стефана Душана середины XIV в. Можно согласиться с С.М. Каштановым в том, что грамоты афонским монастырям свидетельствуют «о значительной политической роли этих документов», по-видимому, в первую очередь в упрочении международного престижа русских государей. На ту же мельницу лило воду и другое изменение в интитуляции – смена скромного местоимения единственного числа *аз* на торжественное множественное *мы* в первой грамоте Пантелеймонову монастырю 1543 г., поводов для которого внутри страны и в ее тогдашних международных отношениях этого времени не заметно.

---

12 *А.Л. Хорошкевич* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. Москва, 1980, с. 201.

BSB

Может быть, это можно объяснить механизмом составления жалованных грамот афонским монастырям, проекты которых, как показал С.М. Каштанов, привозили в Москву сами старцы.

В целом глава VI, содержащая самый полный на сегодня анализ жалованных грамот афонским монастырям в XVI в., открывает новые стороны международных отношений Руси и России того периода, когда бурно и трагически происходило становление русской государственности, упрочение международного престижа ее главы, подготавливалось и состоялось введение патриаршества.

В заключении автор подводит итоги своего интересного и многогранного исследования, дополняя проделанный анализ синтезом эволюции развития русского акта в XV в. Об основной линии фискальной политики XV–XVI вв. свидетельствует исчезновение в диспозитивной части жалованных грамот полного освобождения от дани, которое сменяется временными льготами и оброчным принципом (последнее только в удельных княжествах). В рязанских грамотах, наиболее быстро изменявшихся, дань, тягость и ям уже во второй четверти XV в. являлись обязательными. В Северо-Восточной Руси сокращение податного иммунитета происходило постоянно с конца XV в. до 1514 г. Несмотря на выдачу тарханных и льготных грамот, монастырские земли не были освобождены от многих податей, что, согласно С.М. Каштанову, и облегчило отмену тарханов в 1550 г. В результате компромисса правительства Избранной рады и церкви произошло сокращение податного и расширение судебного иммунитета (настоятели и монастырская братия переводились под юрисдикцию митрополита, за исключением душегубства, разбоя и татьбы с поличным). Ограничение же судебного иммунитета происходило при проведении губной и ямской реформ.

Заключение не только касается данного вопроса, но и суммирует результаты проделанной в монографии работы. Правда, при этом автор также выходит за пределы изложенного в главах I–VI. Так, вывод о близости к западным формулярам грамот Смоленска и Полоцка приведен безо всяких доказательств, равно как и утверждение о взаимодействии актов рязанских и тверских князей с актовой письменностью Литвы. Неясно, стоит ли подчеркивать близость с актовой традицией именно Молдавии, вероятно, можно говорить шире – со всем византийским миром, понимая его, как Н. Йорга и трактовал поствизантийский мир, как ареал православной культуры, обнимавший большинство славянских и неславянских стран Юго-Востока Европы. В тексте главы I не было речи о влиянии патриаршей византийской канцелярии на процесс возникновения письменных публичноправовых актов, хотя самый этот факт оспорить невозможно.

Может быть, слишком категорично утверждение о том, что вплоть до Калиты «власть на Московское княжение инвестировалась ханским ярлыком», а позднее стал внутренним русским делом (с. 123). События 1432 г. заставляют усомниться во второй половине этого высказывания.

В заключительной фразе VI главы С.М. Каштанов пишет о задачах дальнейшего изучения жалованных грамот афонским монастырям в сравнительном плане (с. 121). Однако эта задача относится, пожалуй, не только к ним. В работе очень

BSB

хорошо прослежены традиции византийской дипломатики применительно к договорам X в., традиции южно-славянские – для рязанских грамот, но когда речь заходит о традициях «западноевропейских» или «имперских», «королевских», «герцогских» канцелярий, сноски исчезают, сравнения теряют хронологическую и географическую определенность, что вызывает некоторое чувство огорчения у читателя, незнакомого с этим материалом.

Исследовательская часть книги рассчитана на очень подготовленного читателя, во всяком случае на того, кто или знает западную дипломатику, или досконально изучал все предшествующие сочинения самого С.М. Каштанова. В монографии очевидно недостает ссылок на предшествующие работы автора, словаря дипломатической терминологии (тем более, что автор легко оперирует терминами латинскими, греческими, немецкими, французскими, приводя их на языке подлинника, далеко не всегда с объяснениями, немецкие – с. 50, французские с. 60, 71, 73, 77 и др.). Такие дополнения облегчили бы участь «новобранца» дипломатики, внимание которого к этой книге исключить нельзя.

Есть и еще одно пожелание: шире привлекать литературу относительно того или иного события или предмета. Автор воссоздает историческую действительность, пользуясь той системой зеркал – целых и обломков, которые предлагает ему актовый материал, сохранивший отображения, отражения, отсветы и блики «зазеркалья» далекого прошлого, и иногда не принимает во внимание ту картину, которая воссоздана с помощью другой, менее или более совершенной, нежели «дипломатическая», методики анализа. Некоторые примеры уже приводились выше. Учитывая сегодняшнюю политическую реальность, неплохо было бы уточнить такой политико-географический термин, как «русский», вынесенный в заголовок книги.

Эти пожелания, естественно, не умаляют заслуг С.М. Каштанова и достоинств рецензируемой монографии, представляющей новый, гораздо более высокий этап исследования русского актового материала и по широте хронологического охвата темы, и по глубине анализа, по более широкой сравнительно-исторической базе. Книга, как это ни парадоксально по отношению к такому ученому труду, читается как захватывающий детектив, да еще со счастливым концом: исследование, завершенное почти 10 лет тому назад, все-таки увидело свет ...

В приложении к нему, фактически второй части книги, помещены 45 грамот 1428/1449 гг. – 1608 г. из Мазуринского собрания, Коллегии экономии РГАДА, архивов нескольких монастырей – 3 переславских (Ростовский филиал Ярославского архива), 15 – Павлова Обнорского (Ростово-Ярославский художественний музей-заповедник), 15 – Суздальского Покровского (Владимирский архив), 2 – соборных архивов Балахны и Нижнего Новгорода (Патриаршее собрание ГИМ) и др. Грамоты сгруппированы в основном по географическому принципу их происхождения. Наряду с этим выделена группа актов по хронологическому (грамоты XV – начала XVI вв.) и тематико-хронологическому признакам (беломестное монастырское землевладение в городах времени «боярского правления»).

BSB

Большинство актов сохранилось в копиях по преимуществу XVII в. Среди них 9 подлинников: купчая Ю.А. Дмитриева и данная княгини Анны Глинской, 1 сентября 1557 – 31 августа 1568 г. и 1547/48 гг. (II, № 2; IV, № 5), три грамоты Ивана IV – указная суздальскому городовому приказчику 8 февраля 1560 г. (IV, № 11), жалованная балахонскому протопопу 29 июня 1541 г. (V, № 1), указная нижегородским ключникам 4 августа 1575 г. (V, № 2); грамота рязанского дворецкого рязанскому же городовому приказчику 30 августа 1539 г. (VI, № 1), костромских писцов буйгородскому городовому приказчику 22 ноября 1541 г. (VI, № 2), указная Ивана IV муромским городовым приказчикам 9 мая 1543 г. (VI, № 3), жалованная Троице-Сергиеву монастырю 29 августа 1543 г. (VI, № 4). Они происходят не только из центральных архивов и музеев (РГАДА и ГИМ), но и местных. Принципиальное значение публикации заключается в обнаружении – впрочем, уже далеко не первом – богатств наших периферийных архивов. Издание этих актов еще раз подчеркивает необходимость изучения материалов XVI–XVIII вв. для выявления более ранних материалов (что в свое время блистательно продемонстрировала Л.М. Марасинова) и последовательных и скрупулезных поисков в местных архивах с той же целью.

Некоторые разделы публикации снабжены вводными статьями, некоторые недатированные акты – обширным комментарием. Археографически все документы подготовлены безукоризненно в соответствии не только с «Правилами издания исторических документов», но и с «Правилами издания русских средневековых актов», составленными самим автором лет 10 тому назад, но до сих пор не увидевшими света. Заметим, что в связи с активной публикаторской деятельностью на местах[13] нужда в их обнародовании огромная, и хотелось бы надеяться, что Институт российской истории РАН, выполняя свои функции «головного учреждения», предпримет их издание в самом скором будущем.

Оправдывая свое звание «источниковеда XXI века», данное С.М. Каштанову А.А. Зиминым еще в 50-е годы, публикатор снабдил издание самым тщательным описанием филиграней, обширнейшим и детальнейшим географическим комментарием. Можно посетовать лишь на то, что филиграни не воспроизведены, а книга лишена географического указателя. Не вызывают возражения и заголовки, пожалуй, за исключением одного типа: грамоты *по слову* великого князя или царя, написанные представителями местной власти – рязанским дворецким, костромскими писцами и т.д. (VI, № 1, 2 и др.). Аналогичная грамота, выданная от имени окольничего и оружничего (II, № 3), тем не менее определена как «указная».

Рецензировать грамоты с точки зрения содержания – вещь неблагодарная и вряд ли полезная для читателя. Грамоты нуждаются в скрупулезном изучении, но невозможно устоять перед соблазном отметить хотя бы наиболее интересные. Все они содержат богатый материал по самым различным предметам. Историк

---

13 См., например, Рязанская энциклопедия. Вып. 8–9: Рязанские акты XIV–XV вв. Рязань, 1992.

BSB

крестьянства обратит внимание на указную от 19 апреля 1558 г. о судьбе посопного хлеба, собранного в одном из переславских сел, переданном Троицкому Данилову монастырю. В грамоте указаны обязанности волостного крестьянства и его взаимоотношения с монастырем (II, № 3). Освоение новых земель в деталях рисуют разъезжая Демятинской и Бобровской земли в Костромском у. 1523/24 г. и земель Корнильева Комельского и Павлова Обнорского монастырей в Вологодском у. 1533/34 г. (III, № 3, 5), а быт монастырского займища – вторая из них. В целом комплекс актов, происходящих из архива Павлова Обнорского монастыря, почти всесторонне характеризует его как крупного феодального собственника. Интересны и детали ведения великокняжеского хозяйства, снабжения его охоты соколами – в оброчной от 29 января 1546 г. (III, № 11) и медом – в жалованной талшенским бортникам от 1 декабря 1540 г. (IV, № 4), а быта самих бортников – в сотной и ободной сытника И.Ф. Протопопова от 5 марта 1550 г. (IV, № 7). «Механизм перехода села из состава государственной собственности в состав собственности монастырской» обнаруживает указная от 30 августа 1539 г. (IV, № 2), здесь же употреблен любопытный термин *приплод* в значении доли урожая за вычетом семян – «сама». Этот термин, как и ряд других, вполне достоин внимания лексикографов.

Целая группа актов представляет интерес с точки зрения политической истории московского княжества и Российского царства. Жалованная князя Василия Ярославича, внука Владимира Андреевича Храброго, вдове Ф.А. Старка Серкизова на село в Дмитровском у. бросает новый свет на его деятельность в своем уделе (I, № 3), дотоле почти неизвестную, и его права в нем. Чрезвычайно важна данная кн. Анны Глинской 7 марта – 29 июня 1548 г. Покровскому монастырю на суздальские села (IV, № 5). В комментариях к этому акту С.М. Каштанов уточняет судьбу различных членов рода Глинских, в частности, М.В. Глинского после июньского восстания 1547 г., привлекая для этой цели разрядные книги и чрезвычайно интересный свадебный разряд «веселья» князя Юрия Васильевича 3 ноября 1547 г. В этот очерк можно внести одну поправку. Вряд ли смерть В.Л. Глинского можно относить к 1522 г. Он был жив еще в конце 20-х – начале 30-х годов, когда лекарства из Риги по распоряжению Василия III доставлял ему Истома Малый.

Для воссоздания политической истории России середины XVI в. не менее важна и жалованная данная Ивана IV суздальскому Покровскому монастырю на вол. Талшу от 20 июня 1550 г. (IV, № 8). С.М. Каштанов в комментарии восстанавливает судьбу двух сестер Василия III – первой и второй Елен, идентифицируя с первой из них упомянутую в грамоте княжну Александру (в схиме), и вновь возвращается к запутанной истории о рождении мальчика у Соломонии Сабуровой в Суздальском Покровском монастыре, чтобы еще раз показать неправдоподобность легенды, зафиксированнной имперским послом С. Герберштейном. Интересны и его уточнения биографии последних волоцких князей Федора и Ивана. Наконец, жалованная Лжедмитрия II от 9 декабря 1608 г. дает возможность судить о формирсвании идеологии самодержавия в период Смуты начала XVII в. (IV, № 15). Новый Дмитрий Иванович называл себя *вседержителем Российского*

BSB

государства, употребляя к себе термин, прилагавшийся исключительно к Богу отцу. О приравнивании себя к Богу говорит и набор других определений: *богохранимый и богоизбранный, и богом почтенный, и богом дарованный, и богом помазанный*. Любопытно и воскрешение идеи Израиля в русской общественной мысли того времени и идеи главенства над ордами: *над всеми ордами превознесен*[14]. Обнародование этой грамоты ставит вопрос об идеологах самодержавия, примкнувших ко второму Лжедмитрию и соучаствовавших в составлении столь пышного титула самозванца.

Историк русской культуры помимо вышеотмеченных деталей найдет любопытными и упоминания о *чертеже* спорных земель в Талшинской вол. Владимирского уезда[15]. В грамоте от 8 и 10 августа 1578 г. (IV, № 13, 14) небезынтересны и *бортные знамена*, воспроизведенные вместе с копией грамоты (IV, № 7).

Историк русской церкви обнаружит комплекс самых разных материалов. Кроме упомянутых выше его внимание привлекут две жалованные Ивана IV от 29 июня 1541 г. протопопу Вознесенского собора г. Балахны и указная нижегородским ключникам от 4 августа 1575 г. (V, № 1, 2). Они содержат материал относительно организации церковных приходов в г. Балахне и вокруг него, о прерогативах различных церковных властей Нижнего Новгорода и размерах различных пошлин (венечных и др.), взимаемых ими.

О содержании последнего раздела, где помещены грамоты, касающиеся беломестного землевладения в период «боярского правления» в Рязани, Буйгороде, Муроме, Переславле Залесском, Стародубе Ряполовском, издатель подробно написал сам. Поэтому стоит ограничиться лишь констатацией того факта, что столь обширной документацией об осадных монастырских дворах в городе исследователи доныне не обладали.

Итак, и вторая часть книги, несомненно, присоединится к тем фундаментальным изданиям типа «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.», «Духовным и договорным грамотам великих и удельных князей XIV–XVI вв.», к актам, помещенным С.М. Каштановым в «Очерках русской дипломатики» и др., которые давно стали настольными для каждого русиста-медиевиста.

В заключение хотелось бы отметить высокое качество подготовки к набору и издания рукописи в Издательстве «Наука». Почти полное отсутствие опечаток (весьма редки «глазные» опечатки, с. 47 и 169, единичное дублирование строк на с. 116–117, отсутствие конца сноски 64 на с. 118) напоминает о лучших временах деятельности этого академического учреждения, которое осталось верно своим

---

14 Аналогичный и почти синхронный титул приводит К. Буссов (*К. Буссов* Московская хроника: 1584–1613. Москва, Ленинград, 1961, с. 159, 292), однако он лишен термина *вседержитель* и упоминания об ордах.

15 *С.М. Каштанов* Чертеж земельного участка XVI в. // Труды Московского гос. историко-архивного института. Москва, 1963. Т. 17, с. 229–236.

BSB

традициям и в наши дни. С ним может соперничать только «Дмитрий Буланин» в Санкт-Петербурге, а по качеству подготовки текстов от него отстает такое новообразование, как «Радикс» (причем весьма основательно), специализирующийся также на издании научной литературы. В связи с тем, что набор и верстка выполнены на компьютерной технике, а книга издана ничтожным тиражом (что обрекло ее на судьбу библиографической редкости уже в первый месяц по выходе), позволено высказать пожелание – допечатывать тираж по мере исчезновения книги из продажи, но с дополнением географического указателя, который наряду с именным (безукоризненно составленным Л.В. Столяровой) придаст книге академическую прочность и фундаментальность внешнего оформления, соответствующую ее содержанию.

Москва А.Л. Хорошкевич

BSB

Иероним Граля Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. Москва: Радикс, 1994, 520 с.

In his Introduction to this ambitious and exhaustive monograph, Mr. Grala leaves it to the reader to judge "the extent to which the author of the present work has been successful in joining the traditional biographical genre, 'pure' biography, with the genre of 'biography as a pretext' [i.e., "for a broad view of the historical processes in which the hero took part or of which he was the creator;" the distinction is Tadeusz Lepkowski's – ELK]."

In this reader's judgement, there is a slender but useful "pure" biography buried under the ponderous (520 pages; 1288 footnotes) mass of this "mixed" volume, nearly obscured by great plinths of historiographical legend. That sketch, a tracing of the life and career of the well-known *d'iak* Ivan Viskovatyi, is the best we have had on him, and one of the best on a sixteenth-century Muscovite. Grala has obviously combed through all of the relevant sources (and large numbers of irrelevant ones) and more bad history than anyone should be asked to read, and he has presented the reader with the full measure of what can at present be known about Viskovatyi.

But he has not contented himself with that. In fact the present volume is a kind of survey of Muscovite domestic politics and diplomacy for the period, containing long summaries of negotiations, the vicissitudes of court politics, and the like. These excursions do, as the author suggests, put Viskovatyi in a certain context of his times – but that context is all too often a tissue of previous scholars' speculations. As Grala has portrayed him, Viskovatyi lived in a world that never was and could not be. Consequently, the volume is on balance a disappointment.

I would group the reasons for such a judgement under four heads.

First, Grala has not matched his assiduousness in ferreting out sources with appropriate methodological precision and professional skepticism in their interpretation. I do not mean that the author should necessarily have embraced my own position on several of these sources (which is, as some readers will know, quite skeptical). Rather, he should have done his own source analysis in the case of questionable sources (many that are central to his arguments are questionable) and justified his own conclusions as to their reliability. Because he did not do this, relying instead on selected work of others, he has found himself constantly trying to resolve artificial paradoxes or contradictions between the prosaic evidence of real documentary sources and testimony of spurious or still unauthenticated narrative texts such as the "interpolations" in the Illustrated Codex and the Царственная книга, the "Correspondence" attributed to Ivan IV and Andrei Kurbskii, the accounts of adventurers like Schlichting and, in particular, on the so-called "Дело Висковатого."

As concerns the "interpolations," it should be clear from the recent work of Amosov and Kloss, notwithstanding the caution with which they formulate their conclusions, that the Illustrated Codex and the Царственная книга are later texts than many have thought

BSB

– perhaps no older than the 1580s. And it is equally clear that the "interpolations" are a part of some later – perhaps considerably later – history-writing episode. It is thus their remove in time – a whole generation – from the events described, as much as their alleged political *parti pris* that make them problematic. The narrative is actually quite straightforward, despite the presence of some contradictions, but the derivative speculations of Shmidt, Zimin, Smirnov, and particularly Al'shits are full of bad guesses engendered by anachronistic assumptions about Muscovite politics.

Grala tries, studiously, to make sense of this body of speculation, but with only modest success. Thus, following Smirnov and Zimin, he speculates (103) that "[Ivan Ivanovich Turuntai] Pronskii's position [in the putative "crisis of 1553"] which is set forth in the interpolations, becomes understandable if we consider the close links his clan had with the Staritskiis …" Now Pronskii and his family were indeed "close" to the Staritskiis (Pronskii's uncle Danila had been married to Vladimir Staritskii's sister, probably at the time of Ivan's marriage to Anastasiia), but after all, the Staritskiis were closest of all to Ivan IV himself. And Vladimir Staritskii was not exiled or otherwise excluded from the inner, family, circles of the court after 1553. One could indeed argue, on the basis of the plain documentary record of their constant companionship, that he was Ivan's closest associate during the next decade or so. (He was, of course, murdered fifteen years later – an eternity in politics.) And in all probability if there was a "dynastic crisis" in 1553, it was, as the "interpolations" seem to indicate, a struggle within the ruling oligarchy, (Zakhar'ins vs. others, but also, e.g., in-laws of Iurii Vasil'evich vs. those of Vladimir Staritskii, for example) in which mere дьяки were of no real account, and the nominal principals, the 22-year-old Ivan, his 20-year-old brother, and his 17-year-old cousin, probably of little more.

This is not the place to argue a new interpretation of these confused events and non-events; the point is that Grala seems not to have considered undertaking a fresh analysis of this really quite straightforward text, preferring instead to attempt to reconcile old speculations based on questionable sources.

Grala's efforts to reconcile contradictory information become particularly piquant when the interpolations and "Kurbskii" are at odds, as over Sil'vestr (104). With regard to the "Correspondence" and "History" attributed to Kurbskii, Grala makes a major methodological error in failing to deal explicitly and extensively with the fontological problematics of these texts. He relegates these complex matters to a footnote (n. 387, 340), where he reveals that he is unaware of the current state of affairs and misunderstands the main points of the dispute. He says that the credibility (достоверность) of these texts has been recognized "by almost all;" but serious scholars don't decide highly technical matters by referendum. In my 1971 book I advanced a number of arguments for the conclusion that it was highly improbable that either Ivan or Kurbskii had written the "Correspondence" as traditionally believed – that is, I challenged not the "credibility" of the sources, but their *authenticity*, quite a different matter. (In a later article, I challenged the attribution of the "History" on similar grounds.) Although many details of my argument have been given alternative explanations within the tradition, no convincing general rebuttal or new evidence for the traditional authorship has been

BSB

advanced. In fact, the most significant discovery of recent years is that of Inge Auerbach, who demonstrated beyond any possible doubt that Kurbskii was simply illiterate, in the most fundamental sense of that term: he could not write his name in Cyrillic characters. Auerbach's attempt – indeed any attempt – to argue that a Muscovite warrior who could not write could conceivably have dictated the texts in question (including great swatches of Cicero in Slavonic translation) beggars the imagination. One would in particular have expected Grala, a Pole, to have enough of a sense of the cultural setting – the Polish Renaissance and its echos in Volyn' – to consider the possibility that the whole Kurbskii legend is nothing but that.

Only Niels Rossing and Birgit Roenne have addressed even a significant portion of the arguments advanced in my book, and I attempted to rebut their criticisms in several extensive and highly detailed articles that Grala should have mentioned. To cite the title of Boris Morozov's article without commentary leaves the false impression that a late sixteenth-century copy of "Kurbskii's First Letter" has been found. In fact, as I pointed out long ago, this epistolary text clearly existed before its attribution to Kurbskii; what Morozov found is another copy, most like copy "O," which I thought to be the oldest. It was found in a highly idiosyncratic compilation the dating of which is still uncertain; I would say, pending identification of the compiler and further study of the miscellany, "beginning of the seventeenth century."

Second, it appears that Mr. Grala has been negligently uncritical of the views of others, primarily leading Soviet scholars of the middle of this century. Now in a sense, once he had made the decision to do a "mixed" biography, and to paint Viskovatyi against the backdrop of his times, Grala was faced with the necessity of either accepting the prevailing master narrative or of composing an entirely new one. He has chosen the former course, apparently unaware of the extent to which it is a fabric of speculations, some more cautious or logical than others, but all based on a most uncritical view of the value of the very sources that we have just discussed.

When the received speculations lead into a logical *cul-de-sac*, Grala escapes with speculations of his own. An example: we are told (132-133) that Viskovatyi must have had powerful backers to have survived the "iconographic controversy" associated with his name; the Zakhar'iny won't do, Grala says, because their "influence at the court became weak [after 1554] "вплоть до начала 1560-х годов;" (146; nonsense, and contradicted on 309), thus "the absence of visible signs of negative consequences of the decisions of the council on the further career of Viskovatyi gives reason to propose that behind the chief of the *Posol'skii prikaz* stood the tsar himself," as a consequence of which backing conflict arose between Ivan and Makarii, etc., etc. That the "absence of visible signs" in fact gives very good reason to suppose that Viskovatyi was never involved in such a controversy at all never seems to have occurred to him.

As Grala has it, Viskovatyi lived a charmed life indeed: "Падение Избранной рады, последовавшее в известной степени из-за интриг Захарьиных, не отразилось на положение Висковатого." (238) But as Grobovsky demonstrated long ago, no actual group of people who might have composed an Избранная рада can be identified, and as I showed independently and using totally different methods, the term itself originated

BSB

in the second half of the seventeenth century, in the revision of "Kurbskii's History" that produced the so-called "Full Version." Consequently, the apparent fact (a deduction, really, again from the absence of contrary evidence) that Viskovatyi's position was unchanged in 1560 needs no explanation – least of all one that depends on "the intrigues of the Zakhar'ins," nowhere (other than in "Kurbskii's History") attested, and on Viskovatyi's loyalty during the "crisis" of 1553. Viskovatyi's position was unchanged because there was no Избранная рада and, consequently, it didn't fall in 1560. What did happen was that Anastasiia died – a major political event, upon which the Zakhar'ins took prudential steps (hardly "intrigues") to see to it that the succession through their nephews, Ivan and Fedor, was secure. All of these events, of course, affected Viskovatyi only marginally, if at all.

At times, Grala's sentences seem to be little more than syntactic chains forged from the speculations of the masters:

"Матвей Башкин стоял во главе тесно связанного с беднейшим монашеством и крестьянскими кругами движения, представлявшего собой рецидив подавленной в конце XV в. ереси жидовствующих." (123) Where is the *evidence* that Bashkin stood at the head of any "movement," least of all one that was connected with the "poorest monks" (weren't they all in principle poor? Has anyone done a study of economic stratification within/among monasteries?) and "peasant circles" (what in heaven's name are these, book clubs?) that represented a reprise of the Judaiser heresy (about whose nature and even existence reasonable people have had doubts)?

"Staritskii, whom the tsar had hated for many years and suspected of treason after the memorable dynastic crisis of 1553 ..." (308) This picture of Vladimir Staritskii (also 145) is, of course, a favorite theme of the master narrative, but it is all but baseless. In fact, as reliable sources make clear, Ivan "пировал" with him on family occasions, dropped in on him on the way from the great victory in Polotsk, and generally included him as a member of his household. That Vladimir was murdered – like his father, cousin, two uncles, great-uncle and great-grand-uncles – was the consequence of a peculiarly Muscovite way of pruning the family tree – but such matters would not normally be left to the "hatred" between cousins. And there was no "бунт" of Andrei Staritskii in 1537: the ruling coalition set out to run him to ground and they did. Thus Makarii cannot have taken an active role in "suppressing" such a revolt, and that nonfact cannot have been in the elderly cleric's mind when he allegedly "chose neutrality" in the alleged crisis of 1553 (138).

Third, Mr. Grala seems not to have developed an adequate sense of time and place, a "feel" for the anthropology and political culture of Muscovy in the middle decades of the sixteenth century. One notices this in several spheres. The first is simple comparative historical perspective, involving scale and levels of development. Muscovy in the sixteenth century was a relatively simple place; Grala imagines a much more modern society when, for example, he speaks (369) of Wołowicz, "in whose hands there came together all the strands of Lithuanian intelligence services in Moscow," or of "provocations by the Lithuanian secret services" (379-380), "Muscovite intelligence services" (117), and the like.

BSB

In particular, despite having apparently read through the Nogai and Crimean diplomatic correspondence, he has little understanding of the culture and complexities of steppe politics, and of Muscovy's sophisticated and pragmatic relations with the Tatars. He fails to understand the significance of the relationship between Moscow, Ismail and Iusuf (121-), and the Tatar-Muscovite symbiosis in general. When he writes, "thanks only to the selflessness of … the defenders of Tula, … the Tatars failed to penetrate deep into the country," he is assuming much: how do we know that the Tatars were trying to penetrate "deep into the country" – to Vologda, say? What would they have done when they got there? Grala fails to see that these early summer scouting parties were a regular part not only of the jousting between two paramilitary castes, but also of the Tatar transhumance. The Muscovites knew it – as is apparent from the fact that on the occasion in question Ivan, having spent two days (!) in Tula, "decided that the danger had passed." (203)

It is not clear to me just how Ivan's marriage to Mariia Temriukovna could serve to strengthen "an anti-Tatar alliance" and "friendship with the Nogai Horde" at the same time. (241) In cultural terms, Maria Temriukovna was probably a "Tatar" herself in that she spoke Kipchak Turkic; the Nogais were Tatars *par excellence*; Muscovites were always making alliances *with* Tatars, against Slavs, Tatars, Swedes, what have you.

It is lack of understanding of the steppe that also leads him to embrace the Eurocentric view that "борьба среди кочевников … имело для царской дипломатии второстепенное значение" when the Muscovites were preparing for the Livonian wars. (214) In fact, as the Nogai correspondence clearly shows, those intra-Nogai frictions were particularly important because the Muscovites were eager to recruit Tatar horse to join in the forthcoming attacks on East Slavic and other Christians.

(Two points of detail that convey the same sense of unfamiliarity with Tatar themes: contrary to Grala's implication (210), to the Tatars "Белый царь" meant simply "khan of the west;" I assume that the inappropriate use of the derogatory-pejorative "басурман" [80, 370] is the responsibility of the translator.)

It is possibly also problems of translation (and slight differences in Polish and Russian nomenclature) that produce an apparent (and quite unexpected) insensitivity to the nuances of the cultural history of Muscovy's western neighbors: "литовец" and derivatives are systematically used to designate Belorussian and Ukrainian (or Ruthenian) individuals. Thus, the emissaries of Sigismund August in 1553 were not, in modern parlance, "литовцы" (115-116), but Poles and Ruthenians. (Perhaps some were both simultaneously, but that is another matter.) This terminological confusion is particularly grievous in the case of Isaiah of Kam'ianets' in Podill'ia, who is called a "литовский монах;" Isaiah himself said he was a "Русин от киевской области."

This is not a quibble over terms; such phraseology raises the question of historical verisimilitude. In a Polish work about Russian history one has the right to expect that the complex, multiethnic, and *non-* (or pre-)national reality of sixteenth-century Ruthenia might not be simplified to the point of unrecognizability.

But it is not only the more exotic, non-Muscovite aspects of sixteenth-century life that are misperceived. Grala seems not to have a sense of what the tsar did with his time, and

BSB

he makes erroneous assumptions about the meaning of unexceptional events. Thus, we are told (113) that after his illness in 1553 Ivan visited several monasteries "in gratitude for his recovery," and that in 1564 the "[p]rolonged absence of the tsar … elicited panic and the unease of residents of the capital." (289) These speculations fail to take account of the fact that for most of his life Ivan, like his father and grandfather before him, adhered to the practice of making several long trips to monasteries each year (especially in May and December), as a matter of routine. (Even an incomplete account shows that he was, for example, out of town 21 September – 25 November 1561; that he spent six weeks in the Trinity Monastery and Aleksandrovka May 29 –17 July 1563; that as of 1 November 1563 he had spent only two of the preceding five months in Moscow; that he spent six weeks out of town in May-July, 1564; etc.) I think it more likely that Muscovites would have become uneasy, if not panicky, if Ivan did *not* leave town frequently and for long periods.

Grala, following the authors of the master narrative, occasionally assigns crucial significance in his reconstruction of events to "links," usually kinship, among individuals. Now I shall be the last to deny the role of kinship in Muscovite politics; I have been preaching its cardinal importance for a quarter-century. But we have a long way to go before we adequately understand it (indeed, before we have properly registered and "cleaned" the data), and it is risky to base detailed interpretations of specific events upon kinship calculations alone. In particular, one must consider the *sui generis* anthropology of the Muscovite court: the structure of роды and their specific relationships; the details of seniority within and between роды; the logic of patrilocal clans; of men bonding through women; etc. The Moscow court was not a nineteenth-century genealogical chart, but a very real and vital, quite traditional society. And it was a relatively small and provincial court where most important people had significant relationships to scores of others.

In building interpretations upon this important aspect of Muscovite court life, it is important both to get the facts straight and to interpret them appropriately. Grala has some major problems in this domain. He says, for example (378), "it is indicative that of the numerous courtiers of the Zakhar'in-Iur'ev clan, only Nikita Iur'ev survived the bloodbath of 1570-71," implying that it was Nikita's relationship to Maliuta Skuratov that saved him. But: first, Protasii Vasil'evich apparently also survived – until 1575; second, by the time of the executions of July, five other Iur'evy had died more or less natural deaths, four of them in the fire of Dmitrii Ivanovich Bel'skii's house, on 24 May. (Bel'skii was grandfather to two of them, patron to the rest.) And third, Nikita Romanov probably (at this remove one cannot be sure) thought himself closer to the executed Aleksei Basmanov than he was to Maliuta. (His sister's daughter was married to Basmanov's son, as Grala himself points out [373]; whereas Nikita himself was married to the daughter of a first cousin of Maliuta's son-in-law.)

Relying on Smirnov, Shmidt and Zimin, (who rely on the "interpolations"), and getting a few details confused, Grala claims that after the disturbances of 1547 and the murder of Iurii V. Glinskii, the equerry (конюший) Ivan Cheliadnin and Grigorii Iu. Zakhar'in "had no influence on the tsar," (59) but "a leading role" was played by Danila

BSB

R. Iur'ev and Vasilii M. Iur'ev (60). That is, we are asked to believe that, in the court of a 17-year-old tsar who had no paternal uncles and had just lost his most influential maternal uncle, two 45-year old boyars (one the equerry, arguably the most honorable court rank, until his death, the other a paternal uncle of the tsar's wife and the ranking member of her native clan) "had no influence," but her brother and cousin, chronologically and genealogically junior members of the same clan, played a "leading role." In a tradition-bound and patriarchal world, this makes no sense – but it is a good example of the logical maze one can get into by following corrupt sources (and over-speculative predecessors).

I find equally implausible the notion that the influence of the Zakhar'in "fraction" (an anachronism) in the late sixties was explained by "the support of [Ivan Ivanovich]." (309) It is in my view highly unlikely that a sixteen-year-old heir apparent was providing political protection for his uncle Nikita, older brother-in-law of the tsar, and his kinsman Vasilii Petrovich (his second cousin once removed), both of whom were boyars. In fact the relationships were just the other way around: they were his guardians.

Finally, it is odd (and alien to the reality of Muscovy) to call Semen Vasil'evich Zviaga-Rostovskii the "племянник-кузен" of Nikita Semenovich Lobanov-Rostovskii (117), since they were (if the genealogies are to be trusted) in the same колено. (Кузен is in any case an inappropriate modernism.) Zviaga and Nikita Semenovich were sixth cousins, a rather distant relationship, even for Muscovy – but the "interpolations" do mention unspecified "племянники," which is obviously what has set the speculation-mill turning.

But if Grala may have gotten "племянник" from the sources, some of his speculations seem to have come from thin air. He writes, "as a result [of some alleged contretemps with Viskovatyi], the Englishman was not among the guests at the wedding banquet." (259) The idea that Jenkinson might conceivably be a guest at a royal wedding is totally fantastic; leaving aside relatives of foreign brides such as Zoe/Sofiia Paleologa (who probably originated the Muscovite court wedding ceremony as we know it) no foreign visitors are known to have attended any pre-Petrine weddings.

Finally, a word about the Church: In Viskovatyi's time, Church and state were separate spheres in Muscovy – more separate, arguably, than at any time since. Mr. Grala, however, imagines a Moscow in which the court and the Church elites stand in roughly the same relationship of their clerical and bureaucratic analogues as at the beginning of this century: he imagines that a busy bureaucrat (in this case Viskovatyi) might be expected to be readily conversant with the Galatian heresy; a learned cleric might "cleverly" catch the churchly civil servant out on a mistaken citation of the *Acta* of the Seventh Ecumenical Council. But such was not the world of 1554: there is absolutely no evidence (aside, perhaps, from the questionable дело itself) that Viskovatyi, or any layman, could even read the *Acta*, if indeed they were available, which was apparently not the case. (I leave without comment the statement "Глубокий эрудит и знаток церковной литературы, [Висковатый] без сомнения знал также и предписания канонического права, наиболее полно изложенные в 64-м каноне

BSB

Трулльского собора 691–692 гг., запрещающие светским лицам выносить суждения по вопросам веры." [128])

And, of course, it is sheer speculation to imagine that Ivan IV would have even understood conversations on such subjects, had they taken place in his presence. Nor, therefore, should "Ivan's" instructions to Makarii to the effect that he is not responsible for secular affairs be a sign of animosity ("немилость;" 136) Such, before the seventeenth century, were the commonly-recognized facts of life. But Grala imagines a world in which Church and state regularly deal with each other through "spin-doctors" who write chronicles that function as press releases, through a language of nods and hints and slight, but meaningful, changes in protocol. In this he is in the midstream of the received legend, but far, far from the reality of sixteenth-century Muscovy.

Fourth: Many of Grala's problems derive from the fact that he vastly exaggerates the role of Viskovatyi in his own time, and his significance for us. As a consequence of the fact that he left no known evidence of his private views or inner life, there is, in the end, little that can be said about him as a personality. The authentic and documentary sources paint him as a rather typical дьяк: like many others, he served (that is the word) his whole adult life, nearly thirty years, in the Muscovite court (primarily, but not exclusively, in diplomatic affairs). Like many others, he made some money and owned some land, was ultimately accused of treason, and executed. (The piquant details of Reutov's being forced to eat Viskovatyi's genitalia ["трофеи"!; 366] are not present at the place referred to in Malinin's translation of Schlichting; if they were present in the Latin and Polish versions, but prudishly omitted in Malinin's translation, Grala should have noted the fact.)

Beyond these simple statements about Viskovatyi's *curriculum vitae* we must advance with caution – which, alas, means not in the footsteps of our predecessors. The only sources that provide more "vivid" accounts (Schlichting, "Kurbskii," the *Sprawa wielkiego kniazia Moskiewskiego*) are notoriously unreliable and/or spurious. But it is only such problematic witnesses that paint Viskovatyi as the extraordinary man Grala wants him to be. (And aside: Grala would have done well to publish the 20-page *Sprawa* …, which he seems to have discovered and thinks to be the prototype of Schlichting's account.)

A major role in Grala's portrait of Viskovatyi is played by the so-called "Дело Висковатого," which purports to be some kind of a transcript of a conciliar disciplinary procedure punishing Viskovatyi over matters of iconography. It is on this extremely questionable text that Grala bases his last major chapter, somewhat grandly called "Тип интеллекта." Here the author's uncritical attitude toward his sources and the speculations of his predecessors, his exaggerated estimation of Viskovatyi, and his anachronistic modes of thinking conspire to produce some truly arresting sentences.

Thus, Grala concludes that the materials of the "дело" "permit us to penetrate to the essence of [Viskovatyi's] religiosity, which doubtless placed him in the same rank as the leading intellectuals (интеллектуалы [!]) of contemporary Russia." (436) Now leaving aside the unexpected use of the word "интеллектуалы" with reference to the Muscovite court of ca. 1550, (which we can perhaps set down to the translator) and the logical

BSB

question as to why religiosity should in and of itself have placed anyone in any rank, there is the question of the authenticity of the crucial source.

The "Dossier" is among the least studied and most quoted of Muscovy's many questionable texts: there is no proper edition; volumes of speculation have been based on the bad ones that are available. The manuscript copies are poorly dated and stand in unclear relationship one to the other. A crucial one, мс. Погодин 1558, thought to be the earliest, is known to have passed through the hands of the wily Stroev, a fact sufficient in itself to engender caution. The whole matter smacks of a later time – perhaps a century later, as Grala inadvertently suggests by pointing out that Viskovatyi's views were confirmed by the Council of 1667. (433)

Even if we were to possess a datable and readable text, problems would remain. One example: the accusations (140) that Viskovatyi obtained heretical books from Vasilii Mikhailovich Iur'ev and Mikhail Vasil'evich (presumably Vladimir Iakovlevich?) Morozov. There is *no* credible evidence of the holding of libraries by such lay figures, and especially of serious canonical or religious works. The mention of these names in the "дело" may indeed indicate something about the connection of Viskovaty with figures around the court – but from some much later point of view.

But even if our doubts about the text itself were to fall away, a paradox would remain, for what Grala says about Viskovatyi by way of interpretation is self-contradictory. First he says, "It is perfectly obvious that Viskovatyi's views on religious art were in part the result of the particular spiritual climate (результатом особого духовного климата) in which the Muscovite diplomatic elite lived." (435)

Now it is true that such a statement is protected to some extent by its ambiguity. But within a few lines, after having concluded that Viskovatyi was unusually talented and a serious autodidact, Grala acknowledges, "However, on the basis of the position Viskovatyi occupied in the higher culture of Muscovy, … one cannot make plausible judgements about the general intellectual level of the stratum to which he belonged: among the tsar's bureaucrats Ivan Mikhailovich was the only high-class intellectual, strikingly different from other influential secretaries." (435) What has happened to the Muscovite diplomatic elite and its particular spiritual climate?

Even when dealing with more reliable sources, such as the chronicles and diplomatic records, Grala contrives to exaggerate the political role and power of Viskovatyi. Time after time, in recounting the course of diplomatic negotiations in which Viskovatyi participated as a subordinate, he assigns him the "main" role, even when, for example (116), other participants included Ivan IV's own first cousin, second cousin, and treasurer.

Similarly, Aleksei Adashev can hardly be called Viskovatyi's "partner;" (121) he was a much more important and powerful man. And when quoting the chronicle (ПСРЛ, vol. 29, p. 227) in listing members of a diplomatic "commission;" Grala lists Vizkovatyi before Funikov, but in the source Funikov, who was more important, is named before Viskovatyi, who appears last. This playing with rank order happens again on p. 242, where we read, "the tsar was represented by Viskovatyi and the boyar [A. D.]

BSB

Pleshcheev," as though Viskovatyi outranked Pleshcheev (who later, as Aleksei Basmanov, is called the tsar's "фаворит," whatever that means. (243)

Grala seems to exaggerate even the extent of Viskovatyi's landholdings: his major holding, two decades after his death, embraced no more than 21 inhabited dwellings, hardly a princely estate. (402: the claim that erstwhile prosperity had vanished in the "agrarian crisis" beloved of Soviet historiography is unproven.)

Finally, the book contains a large number of minor errors or oversights, which together cause time-consuming problems for the attentive reader. Reference has already been made to a number of problems in the translation, which appears to have been made by someone insufficiently familiar with the conventions of Russian historical prose. Most of the time one can, with some knowledge of Polish, deduce the author's intent. But some real puzzles remain, and there are many examples of sub-standard or non-existant Russian lexemes. A partial list:

Polonisms?

"экскомуника", n. 301, p. 186
"заангажированность", 462
"ортодоксия" instead of православие, 81
"собрание" instead of сборник, 428, 429
"в." instead of строка; cf. Polish *wiersz*, notes p. 440-441
"на ее реверсе" = на обратной стороне, на обороте, 239
"курьер" instead of гонец, 248
"доукомплектование", 239

Oddities:

"Возобновление иудаизма …", 123: In Muscovy??
"Макарий был достаточно искушенным политиком, чтобы не понять …", 142
"претендентом на этот данный чин" = ?, 239
"Суждение" for -ия, 125
"монарха" for монаха, 253
"несостоявшаяся невеста", 302
"приказной" for приказный, 460. (On p. 276 the same form is correct, as it is quoted from the diplomatic correspondence: in Moscow dialect then as now unstressed adjectival -ной and -ный were phonetically indistinguishable.)

It may seem overexacting to mention these minor matters and the inconsistencies of the bibliographical apparatus, to which I now turn, but such details can be quite annoying for a reader who studies the book carefully, and a reviewer has an obligation to warn other readers about those that have been noticed along the way. Many titles cited in the chapter endnotes are not included in the bibliography; most can be found through the index after a certain amount of searching. But when the index itself is faulty, one is pretty much helpless. An example: many of the important works by I. V. Kurukin repeatedly mentioned in footnotes (e.g., n. 154 on p. 166) are not found in the bibliography and cannot be located by use of the index, because Kurukin himself is absent there, as are all Morozovs, Mstislavskiis, and others. Trial-and-error searching reveals that in the production of the index Kurukin has become "Kurochkin," and all names beginning in

BSB

"М-" after "Мнева" have somehow disappeared. In addition, references to Aleksei Danilovich Basmanov-Pleshcheev are found under three different names, without cross-reference.

References to Kurukin's joint article with E. V. Emchenko (also known as Guniaeva) become, after p. 328, shortened to "Курукин. К изучению источников …," or simply (331) "Курукин. К изучению …" (in the bibliography abbreviated as "У изучению," but listed under Emchenko!). Other references are inconsistent: on p. 166 we are told that Kurukin's автореферат will henceforth be "Курукин. Сильвестр," but later it is referred to as "Курукин. Сильвестр 1," the dissertation itself having become "Курукин, Сильвестр 2." (p. 185 n. 289). Another abbreviation problem: n. 295 p. 342 has simply "Путешествие. С. 1-2;" only strenuous search reveals that what is probably meant is the travel account of Ioakim mentioned on p. 341 in n. 292. Similarly with Schlichting, De moribus …: it is not in the Bibliography, but buried in n. 12, p. 384.

To sum up: the location of this monograph in the mainstream of the "Kurbskii"-Savva-Smirnov-Zimin-Shmidt historiography on Viskovatyi, and the obvious comprehensiveness of the author's research, may well earn it a warm welcome from specialists in Russia and elsewhere. It is indeed a step forward – or at least in the same direction – within the tradition. But it is grievously flawed – by its lack of fontological rigor, by its unquestioning acceptance of the master legends, by its failure to perceive, and depict, both the main structures and the cultural nuances of sixteenth-century Muscovite life. In a sense, one should hardly blame a young author for having been such a faithful follower of the acknowledged authorities – but it is his book, in the end. If you begin by trusting the likes of Schlichting and Kurbskii and try to interpret the documentary evidence, laconic and scrappy as it is, to fit the narratives of the Soviet masters, you can end in a muddle.

Edward L. Keenan

Harvard University

BSB

В. Б. Павлов-Сильванский Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. Москва: Наука, 1991. 247 с., табл.

Professor Edward Keenan uses an apt metaphor to describe the way in which information about early modern Russia comes to us. According to Keenan, Muscovite data are received by modern historians a bit like hypothetical radio waves sent from some distant solar system. The signals reach us in the present, but because they have travelled many light years they reflect a state of affairs in the distant past. The messages themselves are written in a peculiar language by an intelligence presumably quite different from our own. Moreover, the signals have likely suffered damage due to interference encountered in the course passage. What we receive – from Alpha Centari or Muscovy – is an ancient, encrypted, and garbled message.

Keenan's analogy reflects a thorough-going skepticism. He seems to be suggesting that Muscovite sources are so enigmatic that they are rarely what they appear to be on first reading. The methodological implications of this doubt follow directly. Standard historical method – contextualization at the point of origin – is insufficient because many Muscovite artifacts have been transformed in passage: they are not now as they were then and cannot be treated as if they were. Sources must be reconstructed, a procedure accomplished by retracing the steps in their transmission cum transmutation. The history in the text must be, for the moment, supplanted by the history of the text. Keenan's skepticism and its implications are and have long been close to the hearts of those who study what might loosely be called Muscovite "literary artifacts," a category that extends from literature such as the *Zadonshchina* to quasi-official items such as the Ivan IV–Kurbskii exchange. Scholars working on literary artifacts have applied the full range of textological techniques in their researches, often with very impressive (and controversial) results.

Until relatively recently the same could not be said for the study of administrative artifacts, that is, paper produced in the course of government. The reason is simple: it has long been assumed that administrative sources were subject to much less interference than literary texts. Certainly they are difficult to comprehend insofar as they are old and encrypted, but they were not physically transformed in transmission as is the case for often copied and frequently amended literary artifacts. Chancellery documents, so the common wisdom had it, were produced for comprehensible purposes, used accordingly, and then archived. There are widely acknowledged exceptions: the Deployment Books (*razriadnye knigi*) and Genealogical Books (*rodoslovnye knigi*) made their way from the "official" (chancellery) sphere to the "private" (clan) sphere in a process that can only be understood with the aid of rigorous textology.[1] These exceptions

---

1 *В. И. Буганов* Разрядные книги последней четверти XV – начала VII в. Москва, 1962; *М. Е. Бычкова* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. Москва, 1975.

BSB

notwithstanding, the bulk of Muscovite administrative paper was widely seen as textologically straightforward, at least relative to the convoluted histories of many literary pieces.

However there is good evidence that this understanding of Muscovite administrative documents is simplistic. It is true that chancellery paper remained largely outside the cultural context that complicated the history of literary texts. With a few exceptions, most boilerplate administrative acts did not attract sufficient attention among elite clans to motivate copying and amendment.[2] But this fact does not speak to the textual history of administrative paper, and it is therefore amiss to infer that chancellery documents do not have an involved life-course of their own. And indeed such documents often do have complex textual histories. This is particularly true of general registers, i. e., records constructed from numerous sources, containing masses of information, and used over a period of several years. Recent research on some of the best known and seemingly least complicated general registers – Boiar Books (*boiarskie knigi*), Boiar Lists (*boiarskie spiski*), and Military Service Musters (*desiatni*) – demonstrates precisely the complexity of these sorts of records.[3]

It is in light of this new understanding of Muscovite administrative documents that we can best appreciate the contribution of Vladimir Borisovich Pavlov-Sil'vanskii to the study of early Muscovite cadastres (*pistsovye knigi*). In the late 1950s Pavlov-Sil'vanskii began to apply the tools of complex textology to the cadastres: he re-dated manuscripts, analyzed anew their contents, and traced the histories of their parts. This effort called into question facile assumptions about early Muscovite land descriptions. For more than thirty years he labored to create a new, more sophisticated view of these fundamental sources.[4] The result of his effort is *Pistsovye knigi Rossii XVI v.* This remarkable monograph was his life's work, and he lived just long enough to see it published. At the center of Pavlov-Sil'vanskii's attention is a small set of seventeenth and eighteenth-century compilations containing texts related to land surveys in Moscow province (1570s–80s), Viaz'ma province (1580s–90s), and Zvenigorod province (1550s). These texts are important for two reasons. First, they represent one of a very few detailed sources available for the study of Muscovite land description and land holding from the sixteenth century. As is so often the case with sources for the sixteenth century, they are

---

2 However the range of documents that entered the clan sphere is wider than might be expected. See *Б. Н. Морозов* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в.: (к постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Москва, 1982.

3 *М. П. Лукичев* Боярские книги XVII в. как исторический источник. 1984 (Канд. дисс., Московский гос. историко-архивный институт); *А. Л. Станиславский* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение: Сборник статей / Москва, 1979, pp. 123–152; *М. Г. Кротов* К истории составления десятен (вторая половина XVI в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сборник статей. Москва, 1984.

4 On Pavlov-Sil'vanskii's life and work, see *Б. Н. Флоря* Владимир Борисович Павлов-Сильванский (1929–1992) //АЕ за 1992 г. Москва, 1991, p. 355–356.

few and come to us in much later versions. Second, they contain (or potentially contain) information relevant to a number of crucial historical questions: was the "Thousanders" reform of 1550 realized?; what was the effect on land holding of the 1556 "decree on service" which placed service requirements on all landholders?; how extensive were the land seizures and redistribution of the Oprichnina? In each of these instances we have high-level documents (edicts, plans, registers) sketching – albeit vaguely – the government's intentions. However we lack for the most part low-level administrative documents that might indicate the pursuit of these intentions in fact. The vexing remnants of sixteenth-century land surveys may provide evidence of this sort.

Pavlov-Sil'vanskii's chief argument is that the derivative nature of these important texts has not been sufficiently appreciated. Since the later nineteenth century much attention has been focused on early Muscovite land descriptions. Miliukov, Got'e, and Veselovskii all wrote extensively on them and many of the surviving texts were published (particularly in *Pistsovye knigi Moskovskogo gosudarstva* (St. Petersburg, 1872); hereafter PKMG). However both scholars and publishers treated the remnants of the early cadastres as if they were rather uncomplicated seventeenth-century "copies" (*spiski*) of earlier descriptions made for the benefit of scribes surveying the same areas at later dates. Pavlov-Sil'vanskii affirms the latter part of this interpretation: the texts are indeed part of the Pre-Survey Books (*prepravochnye knigi*) given to early seventeenth-century scribes. But he denies the former: they are not straightforward copies, but rather convoluted redactions carefully reworked according to the demands of later scribes.

Chapters 1 and 2 offer abundant proof of this proposition. In the former, Pavlov-Sil'vanskii analyzes two early seventeenth-century texts relating to land description in Moscow province in the 1570s and 1580s from the archive of the Service Land Chancellery (*Russkii Gosudarstvennyi Arkhiv Drevnikh Aktov* (hereafter RGADA), fond 1209 (*pomestnyi prikaz*), op. 1, kn. 255 and kn. 257). They are both redactions of earlier materials produced as Pre-Survey Books for a description of part of Moscow province in 1622. Both are published in PKMG and have been widely studied. Let us begin with Pavlov-Sil'vanskii's analysis of book 255. The Archival Commission (*Razbornyi Komitet*) of 1835 described book 255 as a single Pre-Survey Book from 1573/74. Pavlov-Sil'vanskii shows that both the description and date are incorrect, as the publishers of PKMG realized in part almost fifty years later. They divided the book into two sections: part one (fols. 1–151v) is described as a "copy of a cadastre compiled around 1573–74" and part two (fols. 151ff.) is described as a "copy of a cadastre compiled from 1576–78." This analysis, used by scholars for more than a century, is faulty as well: the dates, characterizations, and analysis into parts are all in some fashion erroneous. Pavlov-Sil'vanskii demonstrates by careful comparison of the formulas of description for provinces (*uezdy*), districts (*stany*), and estates (*pomest'ia*, *votchiny*, etc.) that book 255 is actually a compilation of two distinct documents: 1) fols. 1–33 ("255a"), a very incomplete redaction of a Revision Book (*dozornaia kniga*) detailing all types of estates from 1573/74; 2) fols. 35v ff. ("255b"), an incomplete redaction of a Parcel Book (*otdel'naia kniga*) from 1576–78 detailing the description and distribution of service lands (*pomest'ia*) for a number of districts.

BSB

In addition to offering more accurate datings and characterizations of the contents of book 255, Pavlov-Sil'vanskii also provides further information about its textual history. He proposes that text 255b was produced as part of an effort to mobilize servitors for the Livonian campaign of 1578. In the mid-1570s a review of servitors had been conducted in Moscow province. This involved the assignment (*verstan'e*) and registration (in a *desiatnia*) of new entitlement levels (*oklady*) for military personnel. In addition to a general land description, text 255b shows the new entitlements being fulfilled by the distribution of parcels to provincial servitors of middle ranks. After the distribution, the useful life of text 255b did not end. Text 255b was included in the Pre-Survey Book for the land description of 1584–86 and in the Pre-Survey Book for 1622–24, its current convoy. Importantly, Pavlov-Sil'vanskii shows that text 255b's contents were adapted to the specific needs of the surveying teams each time they were entered into a Pre-Survey Book. For example, it is clear that information about tax adjustment and the degree of entitlement fulfillment has been intentionally deleted. By the time of the description of 1584 much of this data had become irrelevant; by 1622 it was without value. Texts 255a and 255b are also incomplete because of simple degradation: neither contain the amount of information suggested by the summary sections in the documents or in later descriptions of the same district.

Pavlov-Sil'vanskii's exploration of book 257 is as revealing as that of book 255. The Archival Commission of 1835 considered book 257 a single Pre-Survey Book containing a "copy" (*spisok*) of a land description of 1584–1585. I. D. Believ, who studied the document extensively, agreed. The editors of PKMG apparently doubted this because they published only fols. 1–728v as a "copy of the cadastre of 1584–86." Pavlov-Sil'vanskii argues that book 257 does in fact consist of two distinct parts, both drafted in 1622 and neither of which are "copies": 1) fols. 1–728v ("257a"), a very incomplete redaction of the cadastre of 1584–86; 2) fols. 729v ff. ("257b"), an incomplete redaction of a document that reviews the titles of allodial holdings in Moscow province. The historical context of text 257a is indicated by the close attention it pays to documents attesting ownership of allodial estates and deserted service estates leased in the 1570s. The intent behind text 257a would seem to be the assessment of land holding in Moscow province, particularly after the upheavals of the Oprichnina. As valuable as text 257a is, it is much more incomplete than the flawed version published in PKMG would suggest: the text suffered major losses in preservation; its entries were shortened for the purposes of the description of 1622; and, finally, it is only one part of a three-fold description of Moscow province, the other two parts of which have not been found.

Book 257b is unlike any other found among sixteenth-century land descriptions. Pavlov-Sil'vanskii terms it a "manifest list" (*iavochnyi spisok*) of allodial holdings. It contains data on 170 allodial holders of the mid-1580s and about 125 former holders, most members of the tsar's court. The manifest is divided into three sections: 1) those landholders who presented transfer deeds (*kreposti*) of one sort or another to the scribes; 2) those landholders whose ownership was attested by a land description of some sort, but not by deeds; 3) those landholders whose ownership was undocumented. Individual entries consist of the attestation of ownership rights, the number and type of settlements,

BSB

and the amount of land held. As might be imagined, text 257b vastly expands the data provided by text 257a concerning the history of land holding in the 1560s, 1570s, and 1580s. Pavlov-Sil'vanskii speculates that text 257b shows a rarely seen side of land survey practice, the verification of rights to land. Such procedures may have been a regular part of sixteenth-century surveying, but this is unclear because the document does not explain itself and no similar documents have been found. Book 257b seems to have survived because it was needed for the description of 1622: the first choice for the Pre-Survey Books, text 257a, was so badly damaged that it was insufficient, and therefore 257b was added as a supplement.

In Chapter 2 Pavlov-Sil'vanskii first focuses on two late eighteenth-century volumes containing the remnants of sixteenth-century surveys of Viaz'ma province: RGADA, fond 1209 (*pomestnyi prikaz*), op. 1, kn. 618 and kn. 619. Book 618 is described in RGADA and in *Opisanie dokumentov i bumag* ... (St. Petersburg, 1869; hereafter ODB) as a "copy of the Pre-Survey Books ... of Viaz'ma province, 1594/95" related to the land description of one Vasilii Volynskii. Book 619 is there described as a "copy of the cadastres ... of Viaz'ma province, 1624–25," similarly associated with the description of Vasilii Volynskii. Book 618 is published with this characterization in PKMG. Pavlov-Sil'vanskii argues that much of this information is inaccurate. Book 618 consists of two distinct parts, not one: 1) fols. 1–500v ("618a"), an incomplete redaction of Volynskii's survey conducted in 1594–95; 2) fols. 501–526 ("618b"), an incomplete Revision Book compiled in 1616. Book 619 similarly consists of two parts: 1) fols. 1–769 ("619a"), an incomplete redaction of another part of Volynskii's survey conducted in 1594–95; 2) fols. 770–1206 ("619b"), a part of a different description conducted in 1586/87, again by Volynskii. All these items were part of the Pre-Survey Books given to Iu. Musin-Pushkin's survey team before the destructive Moscow fire of May, 1626. Musin-Pushkin died and his new description of Viazma was not completed. The failure of his mission increased the value of the Pre-Survey Books: they represent the only complete survey of Viaz'ma province from the 1590s to 1646. However both text 619a and text 619b suffered losses from decay and amendment similar to those described with reference to the Moscow surveys. This has not been realized by scholars working with the texts, with predictable results. Pavlov-Sil'vanskii catalogues book 618's and 619's losses in great detail. He also analyses a third redaction of Musin-Pushkin's Pre-Survey Book found in the archive of the Leningrad division of the Institute of History: *Arkhiv* LOII, kn. 608. The book consists of two parts: 1) fols. 11–167 ("608a"), a version of Volynskii's late sixteenth-century descriptions of Viaz'ma; 2) fols. 168v ff. ("608b"), a version of the Viaz'ma Revision Book compiled in 1616. Text 608a has the same source as book 619 and text 608b has the same source as text 618b. However book 608 was created for a different purpose than books 618 and 619. The latter are eighteenth-century archival copies of Musin-Pushkin's text. In contrast, book 608 was a working document of the last quarter of the seventeenth century based on selected information (identities of former owners, names and character of populated places) from Musin-Pushkin's documents. It was used to track the transfer of land grants in Viaz'ma province.

BSB

The concluding chapter, concerning surveys of Zvenigorod province, is in many ways the most ambitious and interesting. Pavlov-Sil'vanskii begins by offering an analysis similar to those in chapters 1 and 2 of a seventeenth-century tome including a remnant of a sixteenth-century description of Zvenigorod province: RGADA, fond 1209 (*pomestnyi prikaz*), op. 1, kn. 125. The Archival Commission of 1835 labeled this book a partial description of the estates of Troitse-Sergiev Monastery conducted in 1592–93; both PKMG and ODB call book 124 a "copy of cadastre of 1592/93" for Zvenigorod province conducted by Vasilii Volynskii. Pavlov-Sil'vanskii demonstrates that much of this is misleading. Book 125 actually consists of three parts, only one of which can be related to 1592–93 and Volynskii: 1) fols. 1–236 ("125a"), an incomplete redaction of the description of three districts of Zvenigorod province, 1558–59; 2) fols. 131–135 ("125b"), an incomplete redaction of a Parcel Book concerning grants to the men in Zvenigorod from 1559/60; 3) fols. 237–327 ("125c"), a description of estates held by Troitse-Sergiev Monastery in six districts from 1592–94. Following Veselovskii, Pavlov-Sil'vanskii identifies texts 125a and 125b as the Pre-Survey Books produced for the Zvenigorod survey team of 1624–28; he does not speculate as to why the description of the property of Troitse-Sergiev was included in the convoy. As to the condition of the book, Pavlov-Sil'vanskii notes the following. The original documents were in very poor shape already in 1623–25. This is shown by marks in texts 125a and 125b noting places where the original was damaged (260 of them) and by Title Rescripts (*sotnye vypisi*) from the book which cite damage. Further amendments were made by the scribes drafting texts 125a and 125b. The edition in PKMG does not reflect these losses and changes, and what is worse, the editors compounded the error by deleting and adding text. This in turn has caused errors in research using the PKMG editions of texts 125a and 125b.

Pavlov-Sil'vanskii concludes that the PKMG edition of the Zvenigorod documents is so defective that a new edition is warranted. But this new publication should not be a simple letter for letter transcription of book 125: the manuscript itself is so incomplete that the new edition would be all but incomprehensible. Pavlov-Sil'vanskii suggests any new edition of the Zvenigorod documents must be based on a complete reconstruction of the source. The rest of the monograph is devoted to demonstrating how this can be accomplished, not only for book 125, but for many incomplete Pre-Survey Books containing fragmentary remnants of sixteenth-century surveys. The basic technique that enables reconstruction is detailed comparison of the Pre-Survey Books with the finished cadastres produced with their help. The fundamental condition for reconstruction is this: the books to be compared must describe roughly the same areas and must be divided into the same objects – provinces, districts, estates (*pomest'e*, *votchina*), populated points (*derevnia*, *selishche*, *pustosh'*), land stocks (good, middle, poor *pashnia*), etc. If this is true, then comparison of the books will mark change over constant variables. A typical estate description in a sixteenth-century survey would include the owner's identity, names and types of populated points, amount of land in various categories appertaining to each, and totals for the entire estate. A later survey suitable for use in reconstruction would note changes on the same estate or some sub-unit of it: we might

BSB

find a new owner, some shift in the types (but not the number) of populated points, change in the division of land stocks among classes (but not the total land stock) pertaining to each, and similar totals for the estate then and at the time of the new description. If a part of an estate description is absent in an early source, it can be filled out with reference to the later source.

A hypothetical example will make this clear. Imagine we read in the totals section of a sixteenth-century estate description that a holding controlled by one Ivan Nikitich Odoev had three settlements. However in the body of the description we find only two mentioned, the village Klimiatino and the waste Bereza, and a gap in the text. We can easily infer that there was in fact a third settlement, but we know nothing about its identity or appurtenances. Nonetheless, if we find an estate held by Iurii Ivanovich Morozov in a complete seventeenth-century survey of the same area which also contains three settlements, the waste Klimiatino, the hamlet Bereza, and the hamlet Staroe, then we can infer that the third settlement in the fragmentary survey was called Staroe and had roughly the same appurtenances as its seventeenth-century successor. Such judgments are made more secure by a peculiar and lucky aspect of Muscovite land description: the tendency to note changes in status in new surveys. To return to our hypothetical example, the later description might read: "the estate that was held by Iurii Morozov," "the waste that was the village of Klimiatino," and "the hamlet that was the waste of Bereza" – all direct references to the Pre-Survey Book and indirect references to its sixteenth-century source. Pavlov-Sil'vanskii uses the methods here outlined to reconstruct many of the service estates of the Ugozheskii and Gorodskii districts of Zvenigorod province. He apparently finished a complete reconstruction of Zvenigorod before his death. It awaits publication.[5]

In conclusion let us return to Keenan's analogy. Pavlov-Sil'vanskii has offered abundant evidence that even if we had complete sixteenth-century land surveys of good provenance they would not, given our present knowledge, yield easy understanding. We do not know exactly how or why the surveys were conducted, what types there were, or how the information in them was used. As the analogy suggests, the surveys are ancient and encrypted in a cultural code about which we know surprisingly little. However Pavlov-Sil'vanskii's primary contribution to our understanding of early Muscovite land description lies elsewhere. He has focused our attention on the fact that, like Keenan's hypothetical radio waves streaming towards earth, the signals of the sixteenth-century surveys have been distorted by several distinct waves of interference. The first of these was encountered in Chancellery practice itself. We know that once surveys were completed they were often used for many years in the Chancelleries, a process that caused no little wear and tear. The fact that almost no original cadastres from the sixteenth century survive is perhaps a testament to their rough treatment. What does survive also bears the mark of Chancellery use, but of a different sort. At the end of their useful lives the cadastres were extensively re-edited to be used as Pre-Survey

---

5 Ibid., p. 356.

BSB

Books for new descriptions, producing what is in essence a redaction of the original. These too suffered losses in use and storage. In addition, the original source of the redaction was often forgotten or masked by seventeenth-century scribes. The misunderstandings of archivists constitute a second sort of interference. Pavlov-Sil'vanskii shows that neither those who labored to catalogue the massive inventory of the Service Land Chancellery in the nineteenth-century nor those who followed them in Soviet times succeeded in describing or dating the contents of post sixteenth-century compilations containing remnants of sixteenth-century surveys. The final barrier to understanding is that of modern scholarship – nineteenth and twentieth-century historians who have written on and published the early surveys. Though much light has been thrown on the sixteenth-century by them, much that is obscure has been produced as well, primarily because the careful source-analysis which must accompany studies using the early descriptions has been neglected.

Pavlov-Sil'vanskii pioneered a program to make the sixteenth-century surveys useful to researchers. It can be briefly described as follows. First, the contents of compilations containing early surveys must be completely re-analyzed because existing archival descriptions are inadequate. Second, the textual history of each component must be sketched because at present we do not know the origins of existing sixteenth-century texts or how they were affected by transmission. Third, an estimate must be made of losses in the components because we must have a good accounting of both what they once held and what they hold now in order to use them prudently. And, finally, the missing material should be reconstructed wherever possible by comparison with later surveys because in many cases losses are so severe that the original texts are unworkable. It is much to be regretted that Pavlov-Sil'vanskii passed before more of the project could be realized – without his experienced hand our task will be that much more difficult.

Marshall Poe

Harvard University

Reviews

Рецензии

Reinterpreting Russian History : Readings 860-1860s / Compiled and Edited by Daniel H. Kaiser and Gary Marker. New York, Oxford: Oxford University Press, 1994. 445 p.

Das Geschichtsstudium an den US-amerikanischen Universitäten ist wesentlich anders organisiert als in der Bundesrepublik Deutschland: Bevor eine regionale oder thematische Schwerpunktbildung erfolgt, werden Epochen und Geschichtsräume im Überblick behandelt. Hierin ist wohl ein Grund dafür zu suchen, warum gerade amerikanische Wissenschaftler in Abständen immer wieder Quellenanthologien und „Reader" zusammenstellen, die regelrechte Arbeitsbücher darstellen und von der ersten bis zur letzten Seite durchgearbeitet werden sollen, um dem nicht speziell interessierten Studierenden eine Orientierung über die Hauptprobleme einer Region oder eines historischen Themas zu ermöglichen.[1] Für die russische Geschichte ist dies mehrfach unternommen worden. Unter der Federführung von George Vernadsky wurde eine dreibändige, sorgfältig edierte Quellenanthologie herausgegeben[2], Basil Dmytryshyn legte zwei Quellensammlungen vor, die mit Schlüsseldokumenten vor allem zur politischen Geschichte vertraut machen sollen[3], und Thomas Riha wollte darüber hinaus mit seinen „Readings in Russian Civilization"[4] prägende geistesgeschliche, politische

1 Ähnliche Vorhaben sind im deutschsprachigen Raum selten und verfolgten zudem andere Intentionen. Vgl. z. B. die nicht mehr aktuelle, aber durch ihren umfangreichen Quellenanhang interessante Arbeit von *V. Gitermann* Geschichte Rußlands. 3 Bände. Hamburg, 1944–1949. (Reprint Frankfurt a. M., 1987), sowie Rußland-Chronik / Herausgegeben von Otto Böss. 2., überarb. u. erw. Aufl. Salzburg, 1986.

2 A Source Book for Russian History from Early Times to 1917 / George Vernadsky, sen. editor. Bd. 1–3. New Haven, London, 1972.

3 Medieval Russia: A Source Book, 850–1700 / ed. by Basil Dmytryshyn. 3rd ed. Fort Worth (u.a.), 1991; Imperial Russia: A Source Book, 1700–1917 / ed. by Basil Dmytryshyn. 2nd ed. Hinsdale, Ill., 1974.

4 Readings in Russian Civilization / ed. by Thomas Riha. Bd. 1–3. 2nd rev. ed. Chicago, London, 1969.

BSB

aber auch historiographische Texte zur Diskussion stellen. Bei diesen Publikationen erfolgte die Auswahl mehr oder weniger im Lichte des Zusammenbruches der Autokratie am Beginn des 20. Jahrhunderts und deren weit zurückreichender strukturellen Krisenerscheinungen. Einzig der Quellenband von Dmytryshyn zu Mittelalter und früher Neuzeit gibt der Kiever und Moskauer Periode ein ihr zukommendes, eigenes Gewicht. Bei Vernadsky und Riha erfolgte die Textauswahl zu der im jeweils ersten Band behandelten Kiewer und Moskauer Periode im Hinblick auf Kontinuitäten und Diskontinuitäten bis 1917.

Daniel H. Kaiser und Gary Marker haben nun das Experiment unternommen, eine Anthologie zusammenzustellen, in der Quellenauszüge mit zumeist aktuellen Forschungsbeiträgen kombiniert werden, wobei der Kiever und der Moskauer Zeit vergleichsweise viel Raum gegeben wurde: Über die Hälfte des Readers ist diesen Epochen gewidmet, was gerade bei der von Kaiser und Marker gewählten Schwerpunktsetzung keine Selbstverständlichkeit darstellt. Nach der Intention der Herausgeber sollen Materialien zu Themen zugänglich gemacht werden, die in den vergangenen beiden Jahrzehnten die angloamerikanische und russische Historikerzunft in immer stärkerem Maße als Forschungsschwerpunkte beschäftigt haben, also weniger die Haupt- und Staatsaktionen, sondern vielmehr Aspekte der Kultur-, Rechts-, Alltags-, Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Für die Abschnitte über die Kiever und Moskauer Periode bedeutet dies konkret, daß etwa die Christianisierung der Rus' in der Quellenauswahl unter dem Aspekt der Bedeutung für die Staats- und Gesellschaftsform betrachtet wird, nicht aber im Hinblick auf die Außenbeziehungen zu Byzanz und zum lateinischen Europa (S. 63 ff.); daß etwa die Annexion Novgorods (1471–1478) unter dem Aspekt des Untergangs einer alternativen Staatsform zur sich ausbildenden Moskauer Autokratie beleuchtet wird, nicht aber unter dem lange Zeit schwerpunktmäßig betrachteten des territorialen Aufstiegs Moskaus (S. 90 ff.). Außenpolitische Momente der Herrschaft Ivans IV. wie die Eroberung von Kazań oder Ivans gescheiterte Livlandpolitik fehlen ebenso wie eine Behandlung der polnisch-litauischen-moskauischen Beziehungen im 17. Jahrhundert. Aber auch Ereignisgänge der inneren Entwicklung fallen der Schwerpunktsetzung zum Opfer. Zwar wird die ökonomische Krise ab der Mitte des 16. Jahrhunderts thematisiert (S. 165 ff.), nicht aber ihre politsche Konsequenz, die Zeit der Wirren, in der sich über die Probleme des Dynastienwechsels und der politischen Einflußnahme von außen massiver sozialer Protest Bahn brach.

Diese Aufzählung von wohl notwendigen Auslassungen sollte hier nicht als Mängelliste mißverstanden werden, sondern lediglich begründen, warum die eingangs genannten Anthologien noch nicht „out of time“ sind (S. XIII) und nach wie vor benutzt werden müssen, um dem Studierenden ohne ausreichende russische Sprachkenntnisse ein umfassendes Bild des alten Rußlands zu vermitteln.

Im Rahmen der eingangs genannten Zielsetzung vermitteln die Herausgeber durch ihre Quellen- und Literaturauswahl ein vielschichtiges Bild: Quellen zu den Varägern in Rußland wurden nicht etwa ausgewählt, um den Streit zwischen Normannisten und Antinormannisten ein weiteres Mal zu rekapitulieren, sondern um eine Vorstellung vom Vielvölkergebilde der Rus' zu geben (S. 9 ff.). Die Birkenrindeninschriften und ein

BSB

Graffito an der Kiever Sophienkathedrale führen zu Simon Franklins beeindruckender Studie über die Verbreitung von Schreib- und Lesefähigkeit in der Rus' (S. 71 ff.). Moskauer und Novgoroder Rechtsurkunden führen einerseits zu Betrachtungen über das Rechtswesen im mittelalterlichen Rußland, wie sie Ann M. Kleimola anstellt (S. 117 ff.), sie geben aber andererseits auch Aufschluß über Wirtschaftsprozesse, die Janet Martin am Niedergang des Novgoroder Pelzhandels exemplifiziert (S. 122 ff.). Auch wenn die Verknüpfung von Quellen- und Literaturauszügen nicht immmer in solchem Maße geglückt ist wie in den erwähnten Beispielen, so bieten doch gerade die Abschnitte des Buches über die Kiever und Moskauer Periode Beispiele dafür, wie man durch sorgsame und mit neuen Fragestellungen angereicherte Interpretation bereits bekannter schriftlicher Quellen ein erweitertes und differenziertes Bild von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Altrußlands erhalten kann. Als Ergänzung zu den bereits existierenden Readern sei der Band von Kaiser und Marker daher nachdrücklich empfohlen.

Ein letzter Kritikpunkt bleibt anzumerken: Die Herausgeber hatten sich entschlossen, bei den aus der Sekundärliteratur ausgewählten Texten den Anmerkungsapparat zu tilgen. Trotz der erreichten Übersichtlichkeit wird dem Leser damit eine Möglichkeit genommen, in eine tiefergehende Beschäftigung mit dem jeweiligen Thema einzusteigen. Dies wäre insbesondere dort wichtig, wo die Herausgeber ausdrücklich darauf hinweisen, daß die vom Autor vetretenen Thesen kontrovers sind, wie z. B. die von Charles J. Halperin über die Auswirkungen der Mongolenherrschaft in Rußland (S. 104 ff.). Zumindest weiterführende Literaturhinweise zu den einzelnen Abschnitten wären daher bei einer Neuauflage sinnvollerweise zu ergänzen.

Kiel — Jan Kusber

BSB

Т.Н. Джаксон Исландаские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. Москва: Ладомир, 1994. 255 с. (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы).*

This is the second book of Tatjana Džakson's planned three-volume series dealing with the entire corpus of Scandinavian sagas about Eastern Europe. This volume contains the texts on St. Olav of Norway. Džakson's idea is to publish both the original text and a Russian translation, as well as a commentary. Most historians find works of this kind extremely useful because we do not have special philological skills as do those scholars who specialize in manuscript studies: the historians' strengths lie elsewhere, and we need these philological tools for our work. Here Džakson has published a completely new edition based on the oldest (i.e., best) MSS available; her earlier work has made her completely familiar with the material, and for this edition she has consulted other highly qualified scholars in the field. Thus, this edition undoubtedly represents the most recent scholarship in this area.

A book of this kind, collecting the saga material concerning Eastern Europe, makes the basic work of the historian much easier. But, the historian is also at the editor's mercy: if something is missing, then it will be absent forever from all future studies. Džakson's book contains not only all of the sagas but also a number of fragments, and I cannot think of anything that is missing here. Her decision to publish the original text was a good one: it is simply the only appropriate starting point for a scientific study. Translations are only "commentary" and auxiliary materials. Thus Džakson's main translation principles – formalistic, as near to the original text as possible, and not concerned with esthetic creation – are exactly right: a tool must be evaluated according to its usefulness and not for its beauty. In the commentaries Džakson has provided a philological and historical analysis and at the end of the book there is also an ethnogeographical reference book.

The publishers have cooperated in making a book that is easy to use, with: 1. references to the original text; 2. earlier publications; 3. translations; 4. studies; 5. text; and 6. translation. My only criticism concerns the choice of a language for the translation. Why translate it into Russian? Of course all of the scholars who study Eastern Europe know Russian. The problem is, however, that the use of Russian limits the number of users (of this work as well as of the other very highly qualified studies in our area) to our own circles. We know that there were barriers between East and West in medieval Europe. But are these barriers sometimes only in the minds of the scholars? Looking at the presentation of medieval Europe in recent books, one finds that the conception of the Kievan Rus' is worse than stereotypic and old-fashioned. One reason for this may be that the latest ideas and scholarly research have not reached those who are not

---

* This review was copy-edited by Mary Sommár, München.

BSB

specialists on the East European Middle Ages. Therefore I would prefer to see languages other than Russian in this connection, too.

Generally speaking, the book is very carefully written, closely adhering to the author's chosen principles. Džakson presents the motives of the sources quite thoroughly as well as indicating in which text each topic is used (pp. 24–27, 140ff). Sometimes I would have liked to see a bit more commentary, but mostly these are matters of taste and up to the decision of the author. The discussion of some details is limited, but Džakson's references provide a good starting point for further study. Especially praiseworthy is the fact that the author does not try to solve all of the problems herself, but leaves the possibilities open and provides references to different points of view, e.g., in the case of the miracle stories. There are, of course, certain points which I would like to discuss further.

1. The use of national terminology for the Middle Ages is extremely problematical. The original published editions of these sources were produced in the era and spirit of nationalism. This has contaminated the interpretations as well as the original terminology in a very complicated way. If we speak about the conflicts between Sweden, Norway and Denmark in the 10th and 11th centuries, we image the world of 19th and 20th centuries and its conceptions. These "governments" had no such "pograničnye konflikty" with one another as, e.g., Estonia and Russia today. In the same vein, I would not talk about "antidatskaja tendencija" in the 11th century. The semiotic meaning of the national terminology was different for the authors of the sagas and for their audience than it is for us. The states were more like clans, unions of persons/clans etc. The national states of Scandinavia belong to a world which goes back no further than the Late Middle Ages, and therefore we should be careful in using concepts of nationality which had the same names for the Vikings as they do now for us, but represent very different symbols (pp. 9, 19, 47, 155, 164).

2. The historical facts are not always as clear as the literature leads us to believe. The historical role of St. Olav, for instance, is so complicated, that it would be preferable not to refer to him simply as the "Christianizer of Norway" like the national history of the last century teaches us to do (p. 9).

3. The canonization of St. Olav is traditionally described as Džakson has described it (pp. 10–12). But the question remains whether or not it is true. This opens the door on a very large problem: the manuscript traditions. Džakson has presented this problem correctly, describing how the available MSS have been based on older texts etc. (pp. 12–16, 30–31). Similar presentations can be seen in every publication of medieval sources. My concern is that these publications should discuss in a little bit more depth, how, and according to which principles, these MSS and their copies were actually made in the Middle Ages. Džakson's text gives the impression that the copyists copied the old MSS quite mechanically or compiled a new MS from several older ones, but exactly following the old formulations. If one compares different MSS, one should be able to find the first, original version of the text. According to this view there are problems with using the texts as sources, but these difficulties are basically of two origins. First, there is the difficult character of basic texts, i.e., that they were of mixed genres, among

BSB

annals there could also be found stories, etc. Second, mistakes occurred in the copying process. One can overcome these problems by thinking about the genre in detail and comparing different MSS. I would like to point out another difficulty. The mental atmosphere of the authors of Middle Ages differed totally from the ours. Their conception of truth, their conception of time, their conceptions of the whole of life were not the same as ours. This has resulted over time in interpolations and falsifications in different documents and chronicles. The world of the medieval man was created all at once and it was completely ready: tomorrow is true today and today was true in the past. The truth is only the single truth of God and does not have various aspects. As such, details have no independent value, the truth is realized on the general level. The copyist worked in this kind of world and his work is understandable only within these limits. He did not try to collect material for us, he tried to describe the world for his audience, to communicate information to them. So the copies were part of the information system of their own world. If the world changed, the facts in the copies were changed, because the world must be harmonious. The copyist did not include contradictory information for our pleasure. When Džakson speaks about the possibility of an "independent Norwegian school of history" (p. 30), she also includes in this claim the possibility that there was a subjective interpretation of the past in the 13th century. I would like to stress that none of these "schools" were the schools of a pluralistic world: the world of the 13th century was not a pluralistic world. So even if I do not deny the authenticity of the history of the canonization of St. Olav as such, I would like to see more discussion on that point: how sure we can be that the contents of the texts are not only later reviews? There are a number of examples in the literature of cases where vitae and translations were falsified to indicate that they happened hundreds of years earlier than they actually took place. In any case our texts are only copies, where only material suitable for the time and world of the copyist was written down. Therefore I think it is an important point that Džakson, like most other philologists, takes small linguistic details very seriously, e.g., a Norwegianism of the text as a proof for the origin of the text (p. 29) – but does not pay much attention to the basic structures – information system, conception of truth etc. – of the society, and that these texts were made for propagating something and not just for antiquarian interests.

4. One should also not handle the ancient terminology in a too "chancellery" fashion. The point is not that the chronicler just used a different language and that we must simply find the right code in order to have the correct information. Their way of understanding and analyzing the world was also different. Therefore it is not particularly fruitful to describe, e.g., the exact meaning of the term *Austrvegr*. It may have had not an exact, unambiguous meaning. On the other hand, Džakson's presentation of the Gandvik question, is in my opinion, excellent.

5. I am afraid that we cannot generally draw conclusions about exact details from the sagas. In the same way, the internal logic of the stories did not play a similar role for the medieval author as it does for us. Therefore it is dangerous to base broad conclusions on these facts (e.g., p. 144). I would like to have seen Džakson say a bit more about this well known fact. This would have been possible, for instance, in connection with the

BSB

Eymudar-saga, when the text dates the death of Bračislav Izjaslavič in the 1020s and claims that Eymund became the ruler of Polock (pp. 172–173). In this connection it might have been possible to point out that this kind of mistake occurs in the sagas and there is no point in trying to find any logical explanation. Behind details like this, as well as behind some other details, there lies nothing other than a long line of errors. It is therefore important that sometimes one has tried to look at the different traditions behind the sagas, assuming that they must only be deciphered for us to have new valid information, in other words, a truth from a new and different aspect. Many times, however, this is not the case, and it must be accepted. Although I do not quarrel with the dating of the arrival of Jaroslav the Wise's envoys in Sweden to the autumn of 1018, or with the idea that the wedding of St. Olav and Astrid took place in February 1019 (p. 20), these sources were not intended to pass on this kind of factual detail. Further, one cannot be sure how far east Svein's travels extended (p. 146). I also do not believe that the authors documented the "maršrut" of individual persons in completely realistic detail in the sagas. It may have been simply an illustration on a more general level (e.g., p. 185). Ethnic names are also problematic, and not only because of the different conception of nations. This was not intended to be an ethnographic work, but a message that was aimed to reach a certain audience, and thus it depends on the presumptions of this audience and not on empirical facts (p. 168, 183). I am even less convinced of the originality of the juridical systems, administrative organs and titles: they were intended to be understandable to the Scandinavian audience (p. 160, 189). That is, I had hoped to see a warning from Džakson about using the exact geographical, or juridical details and other facts, and some advice about always taking into consideration the function of each text, and where, and for whom the text was made.

6. Džakson has not translated some terms like *ting*. This is correct. Why has she then, however, translated the bynames of historical persons into Russian? *Charal'd Žestokij Pravitel'* is of course better than *Garal'd Groznyj*, but *Harald Harðrača* would be even better. And, at first glance, names like Biörn *Skal'd Zolotych Resnic* are totally incomprehensible. If we are going to work in an international society, we must accept and promote international cooperation. A certain level of historical tradition is acceptable: we have to know that Marc Aurel is Marcus Aurelius, and St. Étienne, St. Stephanus. However, this practice has its limits. For a foreigner, the traditional terminology can sometimes cause a very big problem. Therefore, it is preferable to use the original form of personal names.

7. According to the saga, the troops of Eymund consisted of 600 men. Klejber has concluded that they were actually more numerous (720 men). Džakson clearly knows about Klejber's article, but does not comment on it. Klejber has also provided a third possibility for understanding the expression the "court of Paromon" of Novgorod by connecting it with the Greek expression of παραμένω/παράμονος. Even if this is less probable, Džakson should have noted it, because she mentions the other two possibilities (p. 165). When speaking about the troops of Eymund (pp. 168–169), Džakson positively identifies the companion of Eymund Biörn with the otherwise known *skaldi* Biörn Hitdælakappi. This claim can be based only on the identity of the first names, and

BSB

on nothing else. In the same connection when Džakson speaks about the smaller group of 12 soldiers of Eymund, she should have said that the number might be only symbolic as, e.g., Rydzevskaja has shown. These are examples of (very) minor details where I would have expected more explanation.

8. A somewhat more important detail is connected with the position of Staraja Ladoga and Novgorod. Especially since Džakson deals in a number of places with the history, position and mutual relations of these towns (pp. 159, 208–209), I would have expected that she would at least refer to the (in my opinion quite plausible) theory of Kirpičnikov, that the residential town of Svjatoslav Igorevič in the text of Constantinos Porphyrogennetos, Νεμογάρδας, should be translated as *Nevograd*, i.e., his residence was situated in Staraja Ladoga and not in Novgorod.

9. I am not so sure as Džakson is that the Burisleif of the saga of Eymundar must be identified with Svjatopolk and that it concerns the struggle between Jaroslav and Svjatopolk. In my opinion, Džakson has chosen the old line too quickly and without sufficient argument, and has passed over more recent views (of, e.g., Chorošev, Il'in, Nazarenko, Poppe) (pp. 162–163, 169–170). For example, the name of Andrzej Poppe, who has (FOG, 50, 1995, p. 275–296) shown that the relations among the brothers (Boris, Gleb, Jaroslav, Svjatopolk) were much more complicated than our sources say directly, is not even mentioned in the literature cited by Džakson and this is an indisputable omission. To my way of thinking, it is more logical to hold that the traditional view of the events is found only in the Probyzantine canonization procedure of SS. Boris and Gleb and the legitimation of Jaroslav's power. There one finds the explanation of many strange details in the figures of these brothers as well as in the figures of Svjatopolk, Jaroslav and even St. Vladimir. Therefore I would like to understand this story of the Eymundar-saga as showing that there were reminiscences of the killing of Boris. Džakson's argument is not convincing. She pays too much attention to unimportant linguistic questions like how to combine the names Boris and Burisleif. No one could possibly even guess what might have been done to these names over the centuries.

10. The relationship of *Ruscia – Garðaríki – Austrvegr* can be considered, as such, an interesting question (p. 178), but one must also remember that this expression symbolized different concepts for the audience of that long-ago time. It is not certain that *Ruscia* is a translation for the concept *Austrvegr*, but it might also be that when the term was changed, the information changed as well. If this is the case, it does not communicate anything from the 11th century to us, now.

12. When Džakson speaks about the story of St. Olav healing the boy who had a disease of the throat (p. 181), it might have been a good idea to say that the Healing King is a central part of the common medieval myth of the Holy King. This could be important because it underscores the role that the universal medieval culture played in these circles as well.

13. The biggest disappointment in the whole book is the ethnogeographic "spravočnik." One reason for the disappointment is that I consider this kind of "guide" worthy of a separate study. And, although how to make a "guide" of this kind is admittedly a matter of taste, I tend to disagree with Džakson's choices. First, it should be more complete.

BSB

Second, Džakson has invested so much in the linguistic details, that some articles consist almost completely of less important etymologies (e.g., *Aldeigjuborg, Kænugarðr, Palteskia, Hólmgarðr*). I would rather stress the historical context of these terms. For instance, in the articles on *Austrvegr, -lǫnd, -ríki* it might have been fruitful to concentrate on the question of what was the conception of east at different times in the sources. When speaking of the Biarms, Džakson should have referred to the Finnish studies and the theory of identifying them with the Russian expression of "zavoločskaja čud´." Džakson does not mention the studies of Julku and those of Kirkinen, although both have also published in more widely-read languages, and she deals with Karelians as well as Kvens. So, today the articles about *Bjarmaland*, and even more so, about *Kirjalaland*, are quite outdated.

University of Helsinki Jukka Korpela

BSB

Jana Malingoudi Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jahrhunderts aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki: Vanias, 1994. 118 S. (Βιβλιοθήκη σλαβικῶν μελετῶν 5).

The texts of the accords between the Rus' and the Byzantines incorporated into the *Primary Chronicle* have long received scholarly attention, but the number of studies devoted to them in recent years is modest. Soviet scholarship took the texts under its wing, treating them as early examples of the Rus' literary language and as monuments of early Rus' law. This, together with the lack of combined philological and legal analysis of the texts, has discouraged specialists in, for example, Scandinavian and Byzantine studies from applying their expertise to the texts.

Jana Malingoudi's study should bring this impasse to an end. She does not claim expertise in philology or any branch of legal history, nor does she purport to be offering an exhaustive investigation of the text. The extensive passages detailing the redresses for various offences are not discussed. Malingoudi's avowed aim is to examine the structure and diplomatic of each of the treaties in the light of the diplomatic of Byzantium's twelfth-century treaties with the Italian city-states. She distinguishes between two types of document: firstly, the *Unterhändlerurkunde*, drawn up by the Italian negotiators and containing their side's obligations and undertakings, as well as the main undertakings of the emperor in the form of an "insert"; the negotiators swore in the name of their lords to honour their undertakings and that the sovereign authorities themselves would take such an oath; only thereupon would the agreement be considered ratified. The text issued in the name of the authorities containing the terms and their oath constituted the second type of document, characterized by Malingoudi as the *Abschlußurkunde*. Its contents were more or less the same as those of the *Unterhändlerurkunde*, but the ruler's sworn confirmation of the terms agreed gave the document the status of a legal instrument. Malingoudi shows that while most of the extant texts of the Italian agreements are *Unterhändlerurkunden*, two are *Abschlußurkunden*, containing sworn undertakings, addressed to the emperor, together with an *Übertretungsverbot*, date and list of witnesses. In these and other details Malingoudi highlights the consistency of practice: allowing for inevitable variations due to the changing circumstances of the parties involved, one can discern a certain pattern in the procedure for arriving at a formal agreement and in the formatting of the written agreements.

Malingoudi applies these findings to the Russo-Byzantine agreements. She draws a key distinction between the text of 944, characterized as an *Unterhändlerurkunde* and those of 911 and 971, which she regards as *Abschlußurkunden*. The 944 text, drafted in the name of the Rus' envoys, is shown to contain an "insert" from the document issued in the emperor's name; the emperor's statement in this "insert" that "we have caused this agreement (свѣщанье) to be written down in two documents (на двою харатью)" is explained: one document was the foresaid imperial deed, comprising the Byzantines' undertakings (together with an "insert" from the Rus' document); the other *kharat'ia* contained the Rus' envoys' sworn undertakings, i.e. the *Unterhändlerurkunde* as preserved in a Slavic translation in the *Primary Chronicle*. The imperial document

BSB

stipulated that Prince Igor' and his men were to swear to observe its terms, and it was conveyed north by Byzantine envoys in the company of the returning Rus'; at the same time as the oaths were sworn, the document was to be handed over to Igor'. The Rus' *Unterhändlerurkunde*, which reproduces this portion of the imperial document in its "insert", records the oaths taken by the Christian and pagan envoys themselves to uphold the terms and to see that Igor' and their other lords would likewise observe them in full. As Malingoudi points out, these oaths of the *Unterhändler* will have been taken at the end of the negotiations in Constantinople, and she proposes to identify the church of St. Elijah (where the Christians swore) with the chapel known to have adjoined the church of the Mother of God of the Pharos.

The *Abschlußurkunde* of 971 issued in the name of Sviatoslav is much briefer and simpler, being the written confirmation of the oath which he had already sworn, addressed to the Byzantine emperor; not surprisingly, in the circumstances of Sviatoslav's reverse, there is an elaborate *Übertretungsverbot*, together with a commitment to keep the existing "just treaties" (праваıа съвѣщаньıа). In contrast, the materials dating from the early years of the tenth century are, as Malingoudi notes, more problematic. The *Chronicle*'s entry for 907 contains imperial undertakings issued to the Rus', while the 911 entry carries the text of a treaty drafted in the name of the Rus'. Malingoudi endorses a view first set out by A. A. Shakhmatov: that the fragments stitched into the 907 entry have been detached from the "insert" of the imperial undertakings and originally all belonged to the Rus' document dated to 911. The latter text has characteristics of an *Abschlußurkunde*: it confirms in writing an agreement which the fifteen named issuers (*Aussteller*) have already sworn to uphold, and it contains an *Aushändigungsformel* – a declaration that the document has been handed over to the imperial authorities, clearly at Constantinople. However, Malingoudi notes, the fifteen are neither described as envoys, nor accredited to individual lords, as were the representatives named in the 944 treaty; they are "mit Vollmacht ausgestattet …, ohne jedoch Unterhändler zu sein" (p. 55). Malingoudi's solution to this apparent anomaly is to suppose that the written treaty was the second act in proceedings which had begun in 907, when Oleg negotiated an agreement with the Byzantines before Constantinople's walls and swore to terms; these were not formally written down as a legal instrument at the time, but they had merely to be reiterated in writing and sworn to by the fifteen, who acted as full representatives of Oleg without having any negotiating powers. Thus the two documents issued in 911 in the names of, respectively, the emperor and the Rus' represented merely the formal *Beurkundung* of an agreement already reached and sworn to four years earlier.

In the book's last section, Malingoudi discusses the language of the original texts and of the translation, together with the headings which precede the 911, 944 and 971 texts in the *Primary Chronicle*. She considers the type of document which these texts constituted and the means whereby they were produced. She concludes that the texts issued in the name of the Rus' were drafted in Greek by Byzantine officials detailed to the Rus' for this purpose, in default of any Rus' "chancery", operating by its own procedures, at that time. They conform to the conventions of Byzantine diplomatic and resemble the

BSB

corresponding Italian texts in their formulae, sequence of sections and, at times, terminology. But unlike the Italian texts, drafted by the Italians themselves, they do not show distinctive, unByzantine characteristics. The exact date of the translation of the Greek texts into Slavic is uncertain: Malingoudi concludes that "die Vertragstexte höchstwahrscheinlich erst nach dem Jahre 971 (Abschluß des letzten der drei Verträge) und vor dem Jahr[e] 1116 (Schaffung der Nestorchronik) übersetzt worden sind" (p. 87).

Malingoudi's study is of substantial value, showing conclusively that the texts incorporated in the *Primary Chronicle* must be approached from the perspective of Byzantine diplomatic. And seeing that the next oldest Byzantine treaty of which we have detailed knowledge dates from 562, Malingoudi makes a useful contribution to the study of Byzantine diplomacy, too. Her demarcation of the "inserts" from the imperial documents contained within the 911 and 944 texts issued in the name of the Rus' is convincing. So, too, is her reconstruction of the procedure whereby the 944 treaty was negotiated by Rus' representatives who were "mit Vollmacht ausgestattet". Malingoudi shows how elements of Byzantine ideology crept into the documents drafted on behalf of the Rus', notably the 911 treaty's expression "your Majesty, who has been instituted by God as a divine creation" (pp. 71, 91–93). One may strongly suspect that such infiltration was deliberate rather than, as Malingoudi supposes, mere forgetfulness on an official's part: "daß er keine Kaiserurkunde herstellte, sondern eine im Auftrag der Russen". Also of great interest is Malingoudi's observation that the identical phrase равно другаго свѣщаньıа бывшаго при … precedes the texts of 911, 944 and 971; and that very similar "labels" (*Etiketten*) precede the texts of ecclesiastical charters or other deeds in Byzantine collections of documents. In other words, the formulation is a Greek one, and it was to be found in the work from which our treaty-texts derive. This Malingoudi takes to be a compilation culled from imperial *Kopialbücher* into which the texts of the Rus'-issued documents (and other incoming works) had been copied at the time when they were received. One may speculate at will as to when such a compilation might have been made – Malingoudi prefers the period 971–1046 – and one may doubt her contention that each text was prefaced in the *Kopialbuch* by historical notices and background notes (p. 82). But her basic point that the compilers of the *Chronicle* relied on copies of the treaties kept in Constantinople is convincing and highly suggestive: seemingly, they did not have access either to the documents issued by the emperor to their princes or to copies of the documents issued in their own princes' names to the Byzantines. This corroborates Malingoudi's thesis that there was not yet an established chancery on the Middle Dnieper, while also suggesting discontinuity in the Rus' keeping of records.

Two reservations must, however, be made. Firstly, this study does not take enough account of the broader historical background. Only fleeting attention is paid to the question of the language which the fifty one Rus' parties to the 944 agreement spoke to the Byzantines, and to each other. Malingoudi hints that this may have been a form of Scandinavian, but does not explore the implications of this possibility or cite relevant works such as C. Müller-Boysen, *Kaufmannsschutz und Handelsrecht im frühmittelalterlichen Nordeuropa* (Neumünster, 1990) or M. Stein-Wilkeshuis, "A Viking-age

BSB

treaty between Constantinople and northern merchants, with its provisions on theft and robbery", *Scando-Slavica*, 37 (1991), 35–47. Moreover, the very number of fifty one suggests that authority may have been more broadly distributed than some phrases in the 944 text imply and than Malingoudi seems to assume. If, as is probable, there was no predetermined "party line" among the notables who sent representatives to Constantinople, there may well have been greater scope for negotiation and bargaining there than Malingoudi recognizes: their role was somewhat different from that of the envoys of the Italian towns. Above all, Malingoudi does not allow for the likelihood that the condition of the tenth-century Rus' was fast-changing. By 971, authority seems to have been vested mainly in the person of Sviatoslav, and even on campaigns he and his associates apparently disposed of fairly sophisticated instruments of government: the *Abschlußurkunde* was sealed "with our seals" (своими печатьми), whereas the 944 *Unterhändlerurkunde* does not provide for Igor' or other princes applying seals to the final act. Change might also be expected between the early and the middle years of the century if, as has recently been argued, the Rus' were then only newly installed on the Middle Dnieper.[1]

This brings us to a more specific point. While stating that she will not go into the question of the 907 expedition's historicity, Malingoudi treats it as a datum in her discussion of the forementioned two documents of 911. Yet one must voice the gravest doubts as to the historicity of any forcible incursion as far as Constantinople in 907. The *Chronicle* of the Logothete, our basic narrative source for the period, was out of sympathy with the regime of Leo VI, and would probably have highlighted a humiliation such as the Rus' exaction of tribute, as it does Leo of Tripoli's sack of Thessalonica.[2] Yet it is wholly silent, as are all other Byzantine sources of the period; in contrast, the attacks of 860 and 941 feature in various sources. The *Primary Chronicle*'s fabulous tale of the Rus' attack with boats on wheels hardly suffices to offset this silence, while the *Nachal'nyy svod* (as relayed in the Novgorod-I Chronicle) relates this and other tales, together with Oleg's alleged exaction of tribute, s.a. 6430 (922).[3] Only upon gaining access to the treaties and other texts did the chroniclers move Oleg's campaign forward to the year 907 and assign a separate expedition of Igor' to 941. There is most probably a core of fact in the tale of Oleg's attack, in that a leader bearing a comparable name

---

1 See *C. Zuckerman* On the date of the Khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus' Oleg and Igor // Revue des études byzantines, 53, 1995, pp. 259–270; *J. Shepard* Constantinople – gateway to the north: the Russians // Constantinople and its Hinterland: Papers from the Twenty-Seventh Spring symposium of Byzantine Studies, Oxford, April 1993 / ed. by Cyril Mango a.o. Aldershot, 1995, pp. 243–260. (Society for the Promotion of Byzantine Studies: Publications Vol. 3).

2 See *С. И. Срезневский* Славянский перевод хроники Симеона Логофита. СПб, 1905, repr. with preface by I. Dučjev. London, 1971, p. 120.

3 Новгородская первая летопись старшего и младщего изводов. Москва, Ленинград, 1950, p. 108.

BSB

seems actually to have participated in the 941 expedition.[4] But the rationale behind the *Primary Chronicle*'s assignation of Oleg's expedition to 907 is left unclear. Malingoudi supposes that "eine objektive *Notitia* der Griechen" recounted the making of an agreement in 907 and Oleg's swearing to observe it; the *Notitia* would have outlined the Rus' attack on Constantinople which prompted this (p. 64, n. 161, p. 76). Malingoudi implies that the *Notitia* was the source for the dating and posits the existence of such *Notitiae* or kindred documents, "wahrscheinlich objektiv und formlos (*sic*) ... in der dritten Person geschrieben" for 944 and 971, too (p. 49, cf. p. 51, n. 103; pp. 80, 98). Yet she does not consider how these hypothetical documents were transmitted to Rus'; one might conjecture that they were contained in the *Kopialbücher* of written agreements, but Malingoudi appears to believe that an account of the word-of-mouth agreement of 907 featured in a separate *Notitia*. In any case, the pieces of data which Malingoudi hypothetically ascribes to *Notitiae* are thin and inconsequential, at best. Thus as Malingoudi acknowledges (p. 49, n. 101), the mention of a church of St. Elijah in Kiev as the spot where the Christian Rus' swore their oaths in 944 is questionable. The composers of the *Primary Chronicle* may simply have misunderstood the mention of a church of St. Elijah in Constantinople in the negotiators' oath and have wrongly placed the church in Kiev. If the *Chronicle*'s composers were ready to perform such bold acts of "creative editing", they could well have sketched in the fairly insubstantial background details which Malingoudi seeks to trace to her *Notitiae*.

And yet the date of 907 for some sort of agreement is unlikely to have been invented out of thin air. As Malingoudi perceives, the *Chronicle* names only two emperors in its account of events in 907, and consistently refers to them in the dual (p. 75, n. 176). This corresponds with actuality, in that the boy-emperor Constantine VII was only crowned co-emperor with Leo VI and Alexander on May 15 908. Rather than postulating a hypothetical document, or series of such documents, one should pay attention to the fragments of text incorporated into the *Chronicle*'s entry for 907. There is no need to surmise that they were detached from the 911 document by a chronicler allegedly unaware that the *Notitia* recounting the agreement of 907 and the 911 document were "zwei Belege *eines einzigen* Vertragsschlusses" (p. 77). They could simply form parts of an imperial deed conferring privileges on those Rus' who might in future bring goods to sell at Constantinople's markets. The fact that the fragments deal with practical matters such as board and lodging for the Rus' would support the view that they represent an opening stage in regular trading relations between the Rus' and the Byzantines. After receiving such a deed Karli and his fellows, now supplemented by others, could have returned four years later to negotiate, and themselves ratify, a bilateral treaty (съвѣщанье). This would have led to the issue of two documents, each having the characteristics of *Abschlußurkunden*. And while the document in the Rus' name preserved more or less completely in the *Chronicle* contains a date corresponding to

---

4 *Zuckerman* On the date, pp. 258–265; *S. Franklin* and *J. Shepard* The Emergence of Rus' 750–1200. London, 1996, pp. 115–117.

BSB

September 911, the earlier privilege might well have contained a date corresponding to the year 907, besides the names of the two emperors in whose names it was issued.

These reservations reflect the diverse approaches which may be taken to the Russo-Byzantine accords. What is not in doubt is the clarity of Malingoudi's analysis. She has shown that the texts which became available to the *Chronicle* (probably in translation) had been copied all at the same time from imperial source-materials. These findings throw light on the early history of Rus', and are a major contribution to the study of Byzantine diplomacy.

Peterhouse, Cambridge, UK J. Shepard

BSB

Jukka Korpela Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach. Jyväskylä, 1995, 296 S. (Studia historica Jyväskyläensia 54)

Absicht des Verfassers ist es, „aus einem prosopographischen Gesichtswinkel die Bevölkerung der Kiever Rus' [bis zum Jahre 1125] zu betrachten" (S. 5): Er hat diese Arbeit in drei Schritten durchgeführt. Der erste Schritt bestand im Sammeln aller Personen, die im Zusammenhang mit der Rus' in den altrussischen, byzantinischen, abendländischen und nahöstlichen Quellen erwähnt werden (S. 3, 5). Aus den so gesammelten 1259 Personen oder Personengruppen und der Betrachtung ihrer Herkunft und ihrer Zugehörigkeit zu einem Volk, Stamm und sozialen Stand versucht der Verfasser dann, ein Bild der Entwicklung der Geseilschaft in der alten Rus' von vorgeschichtlichen Zeiten bis zum Tod des Vladimir Monomach zu entwerfen. In einem dritten Schritt werden die Ergebnisse des ersten und zweiten zusammengefaßt in einer kurzen, nur drei Seiten beanspruchenden Darstellung der Ergebnisse.

Der wichtigste Teil des Buches ist das, was der Verfasser in seinem „ersten Schritt" geleistet hat: die Zusammenstellung einer Liste der Personen und Personengruppen, die in den genannten Quellen „im Zusammenhang mit der Rus'" („in connection with Rus'") bis zum Jahre 1125 genannt werden. Auch räumlich nimmt dieser Teil den meisten Platz im Buch ein: 125 Seiten im Kleindruck bei einem Gesamtumfang von 296 Seiten. 1027 Personen, die in den Quellen namentlich genannt werden, sind in alphabetischer Reihenfolge aufgeführt. Dann folgen „Anonymi", eingeteilt in zwei Gruppen. Die erste besteht aus konkreten Personen, die in einer der Quellen als Individuen genannt und bezeichnet, deren Namen jedoch nicht mitgeteilt werden, wie etwa der „Zauberer", der dem Fürsten Oleg den Tod durch das Pferd vorhersagt (Nr. 1032). Diese 232 Anonymi sind chronologisch geordnet nach dem Zeitpunkt ihres (wirklichen oder angeblichen) Auftretens im Ablauf der Ereignisse, der erwähnte „Zauberer" also unter dem Jahr 912, der „Warägerdiener [sic], der mit seinem Kollegen [sic] den Boris tötet", unter dem Jahr 1015. Die zweite Gruppe der Anonymen (Nr. 1181 bis 1259 der Liste) sind Kollektive: Gesandtschaften, Heeresabteilungen, Gefolgschaften der Fürsten, Kaufleute, Juden, Berufsgenossenschaften usw.

In die Liste aufgenommen ist „every person mentioned in connection with Rus'" (S. 3). Damit meint der Verfasser aber nur *die* Personen, die in Rußland gelebt oder sich mindestens für kürzere oder längere Zeit dort aufgehalten haben, also nicht nur ständige Einwohner des Landes, sondern beispielsweise auch warägische Krieger, die nur vorübergehend hier geweilt haben, oder Gesandte, wie etwa der Deutsche Burkhard, der als Gesandter Heinrichs IV. nach Kiev kam. Sogar der Kardinal Humbert von Silva Candida wird aufgeführt (Nr. 313), der sicherlich niemals in Rußland gewesen ist und überhaupt nichts damit zu tun hatte. Eine gewisse Berechtigung für die Aufnahme dieses Namens liegt immerhin darin, daß es Forscher gegeben hat und sogar noch gibt, die die *civitas Russorum*, die in dem Bericht über die Ereignisse des Juli 1054 genannt wird, mit Kiev identifizieren. Schwach ist allerdings die Begründung, die Korpela gibt: „Der

BSB

Quellentext ist so unklar, daß man daraus wohl auch schließen könnte, daß wenigstens ein Teil der Delegation auch Kiev besucht hätte." Das ist ein wenig überzeugender Kompromiß – entweder alle oder niemand, und da nicht alle, also niemand.

Ein anderes Problem sind die Sagengestalten. Zwar sagt der Verfasser, daß er „vollkommene Märchenfiguren bewußt übergangen" habe (S. 18). Aber Aljoša Popovič und Ragdoj Udaloj sind doch aufgenommen, obwohl sie gewiß nur aus sagenhafter Überlieferung in die Nikonchronik eingedrungen sind. Aber vielleicht schadet es nichts, wenn die Grenzen weit gezogen werden. Es mag besser sein, ein paar Namen zu viel in der Liste zu haben, als einen zu wenig. Aber wenn Aljoša Popovič darin enthalten ist, sollte auch der „Carevič Leon" nicht fehlen, der zwar vielleicht auch sagenhaft ist, aber doch immerhin in einer viel besseren Quelle, als die Nikonchronik es ist, erwähnt wird, nämlich in der Hypatiuschronik unter dem Jahr 1116, wo er sogar als Schwiegersohn des Vladimir Monomach bezeichnet wird.

Ausgelassen ist eine ganze Gruppe von Personen, die auch „in connection with Rus'" in den Quellen genannt werden: nämlich die auswärtigen Herrscher und Hierarchen, die intensive Beziehungen zu Rußland und zu Russen hatten, allen voran die byzantinischen Kaiser Konstantin Porphyrogennetos und Basilius II., aber auch die deutschen Otto der Große und Heinrich IV. sowie Papst Gregor VII. Nur Photios wird genannt – aber warum er, wenn die anderen fehlen? Vielleicht deswegen, weil spätere, wertlose Quellen ihn auch nach Rußland kommen lassen? Aber in dieser Hinsicht ist er doch auch nur eine „vollkommene Märchenfigur"!

Ebenso wie die ausländischen Herrscher und Hierarchen fehlen auch die Verfasser ausländischer Berichte über Rußland – auch in dieser Rubrik wäre an erster Stelle Konstantin Porphyrogennetos zu nennen, aber dann auch die vielen anderen, deren Schriften von Korpela zwar fleißig benutzt werden, die aber selbst nicht in der Liste erscheinen, wie etwa Thietmar von Merseburg, der Gallus Anonymus usw. Sie alle stehen zwar auch „in connection with Rus'", aber da der Verfasser die Namensliste im Hinblick auf eine „Bevölkerungsgeschichte" der Kiever Rus' zusammengestellt hat, kann man die Beschränkung auf die Personen, die tatsächlich im Lande gewesen sind, verstehen.

Nun zum Inhalt der Artikel über die einzelnen Personen. Dem Namen folgt zuerst die Angabe der Quelle, in der dieser zuerst oder hauptsächlich erwähnt wird; dann eine kurze Charakteristik der durch diesen Namen bezeichneten Person nach Lebensdaten, Herkunft, Stand, Lebensgeschichte. Falls die Identität oder die Lebensgeschichte oder beides umstritten ist, werden die verschiedenen Auffassungen kurz skizziert; dabei läßt der Verfasser oft offen, welche der Auffassungen er für die richtige hält, scheut sich aber auch nicht vor eigener Stellungnahme. Diese Angaben zu den einzelnen Personen, zu den Quellen und zur Forschungsliteratur sind wertvoll und man wird künftig bei der Beschäftigung mit der altrussischen Geschichte gern zu diesem Buch greifen und es mit Dankbarkeit benutzen. Bei der Identifizierung der so oft namensgleichen Fürsten leistet es als Orientierungsmittel unschätzbare Hilfe.

Freilich ist nicht zu erwarten, daß in diesen 1259 Artikeln alle Probleme zufriedenstellend dargestellt oder gar gelöst würden. Ich sagte, daß in jedem Einzelartikel

BSB

zunächst die erste Erwähnung der betreffenden Person in einer der Quellen notiert wird. Leider ist dies Prinzip nicht konsequent durchgeführt. So werden zum Beispiel für den „Erzbischof Ioann", der schon in der im 11. Jahrhundert entstandenen Boris-und-Gleb-Vita Nestors erwähnt wird, die *Stepennaja kniga* und die Nikonchronik als Quellen angegeben, die beide als Quellen für das 11. Jahrhundert wertlos sind.

In dem Artikel über Ilarion (Nr. 329) wird als Quelle angegeben „PVL 6559 (1051)". Diese Angabe ist zwar richtig, und die Notiz in der Nestorchronik ist nicht ohne Bedeutung, aber es ist doch nicht die älteste und beste Quelle über Ilarion. Dies ist vielmehr die Nachschrift zu seinem Glaubensbekenntnis und darüber hinaus die Sammlung seiner Werke, bekannt unter dem Titel „Rede vom Gesetz und von der Gnade". Die ungenügende Kenntnis der Quellen und der Literatur über Ilarion läßt denn auch weitere seltsame Behauptungen in den Text des Artikels eingehen. Keine vertrauenswürdige Quelle berichtet, daß Ilarion „zu Beginn des Jahrhunderts in Berestovoe geboren" worden sei. Nicht richtig ist, daß er zuerst „als Eremit in einer Höhle auf einer Insel des Dnepr gelebt" hätte und daß er „somit als ein Gründer des Pečerklosters [sic] betrachtet werden" könne. Die Nikonchronik „deutet" gerade *nicht* „darauf hin, daß seine Einsetzung gegen die kirchlichen Kanones gewesen wäre", sondern sie behauptet im Gegenteil, daß sie *gemäß* diesen Kanones erfolgt sei. – Weiter schreibt Korpela: „Ilarion lernte nach der Forschung aufgrund seiner Teilnahme an einer Gesandtschaft zum französischen Königshof (um 1050) auch Westeuropa kennen." Diesen Ausdruck „nach der Forschung" benutzt Korpela oft und verzichtet dann gern auf die Angabe, um was für eine „Forschung" es sich denn handelt und wo sie zu finden ist. In diesem Fall sind es meine eigenen „Forschungen" in dem Buch „Die Werke des Metropoliten Ilarion" (München 1971); aber ich habe die Frankreichreise Ilarions dort (S. 86) nicht als unanfechtbares Forschungsergebnis dargestellt, sondern vorsichtig als Hypothese formuliert.

In dem bald auf „Ilarion" folgenden Artikel über Ingegerdr (Nr. 336), die zweite Gemahlin Jaroslavs des Weisen, wird der Chronikartikel zu 1050 als Quelle angegeben und dazu gesagt, ihr Name werde hier nicht genannt. Nicht hingewiesen wird auf ihre zeitlich frühere Erwähnung bei Ilarion, wo ihr christlicher Name Irina mitgeteilt wird, der Korpela anscheinend unbekannt ist. Dagegen wird ausführlich über die im Dunkel der Sage verschwimmende Gestalt der Großmutter der Irina/Ingegerdr berichtet, die, wer immer sie auch gewesen sein mag, kaum „in connection with Rus'" gestanden hat.

Noch problematischer ist der schon erwähnte Artikel über den Patriarchen Photios. Die von ihm selbst stammenden sehr wertvollen Quellen über seine Beziehungen zu den Russen und zu Rußland: die Predigten, die er während und nach der Belagerung Konstantinopels durch die Russen im Jahre 860 gehalten hat, und das Rundschreiben an die östlichen Patriarchen aus dem Jahre 867, in dem er über die erste Missionierung der Russen spricht – diese erstrangigen Quellen werden nicht erwähnt, dagegen werden völlig phantastische Fabeleien aus späten russischen Chroniken ausführlich referiert. Mein Buch über die Taufe Rußlands erscheint zwar im Literaturverzeichnis, aber Korpela scheint es kaum benutzt zu haben. Dort sind beide für die russische Geschichte

BSB

so wichtigen Schriften des Photios ausführlich zitiert und interpretiert. Das gleiche gilt für die Nachricht über Bravlin in dem Artikel Nr. 83.

Zu vielen, sehr vielen der biographischen Artikel ließen sich in ähnlicher Weise kritische Bemerkungen machen. Aber die wenigen Beispiele mögen genügen. Wir müssen anerkennen, daß die Namenslisten mit großem Sammlerfleiß zusammengestellt sind und daß zu diesem Zweck eine große Zahl von Quellen und eine umfangreiche Forschungsliteratur durchgearbeitet worden ist. Ein eigenes kritisches Verhältnis zu den Quellen und zu allen Problemen ihrer Deutung ist jedoch nicht erreicht, und es ist bei so weiter Aufgabenstellung auch kaum zu erreichen. Es geht wohl über die Möglichkeiten eines einzelnen Forschers hinaus, eine universale Prosopographie über einen so großen geographischen und zeitlichen, national, sozial und sprachlich höchst differenzierten Raum zu erarbeiten. Aber trotz dieser Mängel sind die Namenslisten überaus nützlich. Ich benutze sie ständig bei meiner Arbeit an der Übersetzung und Kommentierung der Nestorchronik und bin dem Verfasser dankbar für die gewaltige von ihm geleistete Arbeit. Sie sollte anregen zu weiteren Unternehmungen dieser Art, die dann vielleicht in interdisziplinärer und internationaler Zusammenarbeit einer Gruppe von Spezialisten auf breiterer Basis durchgeführt werden müßte. In dem zweiten Hauptteil des Buches (im Buch an erster Stelle stehend, S. 26–119) wertet der Verfasser die prosopographische Liste aus zu einer Darstellung der Entwicklung der nationalen und sozialen Gliederung der Bevölkerung der Kiever Rus' und kommt in der „Zusammenfassung" zu dem Ergebnis, daß die Rus' sich aus einem „multinationalen Personalverbandstaat", dessen „Wir-Gefühl" aus der „Zugehörigkeit zur Gruppe Ruriks" erwuchs, allmählich zu einem Territorialstaat mit fester administrativer Organisation entwickelt hat, der aber weiterhin aus ethnisch sehr heterogenen Gruppen bestand, ohne daß zwischen diesen Gruppen erhebliche Spannungen bestanden hätten. Man wird diesen Ergebnissen im allgemeinen zustimmen können, obwohl auch hier zu manchen Einzelheiten kritische Fragen gestellt werden könnten, etwa zu folgendem Satz: „Letzten Endes handelt es sich [bei der Entstehung des russischen Staates] also wohl bis zum Spätmittelalter um eine ostslavische Nationenbildung, in der die Waräger eine ähnliche Rolle der Initiation wie die Deutschen des „Drangs nach Osten" z.B. bei der Entstehung Polens spielten".

Die deutschsprachige Geschichtswissenschaft muß dem finnischen Verfasser dankbar sein, daß er das Buch in deutscher Sprache veröffentlicht hat. Gewisse sprachliche Mängel hätten vermieden werden können, wenn das Manuskript vor dem Druck von einem deutschsprachigen Lektor durchgesehen worden wäre.

Tübingen Ludolf Müller

BSB

Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpine: Einführung, Text, Übersetzung, Kommentar / Diplomarbeit von *Johannes Gießauf*. Graz, 1995, 266 S., 2 Karten, 1 Stammtafel. (Schriftenreihe des Instituts für Geschichte 6)

Die Begegnung von Orient und Okzident sowie die Entstehung des abendländischen Mongolen- und Asienbildes wurden in den letzten Jahren gleich in mehreren Publikationen thematisiert. Dieser Forschungsgegenstand veranlaßte J. Gießauf zu einer erneuten Beschäftigung mit dem Bericht des päpstlichen Legaten Johannes über seine Reise in die Mongolei in den Jahren 1245–47. Dabei hat er es sich nicht zur Aufgabe gemacht, diesen Text neu zu edieren, sondern die letzte deutsche Übersetzung von Friedrich Risch aus dem Jahre 1930 zu ersetzen, die auf einer Edition von 1838 beruhte. Eine Neuedition auf einer völlig veränderten Handschriftenbasis wurde 1989 von italienischer Seite geleistet. Deren lateinischer Text ist der deutschen Übersetzung vorangestellt (S. 85–123). Die Neuübersetzung rechtfertigt Gießauf damit, daß die Textgrundlage von Risch heute als überholt gelten muß und dieser seinerzeit kaum Zugang zu Quellen orientalischer und fernöstlicher Provenienz hatte, die in der Zwischenzeit in kritischen Editionen vorliegen und in moderne Sprachen übersetzt sind. Auf die ausführliche Kommentierung der Schrift legt Gießauf deshalb seinen zweiten Schwerpunkt (Vorbemerkung). Generell ist festzustellen, daß neusprachliche Ausgaben lateinischer Quellen zur nah- und fernöstlichen Geschichte anscheinend einen höheren Stellenwert haben als Übersetzungen lateinischer Texte zur zentraleuropäischen Geschichte. Offenbar bringt es der Forschungsgegenstand mit sich, daß die Besonderheit der beschriebenen Phänomene durch eine möglichst genaue Übertragung des Textes in die eigene Muttersprache erfaßt werden soll, auch wenn, wie im Fall der Mongolengeschichte des Johannes, das Latein einfach und klar geschrieben ist, die sprachliche Gestaltung des Werkes an sich also keine Verständnisprobleme birgt. Als Besonderheit im Umgang mit diesem und vergleichbaren Texten ist weiterhin anzumerken, daß die Kommentierung in erster Linie auf die sachliche Erläuterung und den Vergleich mit zeitgenössischen Texten gleichen oder ähnlichen Inhalts ausgerichtet ist. Nach sprachlichen Vorbildern wie der Bibel, klassischen und patristischen Autoren wird nicht gesucht oder sie werden im Kommentar nicht vermerkt. Infolgedessen unterbleibt auch die Einordnung des mittelalterlichen Autors nach seiner geistigen Herkunft und seinem Bildungsstand. Dabei müßte gerade dieser Komponente bei der Beurteilung des Aussagewertes der Quelle besondere Aufmerksamkeit geschenkt werden.

Diese grundsätzlichen Erwägungen sollen aber die Leistung Gießaufs nicht herabmindern. Um das Verständnis für die Darlegungen des Johannes zu erleichtern und als Orientierungshilfe für den weniger fachkundigen Leser, gibt Gießauf zunächst einen Abriß der politisch-militärischen Geschichte der Mongolen von Tschinggis-Khan bis zum Ende ihres Westfeldzuges 1242, der ersten kriegerischen Begegnung des europäischen Abendlandes mit diesem fernöstlichen Volk (S. 1–19). Dem Auftauchen der Mongolen, von dem hier vor allem Ungarn betroffen war, stand man zunächst hilf- und tatenlos gegenüber, wie Gießauf mit einer Skizze des Mongolenbildes in der Zeit von

BSB

1219 bis 1245 zeigt (S. 20–34). Aus christlicher Sicht wurden die Mongolen als Geißel Gottes betrachtet, die mit besonderer Wucht auf die sündige Christenheit niederging. Papst Innocenz IV. (1243–54) leitete den Umdenkungsprozeß ein, indem er als scholastisch Gebildeter einen problemorientierten, empirischen Grundansatz für die Erforschung der Mongolen verfolgte. Er veranlaßte das Konzil von Lyon (1245) zur Entsendung von zwei franziskanischen und zwei dominikanischen Legationen. Der Missionseifer dieser beiden jungen Bettelorden und der besondere Gehorsam dem apostolischen Stuhl gegenüber begründeten die Auswahl des Papstes. Gießauf stellt auch die drei anderen Legationen vor (S. 35–43). Die erhaltenen Reiseberichte werden im vierten Kapitel zur Quellenlage nochmals gesondert erwähnt (S. 53–55). Nur von den dominikanischen Gesandtschaften des Andreas von Longjumeau sowie des Ascelin und Simon von Saint-Quentin sind Berichte erhalten, der Franziskaner Lorenz von Portugal hatte seine Legation vermutlich gar nicht angetreten. Kennzeichnend für die Berichte aus dominikanischer Feder wie auch für die *Historia Mongalorum* des Johannes ist die mittelbare Verbreitung zum einen durch die *Chronica maiora* des Matthäus Parisiensis († 1259 ca.), zum anderen durch das *Speculum historiale* des Enzyklopädisten Vincenz von Beauvais († 1264 ca.).

Die insgesamt 20 Quellen bzw. Quellengruppen, die Gießauf in seinem Kommentar häufig zitiert, werden mit den wichtigsten Informationen über ihre Entstehung und Bedeutung genannt (S. 44–72). Konsequenterweise trennt er zwischen den vor 1245 verfaßten Quellen und den parallel sowie nach dem Bericht des Johannes niedergeschriebenen. Eine weitere Einteilung ergibt sich aus der Provenienz der Autoren aus dem Abendland, dem Orient und dem fernen Osten. Mit diesem fast 30 Seiten umfassenden Teil ist zugleich ein Kompendium der wichtigsten Quellen für die Geschichte der Mongolen im 13. und beginnenden 14. Jahrhundert gegeben.

Vor der Übersetzung des Werkes wird Wesentliches zum Autor, seiner Reise und der Quelle mitgeteilt (S. 73–84). Der Franziskaner Johannes (1191–1252) stammte aus dem heutigen Magione (Pian del Carpine) nördlich von Perugia. Für die Verbreitung des Franziskanerordens setzte er sich in Deutschland sowie Spanien ein und war als Leiter der Provinz Saxonia in Böhmen, Ungarn, Polen, Dänemark und Norwegen tätig. Angesichts dieser Biographie erklärt sich leicht, weshalb Innocenz IV. gerade ihn mit dieser bedeutenden Legation betraute. Anders als für die 1245 parallel entsandten Legationen ist für die des Johannes auch das päpstliche Sendschreiben erhalten. Diesem ist jedoch nur ein diplomatischer Auftrag zu entnehmen. Der Bericht des Franziskaners selbst und das von ihm überbrachte Schreiben Güyüks (eines Enkels von Tschinggis-Khan) zeigen, daß er darüber hinaus mit Unionsverhandlungen mit schismatischen Christen betraut war und auch gegenüber den Tartaren missionarisch wirken sollte. Als eigentlichen Zweck der Reise stellt Gießauf aber die genaue Beobachtung und Erforschung der mongolischen Kultur, besonders der Kriegstechnik heraus. Daß allein die Legation des Johannes erfolgreich war, ist seiner eigenen Bereitschaft und der seiner Reisegefährten zu verdanken, trotz größter Strapazen die langen Wege im riesigen Tartarenreich zu überwinden und sich eine größtmögliche Offenheit gegenüber der fremden Kultur zu

BSB

bewahren. Ferner verstand es der Franziskaner, seine Beobachtungen zu strukturieren und in klarer, eindeutiger Sprache mitzuteilen.

Das mit *Historia* überschriebene Werk ist denn auch weniger eine Geschichtserzählung (Kapitel 5 mit einer kurzen Darstellung des Rußlandfeldzugs der Mongolen, der in der Eroberung Kiews am 6. Dezember 1240 gipfelte [5,27]), als ein Forschungsbericht über Sitten, Gewohnheiten und Eigenschaften der Mongolen (Kapitel 1–4) sowie über deren kriegerische Aktionen, Pläne und Fähigkeiten (Kapitel 6–8). Später wurde diesem Bericht noch ein Buch mit dem Itinerar der Gesandtschaft angefügt. Es enthält wertvolle Informationen über mittel- und osteuropäische Gebiete: über Böhmen, Schlesien, Krakau, Kiew und Umland sowie Litauen. Zumindest in diesem Teil ergeben sich aufgrund der erweiterten handschriftlichen Grundlage der Neuedition keine Sinnveränderungen im Text. Es liegen lediglich orthographische Abweichungen bei den Namen vor. Entsprechend gering sind die Differenzen zwischen den beiden deutschen Übersetzungen. Die großen Kapitel sind von den italienischen Editoren aus praktischen Gründen nochmals in Unterkapitel geteilt worden. Johannes selbst hat eine solche Unterteilung allerdings nahe gelegt, indem er zu Beginn jedes Großkapitels genau auflistete, was er im folgenden beschreiben wollte. Damit orientiert er sich nach Auskunft von Felicitas Schmieder, die sich in ihrer 1994 erschienen Dissertation mit dem Mongolenbild des Abendlandes im 13. Jahrhundert befaßt hat, an einem Fragenkatalog Innocenz' IV., den Johannes selbst noch um einige Rubriken erweitert habe. Auch darin drückt sich die Mitteilungsfreude des Legaten über die Erkundung dieser für ihn neuen Welt aus.

Gießauf ist eine korrekte und flüssige Übersetzung gelungen, die den einfachen und präzisen Duktus des Originals beibehält (S. 124–227). Im Vordergrund des ausführlichen Kommentars stehen geographische Erläuterungen und die Erklärung aller Namen und „Fremdwörter" für Gegen- oder Umstände, die dem europäischen Kulturkreis zur Zeit des Johannes unbekannt waren oder eine andere Bedeutung hatten. Gießauf charakterisiert die Kapitel 1–4 und 6–8 zu Recht als bemerkenswert vorurteilsfrei im Gegensatz zu dem noch stark von den Topoi des herkömmlichen Asienbildes geprägten fünften Kapitel (S. 82 f.). Er weist hier selbst auf spätantike und frühmittelalterliche Vorlagen hin, ohne sie im Kommentar nachzuweisen. Die Behandlung der mongolischen Kriegstechnik läßt sich mit dem Herausgeber auf den Nenner eines entschiedenen Plädoyers des Franziskaners für eine streng organisierte Abwehrfront bringen, mit der alleine man der Mongolengefahr Herr werden könne.

Der Legat schildert selbst, daß ihm der zunächst acht Kapitel umfassende Bericht noch vor der Fertigstellung seines Manuskripts aus der Hand gerissen wurde. Die Verbreitung seiner Erlebnisse geschah zunächst auf mündlichem Weg, indem Johannes im Auftrag Innocenz' IV. an den Hof des französischen Königs Ludwig IX. geschickt wurde und selbst, wie von Zeitzeugen berichtet wird, stets gerne dem staunenden Publikum Rede und Antwort stand. Über die schriftliche Rezeption der *Historia* außerhalb des *Speculum historiale* des Vincenz von Beauvais erfahren wir leider nur in Andeutungen, ebenso über die handschriftliche Überlieferung, die neben der Rezeption noch stärker über die regionale Verbreitung Auskunft geben könnte.

BSB

Quellen- und Literaturverzeichnis (S. 229–246), ausführliches Orts- und Personennamenregister (S. 247–266), das eine deutliche Verbesserung gegenüber denjenigen der Edition von 1989 darstellt, eine Karte zum mongolischen Weltreich und eine zum Mongoleneinfall in Ungarn 1241/42 sowie eine Stammtafel der in der *Historia Mongalorum* erwähnten Mitglieder der Familie Tschinggis-Khans (S. 267 ff.) beenden dieses interessante und sehr informative Buch. Ein Wortregister für den Vergleich mit anderen Quellen und für die lexikographische Nutzung wäre wünschenswert gewesen. Dieses Desiderat hätte zwar eher von seiten der italienischen Editoren beseitigt werden müssen, den Übersetzer hätte die Arbeit an einem solchen Register aber zu der klaren Entscheidung gezwungen, ob beispielsweise die Wörter *dux* und *princeps* gleichermaßen mit „Fürst" und „Feldherr/Heerführer" zu übersetzen sind. Den weniger auf dieses Gebiet spezialisierten Historikern steht mit dem Buch von Johannes Gießauf eine kenntnisreiche Einführung zur mongolischen Geschichte sowie zum abendländischen Mongolenbild des 13. Jahrhunderts zur Verfügung. Die Spezialisten werden ihren Gewinn aus dem gründlichen Kommentar ziehen, der auf der Höhe der neuesten Forschung ist.

München Claudia Zey

BSB

Ludwig Steindorff Memoria in Altrußland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart: Steiner, 1994. 294 S. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 38).

"Memoria in Altrußland" is an ambitious attempt to extend to Ancient and Early Modern Russia a branch of research which in recent years has enjoyed some popularity within Medieval and Byzantine studies.

By the term *Memoria* is understood the liturgical commemoration of the dead, creating a liturgical community, which comprises the living as well as the dead. This Steindorff sees as a constant feature of Christianity from the Antiquity to the present, taking different forms at different places in different periods. Forms of *Memoria* are the liturgical mention of a name or the reading of a Life, but also alms and donations in return for which the donator expects future liturgical mentioning of his or dead relatives' names.

Steindorff's explicit aim with his study is to show "daß es in der Geschichte Altrußlands ähnlich wie im hochmittelalterlichen Westeuropa eine Blütezeit monastisch geprägter Memoria mit daran gebundener umfangsreicher Verwaltungsschriftlichkeit gegeben hat".

Ludwig Steindorff has, however, chosen not to limit his book to the study of *Memoria* in Ancient and Early Modern Russia. Judging both from his extensive introduction and the concluding chapter a major goal seems to have been to make a comparative study of the development of *Memoria* in Ancient and Early Modern Russia and Byzantium as well as in Western Europe. This is not reflected in the title which, consequently, is misleading. I think this choice was a mistake. The book would have gained if Steindorff had concentrated on Russia omitting the comparative aspect. The conclusions Steindorff draws on the comparative level are so general and predictable that the comparison hardly seems worthwhile.

This structural flaw in the book is the more regrettable because it is otherwise a pioneering work.

With the Introduction and Conclusion, Steindorff has divided his book into 8 chapters, of which the third and the seventh make up more than half the text.

In the short second chapter Steindorff discusses the expediency of using the Latin term *Memoria* in a Russian context as well as what precisely should be understood by "Altrußland" in terms of chronology. Here, with a view to the available source material, Steindorff has decided on a liberal solution thus including the whole 17th century.

In the large third chapter Steindorff tries to answer questions like, how does Christian and pagan death-cults differ? How is *Memoria* incorporated in the daily, weekly and annual liturgy? This is followed in the fourth chapter by a presentation of how *Memoria* is linked to the individual death: both before actual death, the moment of death, burial, and at certain intervals after death up to the *sorokoust* and multiplications of the *sorokoust*. In the short fifth chapter Steindorff outlines the development of *Memoria* in Byzantium and among the Southern Slavs.

BSB

Only now, more than half way through the book, can Steindorff begin with *Memoria* in Ancient Russia. He divides "Ancient Russia" into two periods, 1) Kievan Rus' and early Muscovy to the end of the 15th century, which he briefly accounts for in his rather sketchy chapter Six; and 2) the 16th and 17th centuries, to which chapter Seven is devoted, comprising more than one third of the whole text.

This periodization is first of all based on the available source material, which on the other hand does seem to indicate changes in the practice of *Memoria* at that time.

This way of structuring the book has resulted in numerous repetitions between chapters Three and Four, and chapter Seven, since it is very much the same sources Steindorff has used first to establish his general picture of Orthodox liturgy linked to *Memoria,* and then again in his detailed account of the development of the practice of *Memoria* in the 16th and 17th centuries.

One reason why Steindorff has chosen this course may have been that he felt it necessary first to determine which elements in the way medieval Russians related to death were part of Orthodox Christianity and which have to be characterized as pagan survivals or parts of a *dvoeverie*, which developed into a syncretic *bytovoe pravoslavie*, existing already in Kievan Rus'.

An objection to Steindorff's treatment in this chapter must be that the picture of the *bytovoe pravoslavie* he creates is a mosaic of evidence scattered over the centuries and collected from all corners of the enormous country, and also to a large extent based on the notes of modern 19th- and 20th-century ethnographers. The unspoken assumption seems to be that *bytovoe pravoslavie* took the same forms in Kievan Rus' as it did in the heyday of practised *Memoria* in the 16th and 17th centuries – and even today.

Steindorff has in my opinion not taken sufficiently into consideration that *bytovoe dvoeverie* – and indeed Orthodox Christianity – among the Slavs over this period was subjected to many different impulses, as new ethnic groups were included in Russia, christianized and russified. That Steindorff is not quite familiar with this aspect is disclosed when, in his discussion of a chapter of the *Stoglav,* which forbids indulging in practices "wie die Magier im Lande der Čuden", he finds it necessary to inform the reader that "Čuden. Noch kaum christianisierte finnischstämmige Bevölkerung Estlands." (p. 59, n. 168). Steindorff seems not to be aware that Russia had its own Chud' population in the region from the Livonian border to the Northern Dvina and that Russian church authorities precisely at that time worried about pagan survivals among these Chud', which none knew better than Metropolitan Makarij who had initiated investigations into these practices when he was still Archbishop in Novgorod.

Finding the "Praxis der Memoria" already firmly rooted in Kievan Rus' and Early Muscovy, Steindorff observes that the organization of *Memoria* in the churches and monasteries, at that time, still not allowed the mentioning of large numbers of names in the liturgical cycles. That only happened with the rise of large and rich monasteries like Troitse-Sergiev, Kirillo-Belozerskii and Volokolamskii; and Steindorff rather convincingly links this rise with the culmination in the practice of *Memoria*, which almost became a whole industry.

BSB

Steindorff's main source for how the practice of *Memoria* developed and was organized in detail is a correspondence between Iosif Volotskii and Princess Maria Golenina which shows the haggling between Iosif and the Princess over the value of her donation in terms of how much *Memoria* she could get for it. It is fascinating to read Iosif's explaining to the Princess how the high price demanded depended on the higher expenditure the monastery had. The price that Iosif expected from the aristocrats was, he explained, graded after their ability.

From Steindorff's study we learn how this whole system was organized in detail. How many readings – aloud as well as quiet – during the liturgy the donation of an estate could buy. How the monastery kept check of both its donations and its duties to the donators by establishing various types of books like *vkladnye*, *kormovye*, *poruchnye* and *zhivye knigi* etc., in addition to the different types of *sinodiki*. These, some of the most important sources of the period, seem therefore to be closely linked to the practice of *Memoria*.

The possibility of saving one's soul by donations to monasteries or by entering a monastery in order to partake in the *Memoria* was, of course, reserved to the nobility or the wealthy, as it had been in Byzantium according to Steindorff. However, Steindorff quotes Iosif's words to the Princess, "An die Armen stellt Gott keine Forderungen", and he seems to interpret this statement as evidence that poor people could partake in the *Memoria*. That, however, seems doubtful. There is hardly any evidence that poor people without means to give were included in any of the known *sinodiki*, even in such "democratic" monasteries as Valaam.[1]

Based on other statements by Iosif Volotskii, Steindorff even argues that "Das Totengedenken" was the most important function of the monasteries, and he assures us against Zimin and others that the system he has observed in the Volokolamsk Monastery was in general use and points to evidence from Kirillo-Belozerskii, Troitse-Sergiev and Simonov Monasteries. These monasteries were, however, both the largest and probably the most prestigious monasteries, which could attract the nobles, not least those approaching old age. But was the system as common in poorer monasteries? Furthermore, all the monasteries Steindorff has studied belonged to the Iosifliane, where the function of *Memoria* may have been a very important aspect and maybe the foundation of their richness, but – dominating as they were on the political scene – these monasteries were perhaps not as dominating a force in Russian spirituality. In Steindorff's study, monasteries belonging to the *nestiazhateli* are hardly mentioned at all. Neither are there any indications of how the spiritual leaders of that movement looked upon this industry of *Memoria*.

---

1 Democratic because it was strictly forbidden to ask big donations from those entering the monastery, cf. *Н.А. Охотина-Линд* «Сказание о Валаамском монастыре». Спб., 1996, p. 170–172, and the *sinodiki*, p. 209–228.

BSB

According to Steindorff the practice of *Memoria* started to abate already in the late 17th century, although only the reforms of Peter I and the secularization under Ekaterina II removed the foundations of the *Memoria*.

Steindorff's study is a pioneering work. It has its weakness – the reader of the early chapters may doubt his overall knowledge of medieval Russian history prior to the 16th and 17th centuries,[2] but his study offers a number of new insights both into Russian spirituality and to the origin of a number of basic sources of the period, which we will henceforth have to take into consideration.

No doubt this study will serve as a stimulus to further research in this field, and one must hope that it will – at least in part – be made available to Russian scholars.

København

John H. Lind

2 Steindorff seems rather unfamiliar with the chronicle genre (cf. his discussion p. 146) and his reference (p. 51) to "der 1401 verfaßte Ustav des Höhlenkloster von Serpuchov", which had hardly anything to do with that Monastery, shows that he is not quite up to date with scholarship on that period. It is also unsatisfactory that Steindorff in several cases has detailed discussions with other scholars on interpretations of the medieval Russian texts he quotes, but since his quotations are only given in German translation it is difficult for the reader to assess the validity of the points he makes on the basis of grammatical observations.

Я.С. Лурье Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.

In the first articles he ever wrote, Ia. S. Lur'e discussed issues of the study of fifteenth-century chronicles.[1] Over the years, he published numerous articles and an earlier book on chronicle writing and filiations.[2] In addition, he published extensively on the polemics of the fifteenth and sixteenth centuries,[3] on the tales of Dracula,[4] and edited or coedited several volumes of Rus'ian texts.[5] He also had a passionate interest in more recent Russian literature and published studies of the writings of Leo Tolstoi, Il'f and Petrov, and M.A. Bulgakov.[6] Lur'e was also vitally concerned with the methodological side of historical study and published not a few articles on this subject as well.

In "Dve istorii Rusi", Lur'e discussed two related research problems. The first is the use of texts as evidence, in the sense that their testimony can serve as a basis for establishing concrete facts and groups of facts. The second is the use of texts as "relics of the past", in the sense that one draws out the point of view of the author and the time in which the source was written. He did not discuss a third possibility, that is the use of texts as exemplar stories that provide moral and cautionary tales for edification – how the story speaks to us personally.

According to Lur'e, two kinds of chronicles exist that provide information about fifteenth-century Rus': official and unofficial. The unofficial chronicles include the Simeonov, Nikanor, Vologda-Perm', Ermolin, and the late fifteenth-century *svody*

---

1 Роль Твери в создании Русского национального государства // УчЗап ЛГУ, № 36, 1939, pp. 85–109; and Из истории политической борьбы при Иване III // УчЗап ЛГУ, № 80, 1941, pp. 75–92.

2 Общерусские летописи XIV–XV вв. Ленинград, 1976. He also served as senior editor for the bibliography of Russian chronicles compiled by Dmitrieva: *Р.П. Дмитриева* Библиография русского летописания. Москва, 1962.

3 Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. Москва, 1960; Русские современники возрождения. Книгописец Ефросин, дьяк Федор Курицын. Москва, 1988; and numerous articles.

4 Повесть о Дракуле. Ленинград, 1964.

5 Послания Ивана Грозного / под. ред. В.П. Адриановой-Перец. Москва, 1951; Антифеодальные еретические движения на Руси XIV– начала XVI века / Н.А. Казакова и Я.С. Лурье. Москва, 1955; Послания Иосифа Волоцкого. Москва, 1959; Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / изд. подг. М.Н. Ботвинник и др. Ленинград, 1965; Стефанит и Ихнила: Средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII веков / изд. подготовили О.П. Лихачева и др. Ленинград, 1969; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я.С. Лурье. Ленинград, 1979; and Хожение за три моря Афанасия Никитина / изд. подгот. Я.С. Лурье. Ленинград, 1986.

6 В краю непуганных идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. Париж, 1983; После Льва Толстого: Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. Спб.: Буланин, 1993; and: Mikhail Bulgakov Between Mark Twain and Lev Tolstoy // RR, 50, 1991, pp. 203–210.

BSB

(compilations). The official chronicles replaced the unofficial chronicles by the end of the 1480's, and include the Nikon and Voskresenskaia.

Lur'e pointed out that, for the earlier period, that is before the late fourteenth century, N.K. Karamzin, in his "Istoriia gosudarstva Rossiiskogo," avoided using the sixteenth-century chronicle compilations. Instead he relied primarily upon the Trinity Chronicle, which reliance Lur'e commended. But for the late fourteenth and fifteenth centuries, Karamzin based his history primarily on the official chronicles of the sixteenth century. Lur'e wrote that he did not want to polemicize with Karamzin, but he thinks our understanding of the fifteenth century can be improved by utilizing (and preferring) the unofficial chronicles as they have come down to us.

Lur'e also commended A.A. Shakhmatov's use, whenever he could, of the unofficial chronicles but pointed out that Shakhmatov had no influence on subsequent historiographical practice in this regard. He criticized, however, those like V.N. Tatishchev, S.M. Solov'ev, and George Vernadsky who used the official chronicles. The strong pro-Muscovite political bias of those chronicles is thus displayed in the work of these and other historians. Lur'e saw such use of the official chronicles as evidence of what Priselkov called the "consumer approach" to the sources, that is indiscriminately using as evidence the testimony of any source.

Lur'e focussed on the chronicles' treatment of five cases to show how the unofficial chronicles provide a better, more accurate rendition: (1) the battle of Kulikovo Pole in 1380; (2) the reign of Vasilii I (1389–1425), including the annexation of Nizhnii Novgorod (1392) and Edigei's attack (1408); (3) the civil war of the second quarter of the fifteenth century; (4) the annexation of Novgorod in the 1470's; and (5) the so-called liberation from the sovereignty of the Horde in 1480.

In his analysis of the Kulikovo battle, Lur'e raises several textual issues that include dating the various accounts and narratives, the relationship of these works to each other, and how far one can backdate the various chronicle accounts by creating hypothetical *svody*. To understand Lur'e's position better, we need to understand the general text-critical controversy on this issue. The consensus view is that the *Skazanie o Mamaevom poboishche* derives from the Short Chronicle Redaction. In the early twentieth century, the prevailing view was that the Short Chronicle Redaction represented an abbreviated version of the Long Chronicle Redaction and thus derived from it. Accordingly, the Long Chronicle Redaction was composed shortly after the battle, around 1381–1382, and appeared first in the *svod* of 1448 while the Short Chronicle Redaction was composed later but included in the *svod* of 1408. The difficulty was to explain how the earlier work showed up first in the later compilation, and the later work in the earlier compilation. One way to resolve the difficulty was to reverse the order of relationship between the Long Chronicle Redaction and the Short Chronicle Redaction, which is what Shakhmatov did. Although Shakhmatov concluded that the Novgorod I Chronicle account was composed between 1453 and 1462, that is after the *svod* of 1448, he argued

BSB

that it derived from an earlier *svod*, the hypothetical Polichron of 1423.[7] The Short Chronicle Redaction, which represented the *svod* of 1425, in turn, derived from it and was expanded into the Long Chronicle Redaction in 1448.[8]

Lur'e proposed that we would do better to disregard the notion of intermediate Muscovite *svody* between 1412 and 1448. Thus, in Lur'e's scheme, the Short Chronicle Redaction, which is found in the *Rogozhskii letopisets* and the Simeonov Chronicle, derives from the *svod* of 1412. The Long Chronicle Redaction, which is found in the Sofiiskaia I and Novgorod IV Chronicles, derives from the *svod* of 1448. His contention has met with opposition, but his conclusions lent support to the textual studies of those like M.A. Salmina who also argued that the Short Chronicle Redaction is primary in relation to the Long Chronicle Redaction.

Salmina further argued that these narratives of the Kulikovo cycle, which include the Expanded Chronicle Tale, the Life of Dmitrii Donskoi, the *Zadonshchina*, and the *Skazanie o Mamaevom poboishche*, must be dated no earlier than the 1440's.[9] I can agree with Salmina's conclusions for reasons both of textual criticism and of the anti-Tatar expressions in these texts, but I find no compelling reason to associate the Short Chronicle Redaction with the *svod* of 1412, as Lur'e proposed. We have no indication from Priselkov's reconstruction of the Trinity Chronicle what its account contained, because Priselkov's source, Karamzin's history, was silent about its account of the 1380 battle.[10] A possible explanation for Karamzin's silence is that the Trinity Chronicle contained no more information than is contained in the Suzdal' Chronicle. And the Suzdal' Chronicle account has nothing of an anti-Tatar bias about it, only a straightforward, brief description. Indeed, there is no compelling reason to associate the Long Chronicle Redaction with the *svod* of 1448, or even conclude there was a *svod* of 1448.

Few rules apply in textology in regard to manufacturing svody. One can assign a hypothetical *svod* to the last entry date of a particular chronicle or even before that last entry date, but in no case after the date of the chronicle itself. Other than that,

---

7 *А.А. Шахматов* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. Москва, 1938, p. 171.

8 *А.А. Шахматов* Отзыв о сочинении С.К. Шамбиного "Повести о Мамаевом побоище". СПб., 1910, pp. 122–123, 132–137.

9 *М.А. Салмина* Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ, т. 25, 1970, pp. 81–104; *М.А. Салмина* К вопросу о датировке "Сказание о Мамаевом побоище" // ТОДРЛ, т. 29, 1974, pp. 98–124; *М.А. Салмина* Еще раз о датировке "Летописной повести" о Куликовской битве // ТОДРЛ, т. 32, 1977, pp. 3–39. See also *Ja. Pelenski* The Origins of the Official Muscovite Claims to the "Kievan Inheritance" // HUS, 1, 1977, p. 51; *Ja. Pelenski* The Emergence of the Muscovite Claims to the Byzantine-Kievan "Imperial Inheritance" // HUS (=Okeanos: Essays Presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students), 7, 1983, p. 521; *В.А. Кучкин* Победа на Куликовом поле // ВИ, 1980, № 8, p. 7; *Ch. J. Halperin* The Russian Land and the Russian Tsar: The Emergence of Muscovite Ideology, 1380–1408 // FOG, 23, 1976, pp. 7–103; and *Я.С. Лурье* О путях доказательства при анализе источников // ВИ, 1985, № 5, pp. 64–65.

10 *М.Д. Приселков* Троицкая летопись: Реконструкция текста. Москва, 1950, p. 419, fn. 1.

BSB

textologists pretty much make up the rules as they go along. For example, after arguing for the existence of the *svod* of 1448, Shakhmatov changed his mind on the basis of a personal letter he received from A.V. Markov. Shakhmatov then argued that the *svod* of 1448 was really a *svod* of the 1430's. And, as pointed out above, Shakhmatov was able to backdate the description of the Kulikovo battle in the Novgorod I Chronicle to 1423 by creating a hypothetical *svod* (Polichron) for that date. Lur'e attempted to reestablish the validity of the *svod* of 1448, but then treated this hypothetical construct as equivalent to an extant chronicle. Thus, while I accept Lur'e's observations on the relationships of the chronicles, I cannot accept his assertions that, for the description of the Kulikovo battle, the common source of the *Rogozhskii letopisets* and the Simeonov Chronicle dates to 1412, or that the common source of the Sofiiskaia I and Novgorod IV Chronicles dates to 1448.

I have gone into some detail on this matter here because it also affects our understanding of Lur'e's treatment of the next two cases, the reign of Vasilii I and the civil war of the 1430's and 1440's. Lur'e argued that the *svod* of 1412 in regard to the reign of Vasilii I and the svod of 1448 in regard to the civil war propounded the ideas of centralization. He asserted that the *svod* of 1448 developed "the Russian idea" of the *svod* of 1412 (especially noticeable in the description of Edigei's attack in 1408). Lur'e believed that the *svod* of 1448 was compiled in the metropolitan's court, which at that time moved around from Moscow to Smolensk, Novgorod, and Pskov. That moving around presumably accounts for its call to the Rus' princes to unite. Also, according to Lur'e, this explains the first appearance in the chronicles of detailed accounts of Batu's attack, the Battle of Kulikovo, and of Dmitrii Donskoi. The idea was to preserve the autonomy of the Rus' princes within the unity of a separate Russian lands. This concept, in Lur'e's view, had considerable influence on subsequent chronicles.

Instead of representing views of the early and mid-fifteenth century chroniclers, the centralizing idea represents, in my opinion, the views of late fifteenth-century chroniclers, the time to which these chronicles date. To be sure, the late fifteenth-century chroniclers used entries from earlier chronicles, but the message of unity and centralization is a later varnishing of these accounts. I may disagree with Lur'e on the time when the varnish was applied, but I am in complete agreement with him that we must get beyond the varnish if we are to use these chronicles as evidence for the events they describe.

In regard to the period of the civil war, Lur'e pointed out that historians have accepted the proposition that Vasilii II relied to a considerable extent on the help of Ulug Mehmed. This Tatar Chingizid had been khan of the Qipchaq Khanate but had been ousted from power. During the late 1440's, he established the Kazan' Khanate and installed his son Mahmeduk as khan. Although Ulug Mehmed captured Vasilii II at the Battle of Suzdal' in 1445 and held him for ransom, he then assisted him to regain the grand princely throne from Dmitrii Shemiaka. Lur'e rejected the assertion of some historians that Vasilii relied on the support of the urban population to regain the throne.

Dmitrii Shemiaka and Iurii Galitskii, both of whom contested the grand princely throne with Vasilii, cannot, in Lur'e's view, be considered representatives of the national

BSB

idea and the struggle for centralization. Indeed, according to Lur'e, the idea of centralization was not in the programs of the rival princes. He claimed that it is found only in the Russian *svod* of the first half of the fifteenth century (i.e., the *svod* of 1448) that was compiled in the years of the civil war. The compiler of the 1448 *svod* calls on "brother princes to unite."

Once again, while I acknowledge and agree with Lur'e's observations and reporting of the evidence, I have a different interpretation of the dating of the hypothetical source antecedents. I would place this "Russian idea" later in the fifteenth century and attribute to the 1480's what Lur'e attributes to the 1440's.

As for Lur'e's conclusions regarding his last two cases, the taking of Novgorod in the 1470's and the events surrounding the "Stand on the Ugra" in 1480, my reservations about his backdating of sources to hypothetical *svody* obviously no longer applies since I am in agreement with him here about the dates of our written evidence. But on the 1480 case, I find myself in disagreement with his treatment on three points. First, I do not accept the idea that there were "grand-princely" chronicles and *svody* in contrast to "metropolitan" chronicles and *svody*. All the chronicles, in my view, are Church sources in that they were compiled in monasteries and reflected the views of the Church. Second, the placing of the blame for Ivan III's non-action at the Ugra River on "blood-sucking" advisors is not a ploy of the Typography chronicler, as Lur'e claims, but a topos of Eastern Church political theory. And third, the "Stand on the Ugra" does not represent the liberation of Muscovy from the Tatar Yoke as Lur'e would have it. Instead, that interpretation of the events of 1480 belongs to later official chronicles of the sixteenth century, the very chronicles that Lur'e had warned us against. In 1480, the Church was critical of Ivan's timidity in the face of Ahmed and his army. This criticism is obvious in the letter that the Archbishop of Rostov Vassian Rylo wrote to Ivan III at the time. Later, in the sixteenth century, the offical chroniclers rewrote the Church's interpretation to make the encounter on the Ugra River appear to be a decisive act, one of history's main turning points. But they left Rylo's criticism in the chronicles as a warning to future grand princes and tsars not to be hesitant in taking action against the Tatars. But these disagreements of mine are mainly matters of interpretation.

Ia.S. Lur'e, through his carefully researched articles and books, was one of my teachers in the art of research and the science of historical study. In going over his work, one can only view with awe what he was able to accomplish in chronicle studies alone, not to mention his many other outstanding contributions to historical study of the fifteenth and sixteenth centuries. I will miss him and his additions to our knowledge. But instead of writing merely a panegyric of his last book, I felt it more appropriate to his legacy to write a review that not only praises his work but also raises questions for other researchers to ponder, in order thereby to continue his work. I am a bit concerned, though, that, with Lur'e's passing, we may have reached the end of an era when spectacular progress was made in the study of Rus' chronicles. The twenty-first century begins to loom as a potential dark age in that study. Are the future Lur'es, Shakhmatovs, Priselkovs, Nasonovs, and Buganovs out there? Or is this it for a long while?

BSB

One possible way to encourage study of Rus' chronicles might be to establish a website on the Internet. With already exisiting technology in computer graphics, we could create three-dimensional images of chronicle filiations based on Lur'e's more than 50 years of research on them. It is clear from Lur'e's two-dimensional diagrams in this book as well as in "Obshcherusskie letopisi" and in his articles that he had reached the limit of accurate representation using only lines and circles. Some time ago, G.M. Prokhorov proposed depicting chronicle relationships three-dimensionally using "tubes" instead of circles to represent the chronicles.[11] We can now implement Prokhorov's idea in a stunning visual form. At the time, I had objected to Prokhorov's suggestion that we do away with the hypothetical *svody* in such a visual graphic. I still think we should keep the *svody* but not assign them specific dates as such. The beauty, however, of computer graphics is we could represent all recommended possibilites: no *svody*, *svody* with dates, and *svody* without dates, each of which could be brought up on the screen with the touch of a computer key or mouse. If some enterprising student of the chronicles who is also an amateur hacker would undertake the task, I would propose that we name it the Ia.S. Lur'e website in honor of the scholar who has given us so much.

Harvard University

Donald Ostrowski

11 *Г. М. Прохоров* Летописные подборки рукописи ГПБ, ф. IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ, т. 32, 1977, pp. 195–196.

BSB

Иероним Граля Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. Москва: Радикс, 1994, 520 с.

Die in russischer Sprache erschienene Arbeit ist in sich schon ein Zeichen der neuen Zeit. Der Autor hat offenbar so in den Archiven arbeiten können, wie man sich das als Historiker wünscht, und auch Zugang zur wesentlichen westlichen Literatur gefunden, so daß dies wohl für lange Zeit ein Standardwerk bleiben wird, für alle, die sich mit dem Rußland der Zeit Ivans IV. beschäftigen. Ziel der Arbeit ist es, eine Biographie und gleichzeitig Geschichte Moscoviens der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts zu schreiben, und zwar so, daß das Schicksal des Helden eher in den Hintergrund hinter der allgemeinen politischen oder Geistesgeschichte der Zeit gerät. Grala versteht sich hier selbst methodisch als Pionier, doch läßt sich kaum anders verfahren, wenn man die eher dürftige Quellenlage für die Epoche des schrecklichen Zaren in Rechnung stellt, wie ich selbst in meiner von Grala offenbar nicht gelesenen Kurbskij-Biographie durchexerziert habe. Viskovatyj ist in der Tat eine der wenigen Persönlichkeiten, über die, vom Zaren selbst abgesehen, in diplomatischen Papieren, Ausländerberichten und in kirchlichen Wirtschaftsakten ausreichend Nachrichten vorliegen, damit der Versuch einer Monographie gewagt werden kann.

Nicht nur Spezialisten für russische Diplomatiegeschichte sollten aber die Monographie zur Kenntnis nehmen, sondern man erfährt hier auch Details zur Sphragistik (russ. Staatssiegel). Darüber hinaus befaßt sich Grala auch mit der Mission des Mönchs Isaija von Kamenec in Moscovien.

Man lernt bei Grala grundsätzlich Neues. Die sorgfältige Analyse der versprengten Nachrichten über die Familie Viskovatyj und deren Besitz führt zu dem Schluß, daß der künftige Leiter der russischen Außenpolitik aus der Schicht der *deti bojarskie,* vermutlich aus der Umgebung von Borovsk, stammt. Grala weist nach, daß dieser soziale Hintergrund in der Zeit Ivans IV. für die D'jaken typisch war, daß es ganze Dynastien von D'jaken mit gleichem adligen Hintergrund aus der unmittelbaren Nachbarschaft der Hauptstadt und aus dem Gebiet Perejaslavl' gegeben hat, daß im 16. Jahrhundert D'jaken nicht die Schicht von Aufsteigern aus dem Volk, aus der Schicht der einfachen Popen, gewesen sind, für die man sie in der Forschung wegen arroganter Äußerungen etwa Kurbskijs häufig gehalten hat, sondern daß der mehr oder weniger rein bürokratische Dienst in der Verwaltung des Großfürsten eine akzeptable Alternative zum üblichen Dienst eines Adligen als Militär mit gelegentlichen zivilen Aufgaben gewesen sein muß. Heruntergekommen ist der Stand der D'jaken sozial also offenbar erst später, nach Ivan IV., als Folge der sozialen Katastrophen. Das alte Denkmodell, der Stand der D'iaken habe sich in seiner Ehre erst im 17. Jahrhundert mühsam an den Adel angenähert, die Träger der Verwaltung an der Spitze des Staates seien nach und nach, und nicht ohne Rückschläge, zu einer homogenen Schicht zusammen gewachsen, sollte wohl

BSB

modifiziert werden[1]. Wir stehen hier also vor einem Auf und Ab in der Entwicklung des Standes, nicht vor einem mehr oder weniger geradlinigen gesellschaftlichen Aufstieg der Fachleute in der Bürokratie in die Spitzen der Gesellschaft. Gerade in diesem Zusammenhang drängt sich m. E. die Frage auf, wie weit der Verfasser sein Begriffsinstrumentarium hinterfragt hat, sich systematisch gezwungen hat, für moderne Menschen scheinbar Normales als historisch Zufälliges zu begreifen. Das gilt speziell für die Rolle der Frau. Grala wagt aus den relativ häufigen Ehen zwischen Töchtern prominenter D'jaken und männlichen Mitgliedern alter fürstlicher oder bojarischer Geschlechter, selbst angeheirateten Verwandten des Zaren, den Rückschluß auf eine hohe Stellung solcher D'jaken in der gesellschaftlichen Hierarchie (S. 26). Denkt man an Viskovatyjs Besitz, den er sich bis zu seinem Sturz selbst verdient hat – er dürfte vermutlich vermögender gewesen sein als der Bojar Fürst Kurbskij –, so stellten die D'jaken nichts anderes als reiche Bräute, eine große Mitgift, also ein Mittel zur Sanierung der fürstlichen oder bojarischen Finanzen – damit nichts anderes als etwa reiche Jüdinnen im europäischen Adel späterer Zeiten. War damit dort der Antisemitismus eliminiert, der Jude gesellschaftlich voll integriert? Wie ich an anderer Stelle versucht habe nachzuweisen, war der Stand der Ehefrau eines Großen in Moscovien rechtlich offenbar nicht von ausschlaggebender Bedeutung[2], umso wichtiger dann wohl der finanzielle Aspekt. Gesellschaftliche Akzeptanz der D'jaken als Stand durch die Elite bedeutet das m. E. nicht.

Gelegentlich hätte die Rezensentin sich eine differenziertere Beurteilung bestimmter Vorgänge gewünscht. Der Sturz des Viskovatyj in zwei Raten erklärt sich für Grala aus Machtkämpfen zwischen bestimmten, mehr postulierten als aus den Quellen deutlich erkennbaren Klientelen, also politisch. Überhaupt nicht eingegangen wird auf ein völlig unpolitisches Problem, die Psyche des Zaren. Ließ der homosexuelle Ivan einen Liebling fallen, der sich über einen außenpolitischen Erfolg in Dänemark vorübergehend noch einmal hocharbeiten konnte? Die gesuchte Grausamkeit der Hinrichtung könnte so etwas andeuten. Grala weist jedenfalls nach, daß die Vorwürfe der Anklage sachlich nicht zu halten waren. Unklar bleibt in der Arbeit leider – fehlen tatsächlich jegliche Quellen? – was den D'jaken zum Spezialisten für Diplomatie gemacht hat. Orientalische und/oder griechische oder lateinische Sprachkenntnisse? Deutet die Übereinstimmung von Viskovatyjs theologischen Lehrmeinungen mit denen Maksim Greks und Dmitrij Gerasimovs in der Ikonendiskussion an, daß Viskovatyj zur Schule des gelehrten Griechen oder zu dessen Entourage gehört hat, daß er vielleicht doch Latein gelernt hatte? Von Gerasimov, der fließend Deutsch und Latein beherrschte, berichtet Possevino längst nach Viskovatyjs Ende, er sei der einzige Mann in der Duma, der diese Sprachen verstände. Grala prüft nicht, ob das ständige Beiziehen von Dolmet-

---

1 So noch *I. Auerbach* Der Begriff „Adel" im Rußland des 16. Jahrhunderts // Cahiers du Monde russe et soviétique, 24, 1993, S. 82/3, nach *Н.Ф. Демидова* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. Москва, 1887.

2 *Auerbach* Begriff „Adel", S. 74 f.

BSB

schern durch den Helden seines Buches nicht nur aus Prestigegründen erfolgte; ob deren Vorgesetzter nicht fähig sein mußte, die Qualität von Übersetzungen zu kontrollieren. (Aus ähnlichen Gründen schrieb Kurbskij nicht selbst, auch wenn er las, wenn dies juristische Folge haben konnte.) Welche Spezialkenntnisse haben Viskovatyj zum Kanzler für die diplomatischen Beziehungen mit dem lateinischen Westen gemacht? (S. 277) Warum wurde Viskovatyj wohl sonst gegen den Brauch zu Beginn seiner Karriere, noch als *Podd'jačij*, Anfang 1549 zu Verhandlungen mit den Nogajern zugezogen? Für Grala steht fest, daß es „keine Basis für die These einer Kenntnis von Fremdsprachen gibt" (S. 419). Die Rezensentin wagt Zweifel. Warum empfahl sich sonst für den Zaren eine Spezialisierung des Dieners für einen Einsatz in diplomatischen Geschäften, die schließlich zur Materientrennung innerhalb der Geschäfte des *Bol'šoj dvorec* zugunsten des einen Mannes noch im Rang eines *Podd'jačij*, zur Schaffung des Postens eines *posol'skij d'jak* und schließlich einer eigenen Behörde geführt haben? Hier überzeugt mich die Suche nach einem genauen Gründungstermin der Behörde nicht (S. 70 ff.). Kann es sich nicht auch um einen längeren Prozeß gehandelt haben, ein Herauswachsen aus dem typischen Geschäftsbereich *Dvorec* und eine Annäherung Viskovatyjs an die Kasse (*Kazna*) mit gelegentlicher Übernahme von deren fiskalischen oder juristischen Funktionen, die Ausgliederung von dort lästigen Arbeitsbereichen (Archiv, Bibliothek), um ein eigenes Ressort zu konstruieren, um eine gewisse persönliche Unabhängigkeit von direkten Vorgesetzten und Zugang zu eigenen Finanzquellen für die erwünschte neue Institution, sein Außenamt, zu gewinnen (vgl. für diese These etwa S. 79 f.)? Oder wies der Zar nur von Fall zu Fall Aufgaben zu, auch „sachfremde", wenn der Arbeitsanfall an einer Stelle zu groß wurde? Oder bedeutete die Schaffung eines Posten für einen Spezialisten für Auswärtige Angelegenheiten – nach modernen Begriffen – so etwas wie eine Versetzung in eine andere Behörde, da dort eine neue Abteilung geschaffen wurde? Es gibt Schwierigkeiten, Viskovatyjs „zivile" Tätigkeit im „Kassenressort" bei der Revision von Klostergütern (1551) (S. 82 f.) oder später Mitte der 50er Jahre zu deuten, zumal die Ausgliederung der *Posol'skaja cetvert'* aus dem Kassengut als der Finanzbasis des *Posol'skij prikaz* in einem längeren Prozeß stattgefunden zu haben scheint (S. 236 f.). Ein Buch, das zum Mitdenken anregt, ist ein für die Forschung wertvolles Buch. Und ein solches ist dasjenige Gralas.

Marburg/Lahn

Inge Auerbach

BSB

Ю. М. Эскин Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. Москва: Хронографический центр, 1994. (Справочники по русской истории Т. 1)

Man möchte als Spezialist für die ältere russische Geschichte ausrufen: „Endlich ist so ein Findmittel da!“ Eskin hat allen an russischer Sozial- oder politischer Geschichte Interessierten das fehlende Nachschlagewerk bereitgestellt, um alle Vermutungen über mögliche Klientelen auf eine solidere Basis zu stellen. Wir wissen vermutlich nun alles über massive politische Feindschaften, was aus den Quellen belegbar ist. Eine Lücke bleibt, die *Mestničeskie spravočniki*, die, nach Familien geordnet, Vorfälle auflisten, in denen die eine Partei kommentarlos eine degradierende Stellung hinnahm, wurden nicht beigezogen, ebenso andere Hinweise auf mögliche, aber nicht durchgefochtene Rangstreitigkeiten. (Gedruckt ist hier nur ein Beispiel einer der beiden vorhandenen Redaktionen des Textes dieses *Spravočnik*.) Für das chronologisch angeordnete Verzeichnis mit einem Personen- und Sachindex wurden neben Notizen in den *Razrjadnye knigi* und Archivbeschreibungen vor allem auch Originale, ganze Prozesse, aber auch nur Notizen oder Fragmente aus unterschiedlichen Prikazen verwertet. Wenn der Sieger bekannt ist, ist er gekennzeichnet. Der Inhalt der Streitigkeiten wird nicht angegeben, denn was wir hier vor uns haben, ist ein archivisches Findbuch. Ėskin schildert ausführlich, in welcher archäografischen Tradition seine Arbeit steht, wie oft schon versucht wurde, Licht in das Dunkel der *Mestničestvo*-Streitigkeiten zu bringen. Der Verfasser weiß, daß sein Band auch bei den russischen Genealogen, nicht nur bei westlichen oder russischen Historikern auf Interesse stoßen wird, und dies ist nicht ganz selbstverständlich, denn Genealogie als historische Hilfswissenschaft hat erst kürzlich eine Rehabilitierung erfahren.

Marburg/Lahn — Inge Auerbach

Obituaries

Некрологи

Iakov Solomonovich Lur'e in memoriam

One the most prominent specialists of mediaeval Russian history, culture and literature, Iakov Solomonovich Lur'e, has passed away. On 18 March 1996, two months before his 75th anniversary, he succumbed to a heart attack.

Born on 20 May 1921 as son of a famous classical scholar, Solomon Lur'e, Iakov Solomonovich was predestined to an academic career, but being also of Jewish extraction his progress in the academic world was not to be an easy one.

Some may well be surprised that Iakov Solomonovich was not older. He published his first scholarly article in the Uchenye zapiski of Leningrad State University as early as 1939! He was, however, no more than 16 when he entered university, 20 when he finished, and 21 when he defended his *kandidat* dissertation.

Originally he had been attracted by American history, especially the Civil War, but having attended Mikhail Priselkov's lectures, his interests turned to Old Russian history and literature. The subject of his first published article, the role of Tver' in the creation of the Russian State, duly reflects this change of mind, as do his *kandidat* dissertation, devoted to Anglo-Russian relations during Ivan Groznyi's times.

While at university, the Second World War had broken out, and just as he finished university, Hitler attacked the Soviet Union. Due to near-sightedness, Iakov Solomonovich was, however, not called up but sent to teach behind the front. Only in 1944 did he return to Leningrad where he started teaching at the Gertsen Pedagogical Institute and the Academy of Arts. Iakov Solomonovich loved teaching but the anti-Semitic campaign against "cosmopolitanism" in 1949 in effect ended his teaching career, when both he and his father were forced out of their jobs.

From 1949 to 1953 Iakov Solomonovich was generally unemployed with only occasional jobs in distant corners of the Soviet Union, from Murmansk and Petrozavodsk over L'vov to Odessa. In these years the family was sustained by his wife, Irina Efimovna Ganelina – now a prominent cardiologist –, whom he had married in 1948.

BSB

During these difficult years Iakov Solomonovich only managed to get a few minor works published. With Dmitrii Likhachev's help he was, however, given the opportunity to collaborate in the publication of "Послания Ивана Грозного" in the well-known series, "Литературные памятники", which appeared in 1951. This publication did not, however, help his position much. In the constant atmosphere of intrigues by ambitious political and ideological agents with contacts to the political control apparatus, the *Obkom*, the subject of Ivan Groznyi was a dangerous one. The publication was accused of 'ideological diversion', in the Union of Authors, although, in the end, it escaped outright condemnation.

It was only after Stalin's death that Iakov Solomonovich was allowed to return to Leningrad, where, at first, he worked for four years in the State Museum of the History of Religion and Atheism at Kazanskii sobor. Here he found a suitable theme in the heretical movements of the 14th and 15th centuries in which he had previously been interested.

In 1957 Iakov Solomonovich and Natalia Kazakova, with whom he had just published "Антифеодальные еретические движения на Руси", joined the Sector of Old-Russian Literature at Pushkinskii Dom. As historians they were both considered outsiders by the close circle around the former and present leaders of the Sector, Varvara Adrianova-Perets and Dmitrii Likhachev respectively, who invariably – with good reason – feared intrigues by the *Obkom*. It has been well-known in scholarly circles, both in Russia and abroad, that the relationship between Iakov Solomonovich and D.S. Likhachev since then never became close.[1]

The next 25 years Iakov Solomonovich was on the staff of Pushkinskii dom. A period that saw an accelerating number of scholarly works from his pen. His doctoral dissertation "Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века", now a standard work, was published in 1960 and defended in 1962.

Later in the 1960s Iakov Solomonovich, retaining a broad interest in all features of Old Russian culture and literature, turned more and more to the fundamental study of the Russian chronicles, thus continuing the work of his once teacher, Priselkov. His work in this field was crowned in 1976 by the monograph "Общерусские летописи XIV–XV вв.", which firmly established him as the third link in the chain Shakhmatov – Priselkov – Lur'e.

Where his two predecessors attempted to uncover the earliest stages of chronicle writing, Iakov Solomonovich limited himself to establishing links between later extant chronicles, reaching results of a less hypothetical nature. Still his great and unaccomplished ambition was to attempt to reconstruct the hypothetical common source of the Fourth Novgorod Chronicle and the First Sofiia Chronicle that Shakhmatov had postulated. In the years after the publication of "Общерусские летописи", Iakov Solomonovich staunchly defended the existence of this source against the doubts which were

---

1 Both men briefly touched upon this in their contributions to Лев Александрович Дмитриев: Библиография, творческий путь, воспоминания, дневники. СПБ, 1995, p. 42, 74–77.

BSB

raised when the contents and structure of the unpublished Novgorod Karamzin Chronicle became better known. His preface to the forthcoming edition of this chronicle forcefully stresses this point of view.

Although not openly a dissident, Iakov Solomonovich was always on the fringe of dissidency, showing great civil courage. Therefore, when his secretary, the dissident Arsenii Roginskii, published a collection "Память" which led to his arrest 1981 on trumped up accusations, Iakov Solomonovich appeared in court for the defence, exposing the accusation as false. This was undoubtedly the immediate reason why Iakov Solomonovich, having reached the age of 60, was pensioned off in 1982 in connection with a "shortening of staff". – This unwillingness to compromise on civil rights may also explain why Iakov Solomonovich never reached the formal prominence within the Soviet and Russian academic system which his scholarly achievements certainly warranted. Iakov Solomonovich never became a corresponding member of the Academy of Sciences, let alone Academician.

The dismissal from Pushkinskii dom came as a shock. Still Iakov Solomonovich retained close links with most of his former colleagues in Pushkinskii dom and his presence at seminars was important for his younger colleagues – and, in the end, he also bequested his beloved complete set of PSRL to the Sector.

An immediate consequence of the dismissal was, however, that Iakov Solomonovich for a time turned his attention more to contemporary literature and the cinema. Under pseudonyms he published monographs on Il'f-Petrov (1983) and his father (1987) in Paris, and he also wrote a number of articles on Mikhail Bulgakov, just as he participated in publications of Bulgakov's works with introductions and commentaries.

During the period of Glasnost' and Perestroika Iakov Solomonovich was at last able to travel freely. In 1988 he visited Oxford where John Fennell was a close friend, reading lectures on Old Russian Literature. In 1990 he participated in a conference in the United States and afterwards toured the country with lectures, so that he could afford that his wife accompanied him, chosing themes like Tolstoi and Mark Twain, Bulgakov, but also Textology. In 1991-92 he received a grant from the Kennedy Institute which enabled him to stay in the States a whole year, during which he wrote the monograph "После Льва Толстого".

This detour into modern literature only sligthly slowed up the flow of works on Old Russia. A further two monographs have appeared, "Русские современники Возрождения" (1988) and "Две истории Руси XV в." (1994). Even after his death we can look forward to several works from Iakov Solomonovich. – Among these, one will, undoubtedly, have a special place.

Just before being ostracized from the scholarly world in 1949 Iakov Solomonovich had become acquainted with his contemporary Moscow colleague and counterpart – both on the scholarly level and as a future outcast from the academic system, Aleksandr

BSB

Zimin.[2] Apart from mediaeval Russian history, they shared a deep interest in the cinema. Starting in heated discussions on the heretic movements in 15th century their relationship turned into a close friendship, which from 1951 found expression in an accelerating correspondance, which lasted to Zimin's premature death in 1981.[3] During these thirty years they exchanged no less than 831 letters, mainly devoted to scholarly subjects – private and political matters were restricted to personal encounters. At a point in their correspondence they stopped dating the letters, leaving it as a test to future *aspiranty* to put the letters in order. When, however, a publication became possible after the collapse of the Soviet Union, it was Iakov Solomonovich himself who had to put the correspondence in order and to prepare it for publication.

No doubt the publication of this correspondance will become a major event in our scholarly world. Whereas Iakov Solomonovich saw this publication as a tribute to a close friend, to us it will also stand as monument to Iakov Solomonovich's own scholarly prominence, integrity and civil courage.

København

John H. Lind

Bayerische
Staatsbibliothek
München

2 Iakov Solomonovich never participated in the campaign against Zimin's views on the authenticity of *Slovo o polku Igoreve*, and he always demanded that Zimin's monograph on the subject, which circulated in forbidden copies, in all fairness had to be published. This did not help his own position at Pushkinskii dom, which, having the best specialists on the *Slovo*, naturally first of all was called upon to oppose and, as it turned out, repress Zimin's work.

3 Iakov Solomonovich has given a vivid account of their friendship in Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Одиссей: Человек в истории, 1993. Москва, 1994, p. 194–208.

BSB

Iakov Solomonovich Lur'e's published works from 1993*

1993

Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода // ТОДРЛ, т. 45, с. 192–195.

Лев Александрович Дмитриев (некролог) // Архив русской истории, 3, с. 272–273.

Лев Толстой и Петр Столыпин // Звездаб № 1, с. 164–173.

После Льва Толстого: Исторические воззрения Толстого и проблемы XX в. СПб.: Буланин, с. 168.

Русь XV века: Отражение в раннем и независимом летописании // ВИ, № 11–12, с. 3–17.

Феодальная война в Москве и летописание // ТОДРЛ, т. 46, с. 529–532.

1994

А. Солженицын – эволюция его исторических взглядов // Звезда, № 6, с. 117–125.

Библейские главы «Мастера и Маргариты» и метаморфозы их восприятия // Jews and Slavs. Vol. 2. Jerusalem, p. 247–252.

Булгаков М.А. Пьесы 30-х гг. СПб. [Подготовка текста пьесы "Иван Васильевич: Комедия в трех действиях" (тексты, другие редакции и варианты, примечания), с. 139–170, 400–409, 603–604].

Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. Paris, СПб.: Буланин, 240 с.

Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилева // Звезда, № 10, с. 167–177.

Духовное завещание митрополита Ионы (1452/1453–1464) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1993. Москва, с. 7–14.

«Жених Наташи Мандельштам». [О Р.Ф. Полякове] // Лица: Биографический альманах. Вып. 5. Москва, СПб., с. 487–491.

Из воспоминаний о А.А. Зимине // Одиссей: Человек в истории, 1993. Москва, с. 194–208.

О рассказах Веры Пановой // Всемирное слово, № 6, с. 36.

Судьба историка в контекстах истории (С.Я. Лурье: жизнь и творчество) // Вопросы истории естествознания и техники, № 2, с. 7–17 [совм. с Л.С. Полаком].

---

* Based on the bibliography of Iakov Solomonovich prepared for his 75th anniversary. It is published by the courtesy of Iakov Solomonovich's widow, Irina Efimovna Ganelina, to whom I wish to express my deep gratitude, JHL. For Iakov Solomonovich's earlier works, see the bibliographies in TODRL, 36, 1981, p. 405-412, covering the years 1939-1981; and TODRL, 47, 1993, p. 456–459, covering the period to the beginning of 1993.

BSB

Fifteenth-Century Chronicles as a source for the History of the Formation of the Muscovite State // Medieval Culture. Vol. 2. Berkely, Los Angeles, London, p. 47–56.

1995

Вольнодумец. [О М.Н. Ботвиннике] // Нева, № 6, с. 168–177.

Михаил Дмитриевич Приселков и вопросы русского летописания // Отечественная история, № 1, с. 146–159.

Из истории написания романа «Белая гвардия» // РЛ, № 2, с. 236–241.

Источники по истории «новоявившейся новгородской ереси» («жидовствующих») // Jews and Slavs. Vol. 3. Jerusalem, p. 199–223.

Переписка С.Я. Лурье с отцом об античном антисемитизме // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. Москва: Феникс, с. 211–232.

Рукописи М.А. Булгакова в Пушкинском доме (окончание) // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. Книга 3. СПб., с. 129–149.

Скобельцын Глеб Степанович (некролог) [совм. с Г.З. Бильвовской] // Санкт Петербургский государственный университет: Из летописи математико-механического факультета. СПб., с. 35–39.

Nil Sorskij e la composizione dell'„Illuminatore“ di Josif di Volokolamsk // Nil Sorskij e l'Esicasmo: Atti del II Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa „Nil Sorskij e l'esicasmo nella storia spirituale e culturale della Russia“. Bose, 21–24 settembre 1994. Magnano: Qiqajon.

1996

Приселков М.Д. История русского летописания XI--XV вв. Изд. 2. [редактирование, предисловие, примеч.]. СПб.: Буланин, с. 5–29, 259–280.

1997

Россия древняя и Россия новая. СПб.: Буланин

Полное собрание русских летописей. Т. 40. Новгородская Карамзинская летопись [редактирование, предисловие] // Москва: Археографический центр. [В печати].

København

John H. Lind

BSB

Abbreviations – Сокращения

AGAD	Archiwum Główne Akt Dawnych
AR I	Archiwum Radziwiłłów, Dział I (Pergaminy)
BSB	Bayerische Staatsbibliothek München
Byz	Byzantion
BZ	Byzantinische Zeitschrift
CCL	Corpus Christianorum: Series Latina. Turnhout: Brepols
FOG	Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, Wiesbaden
HUS	Harvard Ukrainian Studies
JGO	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge
MGH: Epistolae	Monumenta Germaniae Historica: Epistolae. München (u.a.), 1883–1995
MGH: Auctores Antiquissimi	Monumenta Germaniae Historica: Scriptores: Auctores Antiquissimi. München (u.a.), 1866–1996
MGH: Scriptores	Monumenta Germaniae Historica: Scriptores. München, 1826–1996
MGH: Schriften	Monumenta Germaniae Historica: Schriften. München (u.a.), 1938–1996
Migne PG	*J.-P. Migne* Partrologiae cursus completus. Patrologia Graeca. Paris, 1857–1936.
MPL	Patrologiae cursus completus: Series latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1879–1974
ÖNB	Österreichische Nationalbibliothek Wien.
PAN	Polska Akademia Nauk
PSB	Polski Słownik Biograficzny. Warszawa, Wrocław, 1936–
REB	Revue des études byzantines
RM	Russia Mediaevalis
RR	Russian Review
ZDP	Zbiór Dokumentów Pergaminowych
АЕ	Археографический ежегодник
АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России / собранные и изданные Археографической Комиссиею. Том 4. СПб., 1851
АО	Археологические открытия
АС	Археологический съезд
ВИ	Вопросы истории
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины

ГИКМЗМК	Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
ГИМ	Государственный исторический музей
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ИА АН УССР	Институт археологии Академии наук Украинской Советской Социалистической Республики
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИАК	Известия археологической комисии
КСИА	Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры
МГУ	Московский Государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МПК	Музеи и памятници на културата
ОИ	Отечественная история
ПВЛ	Повесть временных лет
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РЛ	Русская литература
СА	Советская археология
СбИРИО	Сборник имп. Русского исторического общества
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Т. 2. Москва, 1819
СПб.	Санкт-Петербург
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СЭ	Советская этнография
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы
ТРУАК	Труды Рязанской ученой архивной комисии
УІЖ	Український історичний журнал
УчЗап ЛГУ	Ученые записки Ленинградского гос. университета
Ф.	Фонд
ЧОИДР	Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при московском университете. Москва

BSB

Guidelines for the authors:

The authors are urgently requested to send in their manuscripts as a hard copy as well as in electronic form (on diskette or as e-mail). The redaction works with Word Perfect, but it can convert all usual text processor formats under DOS, Windows 3.11 und Windows 95.
Especially important for the redaction is the correct citation in the footnotes. Authors shoud keep to the following rules:

Monographs and articles are cited in full length when appearing first. Later on short titles are used. There are no references to the note in which they appeared first.

Citation of monographs (optional data in square brackets):

Scheme: *N. Author* Title: Subtitle.[Volume. Edition] [/ Editor.] Place, Year, ...–.... (Series nr.).

Examples: *L. Krevza, Z. Kopystens'kij* Lev Krevza's "A Defense of Church Unity" and Zaxarija Kopystens'kyj's "Palinodia". Part. 1. Texts / Translated with a Foreword by Bohdan Strumiński. Edited by Roman Koropeckij and Dana R. Miller with William R. Veder. Harvard, 1995, 1–911. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature 3).

F. W. Bergholz The Partition of the Steppe: The Struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for Empire in Central Asia, 1619–1758. A Study in Power Politics. New York, 1993, 521. (American UniversityStudies: Series IX. History 109).

No publisher, no p[age] or col[umn].

Citation of articles from journals or collections:

Scheme: *N. Author* Title: Subtitle // Journal, Volume[. Place], Year, [Number,] ...–....

Examples: *Thomas Prymak* The Post-Secondary Teaching of Ukrainian History in Canada: An Historical Profile // Ukraïns'kyj istoryk, 28, 1991, 1, 71–81.

E.N. Nosov Ryurik Gorodishche and the Settlements to the North of Lake Ilmen // The Archaeology of Novgorod, Russia: Recent Results from the Town and its Hinterland / Ed. by Mark A. Brisbane. Transl. by Katharine Judelson. General Ed. Rhona Huggins. Lincoln, 1992. 5–66. (The Society for Medieval Archaeology: Monograph Series 13)

No p[age] or col[umn]. The number of the issue is necessary only when issues have separate pagination.

Citation of a short title:

Scheme: *Author* short title, Volume, ...–....

Examples: *Krevza, Kopystens'kij* Lev Krevza's "A Defense ...", vol. 1, 5–8.
Bergholz Partition, 52–58.